

ISSN 2592-916X
ISSN 2592-9232

ПАЛАДИУМ PALLADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal # 7 (2023/3)

НАУКА И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ КАТАСТРОФЫ

freeuniversity.education • freeuniversity.pubpub.org

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПАЛЛАДИОН
#7 (2023/3)

НАУКА И КУЛЬТУРА
В ЭПОХУ КАТАСТРОФЫ

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Journal

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfofoundation.org

Palladium • Палладиум • Палладиум

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •

Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CCo 1.0 Universal Public Domain Dedication

#7 (2023/3) «Наука и культура в эпоху катастрофы»

DOI: 10.55167/C1D2EB7F72AF

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Елена Лукьянова

РИСУНОК НА ОБЛОЖКЕ Марина Садомская

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК Владимир Харитонов

Свободный Университет
freeuniversity.education

Издательство Свободного Университета
freeuniversity.pubpub.org

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

• Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»

• Елена Лукьянова, Илья Шаблинский
«Авторитаризм и демократия» (2-е изд.)

• Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью:
Университет на карантине и в дистанте»

• Елена Лукьянова, Евгений Порошин

(при участии Андronика Арутюнова, Сергея Шпилькина
и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»

• Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»

• А ТАКЖЕ ШЕСТЬ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «PALLADIUM»:

#1 «Город как текст»

#2 «Современные угрозы свободе»

#3 «Социология войны»

#4 «Ролан Барт и культура демократического общества»

#5 «Мир и война. Двойная оптика»

#6 «Государство и война»

Содержание

- 7 PHILIPP CHRISTOPH SCHMÄDEKE Introduction
- ФИЛОЛОГИЯ И КРИТИКА ЯЗЫКА
- 10 СЕРГЕЙ ЗЕНКИН Филология перед военным вызовом
- 20 ГАСАН ГУСЕЙНОВ Филология и война
- Антикоррупционный активизм: новые вызовы, риски и возможности
- 33 Алёна Вандышева Антикоррупционный активизм в России: новые вызовы, риски и возможности
- 40 ILYA SHUMANOV The Russian Illicit Financial Flows after the start of the War
- РАЗРУШЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОФСОЮЗА
- 48 Ксения Лученко Как громили российские вузы
- 57 Данила Расков, Денис Скопин Судьба Факультета свободных наук и искусств СПбГУ до и после 24 февраля 2022 года
- 67 Дмитрий Дубровский Высшая школа экономики — история взлета и падения
- 79 Дмитрий Дубровский Как российская наука выживает и развивается в изгнании
- 87 Андronик Арутюнов Что прогнило в датском королевстве?
- 93 Павел Кудюкин Профсоюзы и университет в России
- ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС
- 119 Леонид Гозман Психологическое состояние современной России
- 127 Евгений Н. Историческая наука и академическое сообщество в России после февраля 2022 года: условия, тенденции, перспективы

НАУКА В НЕПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

- 145 ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА О роли и состоянии юридического образования и конституционно-правовой науки в условиях авторитарного правления
- 163 КИРИЛЛ ФОКИН Состояние политической науки в России: кейс исследований в области международных отношений
- 170 АНДРЕЙ ЗАЯКИН От ворованной науки — к поиску корней лженауки

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КУЛЬТУРОЙ

- 181 ЯН ЛЕВЧЕНКО Добро пожаловать в Зомбилиенд: российский кинематограф новой войны
- 192 НИНА АГИШЕВА Как война изменила русский театр
- 205 ОЛЬГА РОГИНСКАЯ Теории перформативности и театральности: реактуализация в современных арт-практиках и пространствах повседневности
- 214 КАТЯ КАПОВИЧ Хроники этой войны

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

- 256 ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА Хроники Свободного университета. Часть 6
- 280 МАКС ГОЛЬДШТЕЙН Природа человека как предмет нового междисциплинарного курса
- 297 ДИЛЯРА ТАСБУЛАТОВА Гасан Гусейнов: Мыслить точно

Content

- 7 PHILIPP CHRISTOPH SCHMÄDEKE Introduction
- PHILOLOGY AND CRITICISM OF LANGUAGE
- 10 SERGEY ZENKIN Philology before the military challenge
- 20 GASAN GUSEINOV Philology and War
- ANTI-CORRUPTION ACTIVISM: NEW CHALLENGES, RISKS AND OPPORTUNITIES
- 33 ALYONA VANDYSHEVA Anti-Corruption Activism in Russia: New Challenges, Risks and Opportunities
- 40 ILYA SHUMANOV The Russian Illicit Financial Flows after the start of the War
- THE BREAKDOWN OF UNIVERSITIES AND POSSIBILITIES FOR THE UNIVERSITY UNIONIZATION
- 48 KSENIЯ LUCHENKO How Russian universities were destroyed
- 57 DANILA RASKOV, DENIS SKOPIN The fate of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of SPbSU before and after February 24, 2022
- 67 DMITRY DUBROVSKY The Higher School of Economics — the story of rise and fall
- 79 DMITRY DUBROVSKY How Russian science survives and develops in exile
- 87 ANDRONIK ARUTYUNOV What's rotten in the state of Denmark?
- 93 PAVEL KUDYUKIN Trade unions and universities in Russia
- HISTORICAL STUDIES AND THE PSYCHOLOGICAL CRISIS
- 119 LEONID GOZMAN Psychological status of modern Russia
- 127 EVGENY N. Historical Studies and Academia in Russia after February 2022: Conditions, Trends, Future

SCIENCE IN THE UNLAWFUL STATE

- 145 ELENA LUKYANOVA On the role and current state of legal education and constitutional-legal science under the authoritarian rule
- 163 KIRILL FOKIN The Current State of Political Science in Russia: Research in the Sphere of International Relations
- 170 ANDREI ZAYAKIN From the stolen science to the search of the roots of pseudoscience

WHAT'S HAPPENING TO THE CULTURE

- 181 JAN LEVCHENKO Welcome to Zombieland: Russian Cinema of the New War
- 192 NINA AGISHEVA How the war changed the Russian theater
- 205 OLGA ROGINSKAYA Theories of Performativity and Theatricality: Reactualization in Contemporary Art Practices and Spaces of Everyday Life
- 214 KATYA KAPOVICH Chronicles of this war

UNIVERSITY LIFE

- 256 ELENA LUKYANOVA Free University Chronicles. Part 6
- 280 MAX GOLDSTEIN Human nature as the subject of a new interdisciplinary course
- 297 DILYARA TASBULATOVA Gasan Guseynov: Thinking precisely

Наука не может полноценно развиваться в тоталитарном государстве, в условиях цензуры, преследований и страха. Свобода мысли и свобода высказывания — те ценности, без которых не может существовать диалог внутри научного сообщества, а значит и его развития.

Немецкий проект SCIENCE AT RISK Emergency Office был создан как ответ на политические репрессии в Беларусь в 2020 году. После полномасштабного вторжения России в Украину, в рамках проекта возникли еще два направления: поддержка украинских ученых, пострадавших от войны, и российских ученых, подвергшихся политическим репрессиям из-за несогласия с агрессивной политикой России.

Сотрудничество с учеными, вынужденными покинуть Россию и лишенными возможности безопасно продолжать академическую деятельность в российских институциях — наш вклад в сохранение науки, образования и в целом гражданского общества.

Одной из форм такого сотрудничества с российскими учеными стали прошедшие весной и летом 2023 года круглые столы, организованные совместными усилиями проекта SCIENCE AT RISK Emergency Office и Свободного университета. Свободный университет — один из наиболее ярких примеров сопротивления академического сообщества в России, не согласного с тоталитарным режимом и создавшего свое собственное пространство для высказывания.

Каждый круглый стол — попытка создать пространство свободного и честного диалога об изменениях в той или иной области знания, о языке анализа современной действительности, о способах продолжения научной и академической деятельности в условиях войны и репрессий. Круглые столы легли в основу нового выпуска журнала «Палладиум».

Мы верим, что темные времена пройдут, и наступит время, когда в России можно будет свободно заниматься наукой и образованием.

SCIENCE AT RISK Emergency Office,
Dr.rer.pol. *Philipp Christoph Schmädeke*

ФИЛОЛОГИЯ
И КРИТИКА
ЯЗЫКА

Филология перед военным вызовом

Сергей Зенкин

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник РГГУ, профессор Высшей школы экономики (Санкт-Петербург), профессор Свободного университета

Филология — не самая злободневная наука, это не политология, не социология, даже не политизированная сегодня история. Она развивается медленно, в масштабе долгой временной протяженности, меньше других реагирует на текущие политические события, а потому и меньше других подвержена прямому политическому принуждению. После начала российско-украинской войны (точнее, после ее полномасштабного обострения в феврале 2022 года) филология в России сравнительно мало пострадала на содержательном уровне; в ней как будто еще не было случаев закрытия проектов или резкого переформатирования исследований из-за политической конъюнктуры. Правда, она сильно пострадала в кадровом отношении: мы лишились многих превосходных специалистов, которые уехали за границу. Я знаю научные коллективы, которые после 24 февраля потеряли половину своего состава — иностранных и российских сотрудников. Сам я не стал эмигрировать (за год неоднократно выезжал за границу, но всякий раз возвращался), потому что считаю, что на сегодня от меня больше пользы в России, чем где-то еще. Однако это может перемениться, и тем более я не собираюсь порицать тех своих коллег, кто уехал.

Если прогнозировать дальнейшие последствия войны, то можно ожидать общего обеднения гуманитарных наук, усиления цензуры (это уже постепенно происходит), смены начальства в научных и учебных заведениях для более плотного режима идеологического контроля (это тоже происходит — взять хотя бы Вышку). Особенно печальная тенденция — усиливающаяся международная изоляция российской

науки, которая затрагивает все ее отрасли. С 2022 года резко осложнилось сотрудничество с иностранными учеными и особенно с иностранными научными учреждениями: российские государственные университеты и институты скомпрометированы, с ними мало кто соглашается иметь дело. Повторяю, это касается всех наук одинаково, в качестве филолога мне нечего сказать специфически об этой стороне дела; как и как скоро будет преодолеваться изоляция — неизвестно, сие зависит не от собственно научных факторов.

Политическая изоляция не означает полного разрыва отношений между русскими и зарубежными филологами. Несмотря на военное время, связи сохраняются и, думаю, будут сохраняться и дальше, но на пониженном концептуальном уровне: ученые меньше будут обсуждать общие проблемы и больше — конкретные, безопасные исторические факты взаимодействия разных литератур. Вместо концептов будут изучать контакты — то, как писатели переводили друг друга, ездили друг к другу, какие у них были общие предприятия, какие документы, связанные с литературой одной страны, хранятся в архивах другой страны. Этими исследованиями занимаются многие добросовестные люди, и само по себе это полезное и нужное дело, но оно не может быть единственной целью международных научных проектов. Между тем еще задолго до войны не только российские, но иностранные институции (особенно государственные) были склонны понимать связи между культурами по образцу торговых или дипломатических отношений, сводя их к прямому «товарному обмену», к непосредственным встречам людей и текстов. В сознании бюрократов труднее умещается иная, не столь очевидная сторона культурного процесса — передача общих идей, взаимодействие концептуальных языков, которые получают новое развитие на новой почве. К сожалению, нынешний разрыв России с мировой наукой хоть и мотивирован войной, но и во многом подготовлен дурными институциональными привычками с обеих сторон. Их можно исправить, и рано или поздно это удастся, но это дело долгое.

Если же и дальше прогнозировать послевоенное развитие мировой филологии, то следует ждать — она тоже нача-

лась — переориентации славистики с истории русской культуры на изучение других славянских народов и стран, в числе которых особое место займет, конечно, Украина. Так и должно быть: для науки плохо, когда в качестве главной, чуть ли не единственной славянской литературы изучают словесность одной страны, — это не только несправедливо по отношению к другим, но и искажает ее собственную картину, отрывая ее от полноценного международного контекста. В общем, предстоит не столько потеря интереса к русской культуре, сколько пересмотр его пропорций.

В мировом, а не узко национальном российском масштабе следует рассматривать и общие проблемы истории русской культуры, некоторые из которых драматически обострились в дискуссиях военного года. Такова, например, запутанная проблема «ответственности культуры за войну». Сегодня ее нередко сводят к бойкоту деятелей искусства из России, хотя на самом деле эти временные военные санкции не обязательно обосновывать понятием ответственности (хотя некоторые из людей, о которых идет речь, действительно несут моральную ответственность за происшедшее). Есть, однако, более общий вопрос, которым должна заниматься наука: насколько культура в принципе может способствовать или противиться катастрофическому ходу исторических событий? В литературе и искусстве любой большой страны, не только России, найдутся как антивоенные, так и милитаристские традиции: они есть, например, в культуре Франции, просто за истекшие сто лет последние не столь драматически проявляли себя. Оставаясь в рамках историко-филологического исследования, правомерно задумываться о том, как та или иная культура (художественная и интеллектуальная) противостояла или не могла противостоять соблазнам военных авантюр в прошлом. Например, одной из любимых тем российской филологии после падения коммунизма, когда исчезла цензура и стало можно изучать запрещенных раньше авторов, стал «Серебряный век», конец XIX и начало XX века, блестящая эпоха в истории русской литературы. Но вот вопрос, который ставился очень редко: а как получилось, что эта блестящая культура допустила военную катастрофу 1914 года? Ката-

строфу, из которой вышло многое дальнейшее — и огромные военные потери, и революции в России и других странах, и губительные тенденции имперского реванша, а также образование новых независимых государств на месте распавшихся империй. Например, в результате Первой мировой войны возникла Украинская народная республика — в дальнейшем номинально самостоятельная Украинская ССР, а в конце концов и нынешнее суверенное государство Украина; сегодняшние политические напряжения намечались уже тогда, как же на них реагировала культура? Известно, что многие видные деятели русского Серебряного века, подобно своим коллегам из других европейских стран, приветствовали империалистическую войну, больше или меньше разделяли шовинистическое одушевление. Сегодня эта давняя, но важная страница истории может служить сравнительно безопасной, то есть не вызывающей ожесточенных идеологических споров моделью процесса, который мы наблюдаем в нынешней России, и описать ее — актуальная задача для науки, включая науку о литературе.

Филология по своей исторической задаче служит сохранению и изучению традиции; филологи — это люди, которые помнят старые слова и старые тексты, рассказывая другим, что значат эти тексты и как употреблять эти слова. Такова обычная, стандартная работа филолога, отчего вся эта наука тяготеет к консерватизму. А в Советском Союзе и постсоветской России ее консерватизм еще и стал противовесом культурному разрыву, произошедшему после революции 1917 года, в условиях советского строительства новой и подавления старой культуры. Ведущие филологи и мыслители оказались сакрализованными персонажами, как это описал в свое время Алексей Берелович, говоря о «культе личности» в российских гуманитарных науках. Эти люди виделись великолепными осколками прошлого, уникальным связующим звеном между «Россией, которую мы потеряли» (так назывался знаменитый в свое время фильм) и нашей современностью: Алексей Лосев, Михаил Бахтин или продолжавшие ту же линию Сергей Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов, Юрий Лотман. Фактически этоискажало их образ, мешало адекватно оценивать их научные достижения. Что было усвоено

из большого и сложного наследия Лотмана? В глазах широкой публики то была не созданная им теория литературы и культуры, а его феноменальная историко-культурная эрудиция. Наибольшей популярностью пользовались его телевизионные «Беседы о русской культуре», где он доступно рассказывал, как она была устроена лет двести тому назад; то есть усваивалась популярная сторона науки, обращенная не столько на объективный анализ, сколько на восстановление традиции, связи времен. Нельзя сказать, что это бессмысленная и ненужная задача, — вовсе нет. Но гуманитарные науки XX века в разных странах и даже в тоталитарном Советском Союзе — в частности, усилиями того же Лотмана и его сподвижников — задавались и иными задачами, такими как критика культуры, теоретическое описание того, как она развивается и какие вопросы следует ставить в ее отношении. В самых поздних своих работах Лотман даже прямо высказывался о критической ситуации в советской «перестройке», о том моменте неопределенности, который переживали Советский Союз и Россия, и о том, какие выходы возможны из кризиса. Эти мысли, к сожалению, не получили дальнейшего развития, по крайней мере, в российской филологии, и сегодня мы сталкиваемся в ней с дефицитом концептуального теоретического мышления, заслоняемого другими, традиционно-эмпирическими задачами.

Приведу наблюдение из своего личного опыта. Случилось так, что я еще в советское время сравнительно много знал о теоретико-культурном научном движении в мире, читал теоретиков 1970-х и более ранних лет. После падения коммунизма это мое знание некоторых важных книг и умение как-то переводить и толковать их оказались востребованы. В частности, одно время я много переводил и комментировал Ролана Барта — замечательного критика культуры, большого ученика и мыслителя; но, встречаясь с людьми, которые читали мои переводы и высоко ценили эти тексты, я видел, что это в основном не филологи, не литературоведы или лингвисты, а скорее философы или люди, связанные с искусством, то есть обладающие другими умственными привычками и работающие в других сферах, чем Барт (филолог-классик по образованию!). Это, конечно, влияло на их отношение к текстам: если во

Франции идеи послевоенных теоретиков исторически быстро входили в научный канон, то для российской филологии они до сих пор обретаются в каком-то лимбе между наукой и литературой, между точным знанием и безответственным вымыслом. Так называемая «французская теория», широко импортировавшаяся в нашу страну в 1990-е годы, не вошла по-настоящему в мышление филологической науки. При переносе на русскую почву в ней потерялись освободительные и даже революционные тенденции. В послеперестроечную эпоху само слово «революция» стало у нас едва ли не ругательным, что активно эксплуатируется сегодняшней пропагандой, пренебрежительно толкующей о «цветных» революциях. А вот французские теоретики в большинстве своем были людьми левых убеждений и не боялись соотносить радикализм своей мысли с политической революционностью (это французская традиция, которой уже более двухсот лет).

В постсоветской России вместо передовой теории распространилась отсталая и эклектическая теория литературы и культуры, где смешаны остатки как будто бы отброшенной марксистской догматики с фрагментами плохо усвоенных западных концепций разного толка. Например, провозглашался так называемый «цивилизационный подход»; он скорее применялся в социально-политической истории, но также и в теории культуры и отчасти литературы, поскольку та входит в состав культуры. У всех сегодня на слуху выражение «культурный» или «цивилизационный код» — интересный пример того, как высокие научные достижения предыдущего периода оказалось опошлены и приспособлены к целям вульгарной пропаганды. Дело в том, что понятие «культурного кода» широко использовалось в семиотике Юрия Лотмана, который вводил это понятие, описывая множественность культуры. По его мысли, в каждой живой культуре есть разные культурные коды, разные возможности постижения мира, которые конкурируют, развиваются, скрещиваются. Мы свободно делаем из них выбор, мы творцы, а не рабы своих культурных кодов. Сегодня об этом, кажется, не помнит никто, сегодня и в журналистском, и даже в академическом дискурсе понятие «культурного кода» употребляется только

в смысле незыблемой сущности какой-то группы (особенно нации), наподобие не культурного, а природно-генетического кода. Такое понимание удобно для пропаганды империалистических и ксенофобских идей, потому что если «мы» все обладаем одним культурным кодом, то, во-первых, не можем друг с другом всерьез спорить, в частности не можем возражать власти, поскольку это же «наша» общая власть. И во-вторых, «нам» следует отгораживаться от других наций: у них ведь там свои, чуждые культурные коды, с которыми у «нас» нет никакого взаимопонимания и не может быть никакого глубокого смыслового диалога, разве что товарный обмен и военная конкуренция. Такая деформация серьезных теоретических идей, в числе всего прочего, вела к тому, к чему мы пришли.

Страдая дефицитом теории, нежеланием заниматься ею всерьез, постсоветская филология упустила важную для современной мировой науки проблему канона — то есть, точнее говоря, проблему критики канона, показывающей, что корпус классических текстов возник исторически, по случайным причинам, а мог сложиться и по-другому. Не задумываясь серьезно о ходе этого процесса, филология вместо деконструкции канона занялась его стихийной реконструкцией — заменой одних классиков другими, Горького — Солженицыным, Маяковского — Бродским и так далее. Такой реформированный, тоже исторически случайный школьный канон изучают сегодня школьники, по-прежнему не понимая, что это конструкт, созданный людьми в силу определенных обстоятельств, что статус классика и сам институт классиков являются социальными фактами, о чем часто напоминал преждевременно скончавшийся социолог, переводчик и эссеист Борис Дубин.

С проблемой национального канона связана и другая, которая сейчас активно обсуждается не столько в филологии, сколько в публицистике, — проблема так называемого колониального мышления и отношений между разными национальными традициями в культуре. Впрочем, она шире, чем собственно проблема канона, потому что в истории мировой культуры взаимодействуют не только великие, классические писатели, но и рядовые, малоизвестные авторы, а также

фольклор, где вообще нет авторов как таковых. В этом взаимодействии обычно различаются господствующие и подчиненные традиции, живущие в состоянии скрытого, а иногда и открытого конфликта. Исследования таких процессов начались в постсоветской России, журналы «Ab imperio» и «Новое литературное обозрение» держали в поле внимания вопросы формирования имперской культуры Советского Союза и постсоветской России. Другое дело, что такие исследования не стали массовым трендом — это если не изолированный анклав, то передовой отряд, за которым мало кто следует; а политическая (само)изоляция России и не очень способствует, чтобы кто-то за ним следовал.

Еще большая и важная область филологической работы: не занимаясь изучением конкретной лингвистической тематики, я тем не менее в силу своих теоретических интересов должен размышлять об общих проблемах языка; о них писали многие теоретики, которых я комментирую, а в прошлом и переводил. Например, тот же Ролан Барт в 1950-е годы, когда Франция вела жестокую и безнадежную колониальную войну в Северной Африке (нам бы поучиться на ее печальном опыте!), начал изучать идеологические функции повседневного языка. Он описывал работу языка в условиях стабильной политической системы, при наличии устойчивой демократии и партийной конкуренции. Сегодня его идеи важны и для нас, но их приходится дополнять другими, которые он лишь бегло наметил: думать не только о «мифологии» культуры, сколько о том, что можно назвать ее «магией», о том, как ее язык принудительно внушает живущим в обществе людям определенные представления, как он формирует их мышление, заставляя покорно прислушиваться к требованиям власти. Если говорить о русской культуре, то здесь есть много интересного: взять хотя бы специфическое использование матерщины в целях властного самоутверждения. А в последние годы не только Россия, но и другие страны мира столкнулись с языком «постправды», который исключает любую конкретную ответственность, распространяя вымыслы и убеждая, что «мы никогда не узнаем правды». Как известно, сам термин «постправда» появился в Америке, где этот процесс развился вполне опасно, чуть ли

не катастрофическим образом. Сегодня он обратился и на Россию, и мы видим худшие его проявления. Большая часть наших соотечественников живет в состоянии не то чтобы ненависти, не в активном возбуждении против украинцев или кого-нибудь еще, а в состоянии неверия, когда властям приходится подчиняться просто потому, что никому другому невозможно поверить. Это тоже проблема языка и его авторитета, которую необходимо изучать, помимо прочего, на материале литературы, благо она сама давно описывает на свой лад такие языковые ситуации.

Сказанное касается не только филологии и теории литературы, но и всех общественных наук, да и вообще всей социальной жизни. И все же роль филологии и лингвистики здесь особенно велика. Может быть, я переоцениваю возможности этого цеха, но филология могла бы сделать кое-что важное, чтобы противодействовать обесцениванию языка. Для этого нужно плотнее вписывать свою культуру, литературу и интеллектуальную историю в международный контекст; это может показать, что переживаемое нами сегодня — не ни с чем не сравнимое историческое бедствие, не наша уникальная болезнь, что другие народы тоже ею болели и худо-бедно справлялись, хотя и дорогой ценой. Литература отражает все это. Вот почему особенного развития заслуживает одна филологическая дисциплина, которая, к сожалению, мало укоренилась не только в советской, но даже и в постсоветской России. Это компаративная литература — изучение многих культурных и языковых традиций, нацеленное не только на случайные контакты между ними, но и на общие проблемы, которые они решают, на общие эволюционные модели, которые в них реализуются, и на общие опасности, которые им (нам) грозят. Мы не одни на земле — об этом очень важно помнить, и филолог, вооруженный знанием языков и чужих культур, должен напоминать об этом себе и другим.

Я убежден, что многие сегодняшние общественные проблемы России, даже самые ужасные, вроде ксенофобии и агрессивного реваншизма, — это лишь особо болезненное, особо острое выражение мировых тенденций. Нам исторически «повезло» оказаться в критической точке развития всего

человечества. Осознание этого необходимо для правильного понимания ситуации и для дальнейших действий не только в науке, но и в политике. Наука о словах и текстах способна этому содействовать.

DOI: [10.55167/8db994446ef9](https://doi.org/10.55167/8db994446ef9)

Филология и война

Гасан Гусейнов

Доктор филологических наук, профессор Свободного университета

И тут мы можем повторить слова Мандельштама, которые были сказаны 90 или даже больше лет назад: «Чем была мать-тушка филология и чем стала... Была вся кровь, вся непримиримость, а стала псякрев, стала всетерпимость...» В целом, несчастье всего советского периода состояло в том, что филология превратилась в такую нишу, в которой люди пытались спрятаться от идеологии, а попутно прятались и от реальности, и она этой нишой в значительной степени осталась. Мы не просто отстали на советскую власть, мы наблюдали. Со стороны, как какие-нибудь филологи классики в 1960-х — 1980-х годах пробивали лед традиционализма на Западе, создавали новые теории культуры.

Может быть, перебирая имена, можно сказать, что были историки, как, например, Арнальдо Моммельяно, Кеннет Дувр или Э. Доддс, которые меняли профиль целых направлений гуманитарных наук, воздействовали на свое общество. У нас этого совершенно не было. Классическая филология, с точки зрения ее места в обществе, не в академическом только мире, а именно в обществе, была нишой для выживания в агрессивной социальной среде. Функция утешителя хороша на какое-то время, но она не может принести ничего хорошего после нескольких поколений с опытом архаичного представления о гуманитарных науках как о хранительницах традиции. Историк и теоретик культуры Г. С. Кнабе объяснял мне в начале 1980-х, почему всю жизнь занимался не своим делом: «Нельзя быть на страже — снесут и утопят». Только на старости лет, дожив до минования СССР, Кнабе пришел «на стражень». В силу преклонного возраста Кнабе, к счастью, не успел увидеть, какой сель снес и его поколение, и два последующих.

К этой войне филология не смогла подготовить свое, так сказать, население, потому что люди не думали, что это может оказаться актуальным, что язык, на котором говорят всякие

жириновские и путины, что именно этот габитус как-то может изменить реальность. Разве это все не пустая болтовня, зачем анализировать это? Ведь есть же настоящий язык, есть высокая культура, а вот у них не настоящий. Меня часто спрашивали и спрашивают, зачем я копаюсь в этом деръме, позабыв о словах Маяковского.

Но выяснилось, что это было нужно, что именно филология как наука могла что-то подсказать о том, что происходит в обществе и с обществом, и что нас ждет политически. Поэтому в глубине всего этого разрастается отчаяние и разочарование в гуманитарных науках как таковых. У очень многих студентов. У меня все-таки десятки студентов, если не больше сотни, которые за те 12 лет, что я преподавал в России, успели разъехаться. И не только потому, что я многим внушал мысль о необходимости поучиться за пределами РФ.

Они бросают эту всю филологию, они не хотят этим заниматься. Дальше они берутся за что-то другое. Так они преодолевают ошибку архаичного понимания филологии.

Сергей Зенкин уже говорил о культе Серебряного века. Конечно, это только метафора, но она действительно во многом определила ход исследовательской мысли. Речь идет ведь не только о 1914 году. Все события, начавшиеся в России с русско-японской войны и общественное движение этого времени, вообще все, что было с 1905 по 1914 год, и яростный всплеск национализма и все последовавшее — это предмет для критической рефлексии именно сегодня. В 1912 году, когда, с одной стороны, были либеральные движения, собирались Дума и появлялись какие-то зачатки демократии, а с другой стороны, какой-нибудь П. Г. Струве, который говорил о том, что надо пристрнить все эти малые народы, закопать украинство и другие малые народы и инородцев, так сказать, держать в узде и так далее. Ему тогда отвечали, например, Жаботинский. Это был литературно-общественный разговор. Это был разговор на очень хорошем русском языке о каких-то страшных исторических обстоятельствах. Как и когда закончился этот разговор? Две мировые войны и советская эпоха завалили кошмарным мусором и всю постколониальную проблематику развития языков, развития культур. Дубовая идеология должна была от-

городить от страха, что продолжение разговора снова разорвет Россию. Но даже она не сразу стала такой дубовой. Постепенно филология уходила из общественного диалога в подполье. Огромная по масштабу привлеченных авторов и тем работа, проделанная «Новым литературным обозрением» (книжным издательством и его журналами), за тридцать лет не смогла напитать своими соками культурную толщу. Общество осталось отдельно, крупнейший гуманитарный проект — отдельно. Война показала, насколько верхушечным было освобождение разума времен перестройки. После 24 февраля 2022 года возникли новые организационные задачи, но можно определенно сказать, что снова войти в советскую реку с фигой в кармане, с готовностью интеллектуалов к цензуре и т. п. мерзостям, получается плохо.

И в это время возник, по-видимому, тот культ абстрактной классики, великих достижений нашей литературы, всякий раз иной. Но общее ощущение, что филология, как теперь и история, должна заниматься предписывающими практиками — как правильно говорить, какой язык настоящий, чистый, прекрасный, какая литература классическая, что за чем должно следовать, — осталось.

Вот это пристрастие кциальному в конечном счете страшно развратило людей, и поэтому всякое живое воспринималось как неклассическое. И это общее представление широко распространено до сих пор. «Давайте не будем. Давайте не будем вот этих авторов, это неклассические авторы, это вообще неизвестно что. Новой литературы никакой нет. Надо ориентироваться на великие образцы». И в конечном счете это привело, как мне кажется, к последствиям, очень губительным просто для психики носителей языка, которые свой собственный язык презирают, относятся к нему без особого уважения в голове.

Где-то держат некоторый образ собирательного Пушкина, фотографируются на его фоне, а вот на то, что появляется живое, свое из своего поколения, на это внимания не обращают. Сам этот разрыв, мне кажется, тоже является предметом, должен быть предметом изучения, но он углубляется сейчас на наших глазах.

Сергей Зенкин сказал о «великолепных осколках прошлого» — от Бахтина до Лотмана, — как и о том, что из их наследия в самой России актуализован оказался традиционализм или то, что менее всего для них обоих характерно.

Развивая мысль Сергея Зенкина, можно сказать, что вместе с советским догматизмом и начетничеством из генуинной гуманитарной практики ушла вообще всякая теория. Теория (и теории) и метод (и методы) исследования некритически оттеснены.

Понятно, что это отвращение к теории возникло у людей, поколениями заваленных мусором официальной идеологии. То есть теория была подменена идеологией. Поэтому когда кто-то говорил человеку о методологических основаниях, на которых он работает, человек немедленно сникал и закрывался от этого. Сам я был не только свидетелем, но до некоторой степени жертвой этой катастрофы, когда в 1990 году оказался в Европе, где теория и вопросы методологии были основополагающими, а у меня никакого вкуса к этому не было. Вернее, он был отбит.

Должно было пройти несколько лет, прежде чем я как-то это осознал.

Далее, проспали — широко, в массовом порядке — и критику языка как проблему метода размещения филологии в обществе. Мало того, что слово критика воспринималось то и дело как ругань, то есть не как разбор и анализ, а как «зубодробительное действие». Отругать, отвергнуть, наказать за то, что «не так» в научных работах. Можно было сразу обличить, так сказать, настоящих ученых и отделить их от ненастоящих в советской, в позднесоветское время, когда к тебе приходили и говорили: «Слушай, прочитай, мне нужна критика», — ты понимал, что вот есть нормальные люди, и как же их мало.

Или ты даешь кому-то работу и говоришь, мол, жду от тебя критики. То есть жду от тебя разбор. Это элементарная простая вещь. Но в сознании очень многих людей критика, в том числе и критика языка, критика оснований нашего мышления, оснований социальной жизни, оснований социальных и политических дискуссий — не получила, в общем, никакого

развития. Можно действительно пересчитать по пальцам одной руки людей, которые этим занимались.

Лингвистов, которые этим занимались, таких, как Шмелевы, Ирина Левонтина, Максим Кронгауз. Этих людей мало, их ученики бежали из страны, нынешние завалы предстоит разбирать следующему поколению. Преступление против науки еще не осмыслено тоже.

Алексей Берелович упомянул Льва Николаевича Гумилева. Мне довелось с ним общаться некоторое время в самом начале и в середине 1970-х в ИНИОНе. Трудно было не подпасть под обаяние этого человека. Но каким же дремучим идейно был лес, из которого он вышел к этим вот позднесоветским людям, подавая нам какие-то мистические сигналы из недр того самого бесчеловечного мира, откуда свои сообщения передавал и Шаламов. Мне кажется, филологическая наука еще даже близко не подошла к обсуждению той антропологической катастрофы, которая привела к нападению на Украину.

У моего восприятия состояния гуманитарной науки в РФ есть несколько биографических изъянов. Один из них — случайное выпадение из российской жизни с 1990 по 2007 год, когда я почти не бывал в РФ, а преподавал, работал исследователем и журналистом в Германии, Дании и нескольких других странах.

После 17 лет жизни в Германии я в 2007 году вернулся в Москву преподавать и зафиксировал для себя одно обстоятельство. Я буду о нем говорить очень осторожно, чтобы, так сказать, не прослыть каким-то гонителем чего-то, но, тем не менее, должен сказать об этом. Меня поразил обскурантизм. Даже некоторая религиозная одержимость, показная религиозность вроде бы цивилизованных людей.

Главное: изменился контекст. Замечательный преподаватель древнегреческого Андрей Чеславович Козаржевский мучительно выпускал грамматику новозаветного греческого языка. Это было все совершенно невозможно, потому что религия в советское время преследовалась. Но когда это преследование кончилось, когда кончилась атеистическая пропаганда, то наачалась другая эпоха, которая, например, увидела в клас-

сической филологии старую верную служанку богословия. Современная наука зашагала к концу 19-го и началу 20-го века.

Классическая филология Ролана Барта это все-таки что-то совсем другое, чем классическая филология Сергея Ивановича Соболевского или Сергея Ивановича Радцига, хранивших очаг.

На прошлогодней встрече со студентами моего курса по «Риторике» Михаил Ямпольский сказал о страшном обеднении интеллектуального репертуара. Сведение репертуара культурной критики и общественно-политической борьбы к нескольким простейшим формам традиционализма, включая разговоры о «культурном коде», о раз и навсегда записанной «ДНК культуры» и т. п. — по большей части пустые метафоры.

И во время войны из всего богатства идей, научных теорий и научных школ тебя загоняют в какую-то совершенно беспросветную вакханалию.

В ходе войны всплыла тема войны языков. Она сама по себе ужасна, и неверно говорить, будто на фоне истребительной войны, которую РФ ведет в Украине, русские должны молчать, или русская наука должна, дескать, взять паузу, а у русских интеллектуалов нет права высказываться вовсе. Это совершенно не так. Более того, это снижает интеллектуальный горизонт и сулит тягчайшие последствия для будущего огромного региона. Наоборот, задача гуманитарной науки — говорить о психической боли, о культурных потерях, о близких и дальних последствиях войны. Это — самая настоящая научная и человеческая задача.

Предстоит несколько поворотов или даже переворотов в сознании русской филологии — к осмыслиению колониального характера русской и советской культуры. К пониманию нового места славянского мира без прежней России, или Российской Федерации. Предстоит антропологический поворот. Предпосылки для него создает востоковед Сергей Абашин, републикующий на сайте Academia.edu памятники русского и советского востоковедения, но взятые в совершенно новой перспективе. Примерно так предстоит разгребать завалы текущей языковой политики.

В 2018 году, когда в России был принят закон о превращении языков коренных народов России и других народов России, так сказать, в факультатив, то есть и о прекращении преподавания на этих языках в университетах. Это не вызвало никакой реакции со стороны ученого сообщества. И это, конечно, особенно обидно, потому что когда мы смотрим на 1920–1930-е годы, мы обнаруживаем огромное количество ученых, занимавшихся тогда этими языками, занимавшихся младописьменными языками, и так далее.

Уже в ходе войны, глотая слезы бессилия, и престарелым филологам предстоит думать о языковых политиках близкого будущего. Думать о них, в том числе, на русском языке, потому что мы не для того противостояли нынешнему режиму, анализировали его действия именно в области (изнасилования) языка, чтобы сейчас поднять лапки.

Слишком многие люди пребывают сейчас в отчаянии, в том числе многие наши студенты, многие коллеги, потому что они не знают, как об этом говорить. Потому что как только ты начинаешь об этом говорить, тебя немедленно можно обвинить в том, что ты русофоб, что ты говоришь о чем то, что представляют носителей этого языка в ужасном свете, но не говорить об этом тоже нельзя.

И вот мы сталкиваемся, как я понимаю, с ситуацией, когда действительно существует огромная потребность в анализе языковых политик разных постсоветских и приближенных к ним сообществ, — в России, в Евросоюзе, в Украине. У меня как раз только что кончился такой курс в Свободном университете, но студенты не хотели, чтобы он кончался. Они хотели перейти к постоянно действующему семинару, сейчас мы готовим первую совместную публикацию на эту тему. А выпустив первый номер журнала о текущих языковых политиках, мы неизбежно сами становимся одной из институций анализа языковых политик и критики языка.

Другое дело, что постоянно заниматься только этим языком невозможно. Продолжая преподавать древнегреческий или заниматься Гомером и Мандельштамом, стараюсь дышать, дышать чистым воздухом. Но методологически совершенно

необходимо понимать, что важнейшая часть нашей работы — ассенизационная.

Другой неожиданностью для меня после возвращения в Москву в 2007 году, после семнадцати лет отсутствия, был повсеместно распространенный расизм, который я, возможно, в такой мере не ощущал прежде. Это даже не русский национализм как идеология какая-то, а примордиальный, примитивнейший расизм, ксенофобия.

Хорошо помню момент, когда я напечатал маленькую статью в журнале «Век XX и мир» под названием «Речь и насилие». И мне тогда заместитель директора Института мировой литературы Петр Васильевич Палиевский сказал: «Человек с вашей фамилией должен трижды подумать, прежде чем печатать статью о русском языке».

Тогда для меня это было эксцессом, я сразу записал в дневник эти его слова. А вот в Москве нулевых годов я увидел это отношение и понимание в широкой студенческой среде. Был узкий круг, в котором я вращался, но за ним начиналась именно широкая среда, для которой я был чужой не из-за области моих занятий и интересов, а как инородец, как «лицо кавказской национальности». Русские русские, как говорил Андрей Битов, испытывают все большие трудности при существовании с другими языками, вообще — с другими, но формально равноправными с тобой людьми, вроде бы соотечественниками. Все это остается не только не проработанным в школе и в семье, но усугубляется самой безобразной пропагандой ассимиляции и шовинизма.

Кстати, я и сам ловил себя на великодержавном шовинизме — именно как филолог и носитель русского языка как главного языка. Это прошло только в 1990-е, а так-то слышу, как кто-то говорит, например, с южнорусским говором или с каким-то еще акцентом, и отмечаю для себя это как существенный недостаток говорящего. И с горечью вспоминаю мои школы, людей, которые боролись с этим своим несчастным акцентом, лишь бы его преодолеть, как Фазиль Искандер, или выслушивать сетования, как Людмила Гурченко.

Многие люди не могли получить работу, уезжали из Советского Союза, потому что они чувствовали себя людьми вто-

рого сорта в Москве, потому что они говорили с каким-то говором. Причем этот говор мог быть русским не только акцентом из другого языка. Это понимание в позднем возрасте пришло, мне было под 40 лет, когда я осознал это как проблему — и как мою проблему, и как проблему социума.

Неполноценный другой — со своим слабым, не таким, как надо, языком, — это ведь и основа современного антиукраинизма. Вы — это мы, возвращайтесь-ка назад. Вас вообще не существует, вы — это мы. А в противном случае вас вовсе не должно быть. Настоящий язык — это русский язык. А украинский язык — это какой-то диалект. Мы видим, что лингвополитическая безграмотность стала питательной средой для войны, и сейчас есть замечательные ученые, которые это понимают, но их мало, и они рассеяны по свету или молчат в русских и не русских городах РФ. На их глазах гуманитарные науки взяли на правеж. Чекисты проводят спецоперацию в области истории и истории литературы, повсюду, куда могут дотянуться. Но как можно требовать от кого-то оказывать этому натиску критическое сопротивление?

Через год после начала войны в Украине в РФ произошел новый лингвополитический поворот: оказалось, что Москва пришла в Украину, чтобы исправить украинский язык, вернуть его старую советскую форму.

5 апреля 2023 года российские новостные агентства сообщили миру, что в РФ подготовили новую линейку учебников украинского языка.

Вот одно из таких сообщений. В нем драгоценно каждое слово, поэтому я его целиком приведу.

Глава Минпросвещения еще в августе [2022 года] говорил, что в регионах Донбасса школьники смогут изучать украинский язык. В министерстве уточнили, что учебник украинского языка для младших классов уже разработан.

Минпросвещения России создало учебное пособие по «классическому украинскому языку» для учеников младших классов, также разрабатывается такое пособие для учеников средней школы, сообщил ТАСС замминистра просвещения Александр Бугаев.

«Учебное пособие появится. Для начальных классов разработка завершена. По 5–9-му классу работа тоже в полном разгаре, поэтому, как мы и говорили, соответствующие материалы, учебные пособия будут готовы. Преподавание у нас ведется на русском языке, но изучение украинского как родного, равно как и других языков народов России, — мы для этого создадим все условия», — сказал он.

В школах ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей дети смогут изучать украинский язык как родной или в качестве факультатива, однако итоговый формат будет зависеть от решения в каждом конкретном регионе, пояснил Бугаев. По его словам, в основном обучение в этих регионах ведется на русском языке. «Это правильно, когда человек имеет право по желанию знакомиться и изучать свой родной язык. Мы готовим тот учебник, который действительно отразит всю красоту, всю чистоту того традиционного украинского языка, который в советский период изучался в лучших наших педагогических традициях», — добавил собеседник агентства.

ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области были включены в состав России в начале октября прошлого года по итогам проведенных там референдумов. До этого глава Минпросвещения Сергей Кравцов рассказывал, что ученики школ Донбасса смогут изучать украинский язык как родной. По его словам, к началу сентября российские военные контролировали территории, на которых расположены 1183 детских сада, 1376 школ и 203 колледжа. Тогда же Кравцов сообщил, что для этих школ разработают специальный учебник классического украинского языка.

Президент России Владимир Путин еще в 2018 году подписал закон об изучении родных языков в школах. Он позволяет родителям учеников выбирать язык, который их дети будут изучать как родной, перед поступлением в первый и пятый классы: это может быть как русский язык, так и государственный язык одной из национальных республик.

«Классический украинский язык, каким его хотят представить в научной и учебной литературе, не совпадает с тем вариантом, который реально используется на Украине, рассказала „Ведомостям“ доцент кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета Елена Давыдова. По ее словам, причиной этого является «пестрый

этнический состав населения» и разнородность территорий, вошедших в состав советской Украины.

«В Киеве каких-то 20 лет назад на украинском говорило не более 10% жителей. Грамотное молодое поколение предпочитало русский. Несколько иной была ситуация в сельской местности. Сегодня ситуация изменилась — выросло поколение, для которого знать и уважать свой родной язык не зазорно», — подчеркнула она, добавив, что украинский язык может быть также интересен специалистам из среды профессиональных филологов.

Итак, план «русского мира» дать свежезахваченным территориям Украины «красивый и чистый классический украинский язык», оказывается, несколько сложнее, чем мы могли бы подумать. Оказывается, российская армия решает благородную филологическую задачу — защищает поколение простых украинцев, «для которых знать и уважать свой родной язык не зазорно», от того «грамотного молодого поколения» киевлян, которое всего лет двадцать назад «предпочитало русский».

Не с этим ли своим особым, свободным киевским русским грамотное поколение вышло из-под контроля Москвы? А нам-то, объясняют кремлевские, этого как раз и не надо было; нам надобна Украина покорная, которая захотела бы из наших рук получать «классический, красивый и чистый традиционный украинский язык», факультативно преподаваемый «в лучших традициях советской школы». И, конечно, на русском языке, ведь преподавание в школе ведется не на каком-нибудь произвольном родном, а на единственном государствообразующем.

Филологии придется иметь дело со всей этой материей, изучать технику пропаганды, технику рекрутования филологов на войну, шаг за шагом разбирать это преступление и против людей, и против науки.

DOI: 10.55167/8230e2db7d9f

Антикоррупционный
активизм:
новые вызовы,
риски
и возможности

Антикоррупционные стратегии могут быть эффективными только в том случае, если в их разработке и реализации участвует гражданское общество. Именно поэтому важно понимать текущую ситуацию с антикоррупционным активизмом в России. В условиях нарастания авторитарных тенденций и усиливающихся репрессий необходимо обсуждать, какие инструменты остались в арсенале гражданских активистов, как их применять и как минимизировать риски. Понимание современных вызовов дает возможность выстраивать собственные стратегии. Кроме того, появляются новые возможности, например, запрос на антикоррупцию со стороны тех, кто раньше не интересовался этим вопросом. На такие запросы нужно своевременно отвечать.

Другой важный аспект, который рассматривался во время дискуссии на круглом столе — схемы вывода денежных средств, которые используются в условиях санкционных ограничений. Понимание этих схем может стать основой для принятия будущих решений, в том числе с опорой на доказательную политику.

Алена Вандышева

Антикоррупционный активизм в России: новые вызовы, риски и возможности

Алёна Вандышева

Координатор Лаборатории университетской прозрачности, профессор
Свободного университета

Ключевые слова: антикоррупционная политика, антикоррупционный активизм, гражданское общество, авторитарные тенденции.

Аннотация: В статье представлен обзор трендов в сфере антикоррупционной политики, а также российских антитрендов. Рассмотрены возможности гражданского общества в сфере антикоррупции, риски и вызовы, стоящие перед гражданскими активистами в условиях нарастания репрессий и стигматизации гражданского общества.

Тренды антикоррупционной политики и российские антитренды

Антикоррупционная политика — сравнительно молодая сфера. Целенаправленные усилия по минимизации коррупции стали предприниматься 40–50 лет назад. Сегодня в области противодействия коррупции можно выделить несколько значимых тенденций.

По оценке Всемирного банка, число стран, которые приняли закон о праве на доступ к информации, постоянно растёт, а качество таких законов существенно улучшается¹. В большинстве государств более доступной становится информация о доходах и расходах публичных должностных лиц, расширяется круг тех, кто обязан подавать такие декларации, применяются электронные системы верификации данных².

1. Anderson J. What can we learn from trends in corruption and anticorruption? (Electronic resource). URL: <https://blogs.worldbank.org/governance/what-can-we-learn-trends-corruption-and-anticorruption> (access on 28.06.2023).

2. Там же.

Ещё один тренд — политика раскрытия информации о бенефициарных (конечных) собственниках. Полномасштабная реформа в этой области стала результатом оффшорного скандала Panama Papers³. Хотя в странах Европейского Союза этот тренд поставлен на паузу после судебного решения, вынесенного в прошлом году Судом Европейского Союза, признавшего раскрытие персональных данных в реестре бенефициаров противоречащим Хартии ЕС об основных правах⁴.

Диджитализация также относится к трендам, оказывающим существенное влияние на развитие антикоррупционных стратегий и инструментов. Технологические решения способствуют эффективному правоприменению, помогают улучшить качество управления, существенно упрощают мониторинг инфраструктурных и иных крупных проектов, реализация которых сопряжена с повышенными коррупционными рисками. В качестве примера можно привести китайскую систему «Нулевое доверие» (Zero Trust), имеющую доступ к 150 закрытым базам данных. Сопоставляя полученную из них информацию, Zero Trust анализирует поведение чиновников и выявляет подозрительные сделки с недвижимостью, резкие изменения сумм на банковском счете, покупки дорогих машин и другие коррупционные признаки⁵.

Расширяется и понимание коррупции: теперь наказывается не только непосредственно дача и получение взятки, но и её предложение и обещание, равно как и посредничество в коррупции. В некоторых странах криминализуется не только получение незаконного материального вознаграждения, но и оказание услуг в обмен на доступ к нематериальным благам

3. The Panama Papers: Exposing the Rogue Offshore Finance Industry: Investigation. URL: <https://www.icij.org/investigations/panama-papers/> (access on 26.06.2023).

4. EU Court Ruling on Ownership Transparency and Consequences for Journalists. URL: <https://i-aml.com/news/08012023/> (access on 27.06.2023).

5. Köbis, N., Starke, C., & Rahwan, I. The promise and perils of using artificial intelligence to fight corruption // Nature Machine Intelligence. — 2022. — № 4. — P. 418–424. URL: <https://doi.org/10.1038/s42256-022-00489-1> (access 23.06.2023).

(например, к сексуальным услугам⁶). Повсеместно вводится обязанность раскрывать потенциальный конфликт интересов.

В современных исследованиях и в правоприменительной практике антикоррупционные инструменты рассматриваются в том числе как инструменты достижения целей устойчивого развития⁷.

Наконец, заметной тенденцией является использование коллективных действий против коррупции. Существующие коллективные инициативы можно разделить на 4 типа: пакты добросовестности, декларации о сотрудничестве, антикоррупционные хабы и системы комплаенса, основанные на сертификации на местном уровне. Основной мотивацией для обращения к инструменту коллективных действий является возможность сбережения ресурсов и построение доверия⁸.

В то же самое время в России мы наблюдаем по большей части антиренды. С 2017 года появились юридические основания засекречивать информацию об имуществе и активах высших должностных лиц (объектов государственной охраны) и членов их семей. Принято решение об отказе от размещения деклараций о доходах в публичном доступе. Законодательно определён ряд оснований, по которым данные о компаниях закрываются и не являются доступными в ЕГРЮЛ (в частности, если владелец находится под санкциями любой страны).

В конце 2020 года был принят закон, закрывающий сведения о сотрудниках судебных, правоохранительных и контрольных органов. Засекречены также закупки таких органов и закупки, связанные с оборонными сервисами. Не раскрываются суммы бюджета, выделенные на оборонные цели (по некоторым оценкам это не менее трети бюджета⁹).

6. The time is now: Addressing the gender dimensions of corruption. — UNODC, 2020. — Р. 44.

7. Qualitative Assessment of Progress on SDG 16: Toolkit. URL: <http://kurs2030.ru/en/toolkit> (access on 10.06.2023).

8. Pieth M. Collective Action and Corruption. — Working Papers Series, № 13. — Basel Institute of Governance, 2012. — 18 p.

9. Минфин скрыл оперативные данные о расходах бюджета, которые позволяли вычислить засекреченные траты. URL: <https://svtv.ru>.

Эффект этих негативных изменений многократно усиливается из-за изменения гражданского ландшафта. Ещё в 2006 году, после шпионского скандала и высылки ряда дипломатов (потом такие акции стали повторяться с завидной регулярностью) в Госдуме и правительстве стали подчеркивать необходимость ограничения иностранного финансирования НКО. Сначала существенно сократили перечень международных организаций, чьи гранты не облагаются налогом на прибыль. В 2013 году был введен статус НКО, выполняющей функции иностранного агента. Формулировки соответствующего закона с самого начала отличались широтой дискреционных полномочий, что само по себе является коррупционным фактором. Было два признака, которые закреплял закон: 1) участие в политической деятельности; 2) получение иностранного финансирования. Оба они не были в полной мере раскрыты в законе, что превратило статус иностранного агента в инструмент идеологического давления и маркировки инакомыслящих.

Первыми удар на себя приняли ресурсные центры и правозащитные организации. Это была сознательная позиция властей: ослабить гражданское общество, существенно ограничив доступ к ресурсам. Подобный подход привел к стигматизации реального гражданского общества — независимых организаций и активистов, которые в глазах большинства стали врачами, финансируемыми коллективным Западом.

С 2017 года апробированный на некоммерческих организациях репрессивный инструмент стали использовать для давления на СМИ и лидеров общественного мнения.

Расширялись и негативные последствия получения статуса иноагента. Все начиналось с дополнительной отчетности, необходимости проведения аудита и проставления уведомления о статусе на всех материалах, но постепенно появились ограничения для участия сначала в избирательных кампаниях, потом в проектах, связанных с государственными и муниципальными органами. Далеко не все ограничения были закреплены законодательно, некоторые только на уровне инструк-

[org/news/2023-06-22/minfin-skryl-operativnyie-dannyie/](http://www.rg.ru/news/2023-06-22/minfin-skryl-operativnyie-dannyie/) (access on 29.06.2023).

тивных писем, разъяснений, приходящих в органы власти. Поправки 2022 года закрепили понятие лиц, аффилированных с иноагентами. Это создало угрозу получения статуса для всех, кто взаимодействует с физическими лицами, НКО и СМИ, внесёнными в реестр. Фактор иностранного финансирования утратил значение, а закон стал оперировать ещё более неопределённым термином — иностранное влияние.

Большинство иностранных доноров и влиятельных международных организаций получили статус нежелательных организаций, что делает невозможным продолжение их деятельности в России.

В условиях нарастания авторитарных тенденций, идеологического давления, фактических репрессий за критику действий власти, критического сокращения ресурсов, не приходится рассчитывать на рост числа инициатив, направленных на повышение открытости, прозрачности и подотчётности. Возможности для гражданского участия сокращаются, но всё же они остаются.

Присоединение к Конвенции ООН против коррупции стало для многих стран толчком к изменению роли гражданских активистов на национальном уровне. В самом общем виде направления деятельности гражданского общества определены в статье 13 Конвенции:

1. реализация проектов, которые призваны увеличивать прозрачность и содействовать участию граждан в управлении делами государства (вовлечению в процессы принятия решений);
2. влияние на эффективность доступа к информации;
3. проведение мероприятий, способствующих созданию атмосферы нетерпимости к коррупции, и реализация образовательных программ, включая учебные программы в школах и университетах;
4. реализация проектов, которые помогают искать, получать, публиковать и распространять информацию о коррупции, а также о прозрачности, открытости и подотчётности.

Если обобщить имеющийся опыт, включая международный, мы можем выделить несколько форм противодействия коррупции со стороны гражданского общества:

1. Гражданское просвещение (в частности, антикоррупционная пропаганда);
2. Гражданский (общественный) контроль, включая мониторинг и расследования.
3. Продвижение антикоррупционных инициатив (кампании по адвокатированию).

В рамках каждой из этих форм используются различные механизмы:

- реализация антикоррупционных образовательных программ и проектов;
- проведение публичных мероприятий и акций (круглых столов, семинаров, тренингов и т. п.);
- внесение предложений в органы государственной и муниципальной власти по совершенствованию антикоррупционного законодательства;
- независимые расследования;
- независимая антикоррупционная экспертиза законодательства;
- поддержка интернет-ресурсов, освещающих проблемы в сфере противодействия коррупции (одна из форм коллективных действий, которые оказываются наиболее результативными);
- создание антикоррупционных приемных.

Большинство из этих инструментов и механизмов по-прежнему доступны. Даже если эффективность их применения вызывает вопросы. Во многом это работа на будущие изменения. По-прежнему действенным является инструмент антикоррупционного мониторинга. Его основные выгоды сводятся к следующему:

4. Сбор доказательств.
5. Подтверждение фактов и реконструкция событий.
6. Выявление системных уязвимостей.
7. Сообщение в / поддержка заключений официальных органов, включая международные суды.
8. Развитие методологии для будущих исследований.

9. Реальная возможность изменения проблемной ситуации (в некоторых случаях для этого дополнительно требуется проведения адвокационных кампаний).
10. Косвенное влияние на технологический прогресс (в частности, через запрос следователей на новые инструменты).

Сохраняется возможность использования ранее созданных сервисов, которые уже созданы. Будущее антикоррупционного активизма во многом зависит от способности к консолидации и коллективным действиям и от готовности формировать общее пространство для отстаивания ценностей открытости, прозрачности и подотчётности.

Библиография

- Минфин скрыл оперативные данные о расходах бюджета, которые позволяли вычислить засекреченные траты. URL: <https://svtv.org/news/2023-06-22/minfin-skryl-opierativnyie-dannyie/> (access on 29.06.2023).
- Anderson J.* What can we learn from trends in corruption and anticorruption? (Electronic resource). URL: <https://blogs.worldbank.org/governance/what-can-we-learn-trends-corruption-and-anticorruption> (access on 28.06.2023).
- EU Court Ruling on Ownership Transparency and Consequences for Journalists. URL: <https://i-aml.com/news/08012023/> (access on 27.06.2023).
- Köbis, N., Starke, C., & Rahwan, I.* The promise and perils of using artificial intelligence to fight corruption // Nature Machine Intelligence. — 2022. — № 4. — P. 418–424. URL: <https://doi.org/10.1038/s42256-022-00489-1> (access on 23.06.2023).
- Pieth M.* Collective Action and Corruption // Working Papers Series, № 13. — Basel Institute of Governance, 2012. — 18 p.
- The Panama Papers: Exposing the Rogue Offshore Finance Industry: Investigation. URL: <https://www.icij.org/investigations/panama-papers/> (access on 26.06.2023).
- The time is now: Addressing the gender dimensions of corruption. — UNODC, 2020. — 184 p.
- Qualitative Assessment of Progress on SDG 16: Toolkit. URL: <http://kurs2030.ru/en/toolkit> (access on 10.06.2023).

DOI: 10.55167/23c411609b80

The Russian Illicit Financial Flows after the start of the War

Definitional uncertainty of illicit financial flows (IFFs)

Ilya Shumanov

Executive director, Transparency International Russia, professor (Brīvā Universitāte)

The term “illicit financial flows” (IFFs) is not defined in the international normative framework. For the purposes UNDOC defined it as *all cross-border financial transfers, which contravene national or international laws*¹. The Classification of Illegal Financial Flows from the United Nations encompasses a wide range of financial transfers conducted for diverse purposes: remittances from Criminal Activities, Transfers for Criminal Ends, Fund Transfers Involving Entities under Financial Sanctions, Evasion of Anti-Money Laundering (AML) and Counter-Terrorist Financing (CTF) Measures and Evasion of Other Legal Obligations and others.

The World Bank defined Illicit financial flows as ‘*money illegally earned, transferred, or used that crosses borders*’², with the ‘illegal’ aspect of wealth generation falling into three main categories: that the acts themselves are illegal (for example, tax evasion); the funds are the results of illegal acts (for example, smuggling and trafficking in minerals, drugs, and people), or the funds are used for illegal purposes. GFI (Global Financial Integrity) the US based think tank

1. Coherent policies for combating Illicit Financial Flows. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). 2016. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2016/01/Coherent-policies-for-combating-Illicit-Financial-Flows_UNODC-OECD_IATF-Issue-Brief.pdf.

2. The World Bank explanatory notes. 2017. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/financialsector/brief/illicit-financial-flows-iffs>.

classifies *Illicit financial flows as funds that were illegally earned, transferred, and/or utilized across an international border*³.

We can identify two important characteristics of illicit financial flows originating from definitions - this is the immoral or illegal source of their origin and the flow from one jurisdiction to another, that is, the cross-border nature of transactions. However, these two definitions miss an important aspect of IFF: funds that have been acquired corruptly and immorally, but not necessarily illegally. This is encapsulated, in English at least, in the word 'illicit'.

At the same time, some definitions can distort perception, giving a false sense that *illicit* means only illegal or criminal financial flows. It is necessary to make a separate observation and say that the huge part of illicit financial flows will not fall under the category of illegal, since they do not always have a criminal origin, but occur due to malicious distortion of trade transactions in the process of foreign economic activity. It makes sense to include trade misinvoicing to these. This observation is confirmed by GFI data, which has been analyzing cross-border illegal financial transactions for many years⁴.

Transborder trade operations and financial transactions related to customs violations, tax evasion and falsification of final destination on the delivery of goods even formally fall under the category of illicit financial flows.

Russia's dimension in illicit financial flows

Russian Parallel import input in IFFs

Since the beginning of war between Russia and Ukraine and the implementation of numerous international and country-specific sanctions, Russia has been restricted in foreign economic trade and financial transactions, which has led to serious changes in illicit

3. The Global Financial integrity key notes. Global Financial Integrity. Washington, DC, 2022. URL: <https://gfinintegrity.org/issue/illicit-financial-flows/>.

4. *Spanjers, J. and Salomon, M.* Illicit Financial Flows to and from Developing Countries: 2005–2014. Global Financial Integrity. Washington (DC), 2017.

financial flows. At the same time, the networks of illegal operations and intermediaries established before the war allowed Russian actors to quickly adapt to sanctions and other prohibitions.

New practices that began after the start of the war related to the distortion of the real purpose of payment for the import of goods prohibited from importation due to sanctions to Russia have spread, which is the basis of the Russia parallel import program.

The lack of a clear definition of illicit financial flows provides a field for distorting the definition of so, and often for legitimizing illicit financial flows by governments in extraordinary situations like Russia. Despite the fact that banking compliance identifies such transactions as high-risk and potentially related to money laundering⁵, the FIU (Rosfinmonitoring) insists that financial institutions perceive these transactions as legitimate.

This leads to the erosion of anti-laundering, anti-sanctions and ethical standards in the Russia financial sector, directing Russia towards the group of countries from the black or gray lists of FATF.

Sanction avoiding and transformation of IFFs

Despite the apparent similarity, it is necessary to distinguish between foreign trade operations related to the supply of goods that are not produced in Russia through parallel imports (Coca-Cola, Apple and BMW) and deliberate circumvention of sanctions, for example, the supply of goods to Russia that have fallen under sanctions restrictions (dual-use goods, military equipment, software and etc.).

The changed supply chains due to sanctions have led to the transformation of the geography of Russia's economic partners. In February 2023, the European Bank for Reconstruction and Development published a report showing that exports from the EU and the UK to Armenia, Kyrgyzstan and Kazakhstan increased by 90%

5. Koshkina, Yulia. Gray risks of parallel reality // RBC.ru. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/07/01/62bdc5759a79472322b1d747>.

after sanctions were imposed. Some of these goods are high-tech items used by the military in Russia⁶.

The transformation of Russia's trade flows towards countries that have not joined promotional programs against the Russian economy poses new challenges to the regulators of Georgia, Kazakhstan, Azerbaijan, Armenia, Kyrgyzstan and a number of other countries 'friendly' to Russia. The need to urgently change their approaches to Russian transactions is caused by the imposition of the US sanctions on Kyrgyzstan economic entities⁷ and including some Russia's neighboring countries Kazakhstan, Georgia, Azerbaijan, Armenia, Uzbekistan and Tajikistan in a BIS watchlist⁸.

The risks of an increase in the volume of illicit financial transactions to circumvent sanctions through the countries of the Caucasus and Central Asia are amplified by the fact that Russia has long been in the top countries with the largest trade value gaps, which indirectly indicate the presence of illicit financial flows to/from Russia⁹.

The Russia shadow economy influence on IFFs

A '*shadow economy*' is defined by the Oxford Dictionary as the 'illicit economic activities existing alongside a country's official economy.' It is the market in which goods and services are traded illegally, to avoid government regulation or taxation¹⁰.

6. *Chupikin, Maxim, Javorcik, Beata and Plekhanov, Alexander.* The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia, EBRD, 2023.

7. Treasury Sanctions Impede Russian Access to Battlefield Supplies and Target Revenue Generators. U.S. Department of the Treasury' press release. 2023. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1636>.

8. FinCEN and BIS joint statement. FinCEN and the U.S. Department of Commerce's Bureau of Industry and Security Urge Increased Vigilance for Potential Russian and Belarusian Export Control Evasion Attempts. 2023.

9. Trade-Related Illicit Financial Flows in 134 Developing Countries 2009–2018. Global Financial Integrity. Washington, DC, 2021.

10. *Sofia Wickberg.* Literature review on the linkages between illicit economy and corruption. Transparency International. U4.NO.

Sanctions expand the shadow economy and contribute to the spread of state corruption. Sanctions against the former Republic of Yugoslavia and Iraq (Saddam Hussein) and Haiti¹¹. Illegal activity is increasing as political, military and business elites, as well as criminal networks, have used opportunities to smuggle prohibited goods. The reaction of the regimes to the sanctions, in turn, exacerbated the difficulties faced by their populations, forcing citizens to turn to the informal sector in order to survive.

The growth of the shadow economy due to sanctions leads to an increase in illicit financial flows. The annexed territories (Lugansk, Donetsk, Kherson) cannot actually exist in the global economic system and functioning as territories with a long list of economic restrictions, forced these territories into the shadow economy zone.

In fact, coal¹² and metal¹³ supplies from occupied territories are perceived as illicit financial flows and are being investigated by the US and EU authorities.

Transformation of the IFF's after the war started

New challenges, including sanctions, Russian individuals movement restrictions and additional banking control, forced the Russian operators of illicit financial schemes to change not only the geography of flows, but also the models of illicit financial flows.

On one hand cryptocurrencies have become a salvation for many Russians who were forced to flee the war outside the country, but on the other hand crypto have also become the basis for the functioning of illicit financial flows, providing anonymity, transaction speed and security for participants in such schemes.

11. *Early, Bryan; Peksen, Dursun.* Searching in the Shadows: The Impact of Economic Sanctions on Informal Economies. 2018.

12. From the DPR to the DPRK. How Donbass coal is being sold around the world bypassing sanctions and who earns money from it // The Insider. 2018. URL: <https://theins.ru/korrupciya/96349>.

13. President of Metalhouse LLC Indicted for Sanctions Evasion and International Money Laundering. US State Department. Press Release Number: 23-426. 2023. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/president-metalhouse-llc-indicted-sanctions-evasion-and-international-money-laundering>.

Transparency International Russia conducted research¹⁴ and identified 20 exchange offices in the business center of Moscow that provide services for the uncontrolled movement of cash to the UK and Europe. No checks are carried out on the sources of the origin of money and the identity of those sending and receiving money.

The US Justice Department opened a criminal case against the son of the Russian governor of the Krasnoyarsk region, Artem Us, who acted as a facilitator in a scheme to avoid sanctions for the supply of dual-use goods for Rostec (Russia state-owned corporation) and schemes for buying and selling sanctioned oil from Venezuela using cryptocurrency¹⁵.

The newest impact of Russia's year-long invasion on the global illicit financial flows is the emergence of the shadow fleet industry associated with the transportation of sanctioned Russian oil. According to the consulting group Windward, the Russian shadow fleet has about 600 vessels, the mysterious ownership of which is designed to hide their transportation of sanctioned Russian oil/wet cargo since the beginning of the war with Russia¹⁶. Russian oligarchs being sanctioned by western governments managed to transfer their money sometimes in very extravagant methods such as an informal payment system known as Hawala. The quasi-banking financial system is often used for operations by terrorist groups, drug and human traffickers¹⁷.

14. From Moscow-City with Crypto: A Step-by-step Guide to Receiving Cash from Russia Anonymously in London: Report. Transparency International Russia. 2023. URL: <https://transparency.org.ru/en/news/from-moscow-city-with-crypto-a-step-by-step-guide-to-receiving-cash-from-russia-anonymously-in-london>.

15. The US Justice Department Announces Charges and Arrests in Two Cases Involving Export Violation Schemes to Aid Russian Military. US Justice Department. Press Release Number 22-1130. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-announces-charges-and-arrests-two-cases-involving-export-violation-schemes>.

16. Uncovering the Phenomenon of Russia's Shadow Fleet: Report. Windward. 2023. URL: <https://windward.ai/blog/uncovering-the-phenomenon-of-russias-shadow-fleet/>.

17. Sanctioned oligarchs' use of the Hawala payment system is a desperate move but not necessarily illegal, experts say // Business

Russian actors, facing increasing isolation from foreign currency and financial systems, used illicit gold markets and gold laundering to generate profits and transfer funds across borders¹⁸. Gold's physical mobility outside digital financial networks, such as SWIFT, makes it difficult to trace. Moreover, it can be easily laundered in global markets by concealing its origins.

Conclusion

The sanctions restrictions imposed on Russian business, the existence of the annexed Ukrainian territories in Russia, which are excluded from international cooperation, together with the ignoring of illicit financial transactions by Russian regulators, create a potential threat to global economic stability emanating from Russian actors. The transformation of Russian illegal financial flows after the start of the war and the inability of Western regulators to effectively control them indicates the need to find new approaches and strengthen cooperation between a wide range of international and national actors.

DOI: 10.55167/5f088e1c8a69

Insider. 2023. URL: <https://www.businessinsider.com/oligarchs-using-hawala-desperate-move-not-illegal-one-2022-5>.

18. *Hunter, Marcena*. Going for Gold. Russia, sanctions and illicit gold trade: Report. The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. 2022. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2022/04/GITOC-Going-for-Gold-Russia-sanctions-and-illicit-gold-trade.pdf>.

Разрушение
университетов
и перспективы
университетского
профсоюза

Как громили российские вузы

Кейс ИОН РАНХиГС

Ксения Лученко

Кандидат филологических наук, член рабочей группы Faculty of Liberal Arts and Sciences в Черногории, до весны 2022-го года — заведующая кафедрой теории и практики медиакоммуникаций Института общественных наук РАНХиГС, профессор Свободного университета

Мы встретились втроем морозным вечером в чайхане в Алматы, где А. теперь живет, а мы с Д. прилетели проводить тренинги по медиаграмотности — он из Варшавы, я из Берлина. А. уехал из Москвы, потому что попадал под мобилизацию, Д. — из-за доноса за антивоенные посты в фейсбуке, приведшего к увольнению и угрозам, я — после звонка руководству РАНХиГС из прокуратуры по поводу моих комментариев в СМИ о закрытии факультета Либерал Артс. Уже после отъезда мне выписали официальный «приказ о наложении дисциплинарного взыскания», видимо, это был результат торга («мы сами ее накажем»), он же — итог моих семи лет руководства образовательными программами. Так же, как мы, уехали еще десятки преподавателей и менеджеров — нескольких объявили иноагентами, кто-то фигурировал в странном списке МВД. Последний раз в таком составе с А. и Д. мы встречались год назад на похоронах бывшего декана факультета Либерал Артс Александра Борисовича Мишина, умершего от коронавируса. Директор нашего Института общественных наук РАНХиГС, ректор «Шанинки» Сергей Зуев все это время сидел в СИЗО, где написал книгу «Университет: хранитель идеального». «Нашел время и место» — шутит в предисловии к ней давний друг Зуева профессор Оксфорда Андрей Зорин. Те же слова всего полтора года назад публично сказал ректор РАНХиГС Владимир Май на открытии нового факультета *Liberal Arts and Science* в «Шанинке»: «Ну вы, ребята, нашли время. И место». Сам Май тоже немного посидел под арестом, но потом его выпустили.

Мы расширяли для себя жизненное пространство, зону интеллектуального, эмоционального и социально-коммуни-

кативного комфорта. Даже уюта, если иметь в виду субъективную составляющую комфорта. Мы делали команды, и мы делали Университет как модель среды, в которой хочется не только работать, но и жить,

— пишет в своей книге Зуев. И это так и было.

В 2010-м году Российской академией государственной службы (РАГС) объединили и с Академией народного хозяйства (АНХ), образовался гибрид — РАНХиГС при президенте РФ под руководством Владимира Мая. Академия превратилась в самый большой университет в Европе по количеству студентов и преподавателей, с филиалами по всей стране. При этом Май давал жить всем, поэтому и стилистически, и содержательно многочисленные институты и региональные представительства РАНХиГС оставались очень разными, общего у них было меньше, чем различного, единый бренд за все эти годы так и не сложился. АНХ была «либеральной», прибежищем «гайдаровских реформаторов», РАГС — карьерным лифтом региональных чиновников, их питательным бульоном. Обе до объединения в основном занимались не высшим образованием, а повышением квалификации и профессиональной переподготовкой управленцев — АНХ для бизнеса и экономики, РАГС для государственных учреждений. АНХ вводила программы МВА, а РАГС по-прежнему в основном была аспирантурой для провинциальных политиков. Содержать такую машину на одних только постзузовских программах было невозможно, к тому же хотелось создать нормальный университет. Поэтому Май стал открывать бакалавриаты и магистратуры, а потом появился даже лицей при РАНХиГС — амбиция была проводить человека по всем ступеням образования, от старшей школы до защиты диссертации.

Возглавив объединенный РАНХиГС, Май почти сразу предложил своему давнему знакомому Сергею Зуеву, который занимался культурным менеджментом и стратегиями развития российских регионов, создать в московском кампусе новый институт, который был бы похож на западные университеты, аккумулировал интеллектуальные ресурсы и при этом стал бы престижным местом учебы, повысил средний уровень преподавания гуманитарных и социальных наук в РАНХиГС, улучшив

тем самым и ее репутацию. Думается, в какой-то степени это была конкуренция с Ярославом Кузьминовым, который к тому времени сделал из НИУ ВШЭ самый прогрессивный и динамично развивающийся новый университет, получая все больше бюджетных денег и возможности влиять на образовательную политику государства. Зуев с группой друзей и единомышленников открыл Факультет государственного управления, который через несколько лет стал Институтом общественных наук или School of Public Policy.

Надо верить в себя и немножко в своих друзей. Я всегда делал проекты, которые позволяли мне существовать рядом с людьми, которые мне просто по жизни приятны,

— говорил Зуев в одном из интервью. И действительно, он умел собирать команду единомышленников — в ФГУ и ИОНе с самого начала принимал участие его однокурсник по филологическому факультету МГУ профессор Андрей Зорин, их общий друг член-корреспондент РАН Николай Гринцер создал «Школу актуальных гуманитарных исследований», товарищи по методологическим семинарам и деятельностным играм Щедровицкого (был в жизни Зуева и такой период) — Александр Балобанов, Вячеслав Глазычев, Андрей Фетисов — разрабатывали свои образовательные программы и участвовали в стратегическом развитии ИОНа. Постепенно приходили и молодые «звезды», отчасти созданные Зуевым, Шанинкой и ИОНом — Екатерина Шульман, Виктор Вахштайн, Григорий Юдин и другие.

Именно в эти годы, когда Зуев создавал и развивал ИОН, политическая ситуация в стране постепенно замораживалась, контроль за образованием и СМИ усиливался, защита академических свобод требовала все большего риска и компромиссов. Но без свобод невозможно было ни развитие нормального университета, ни качество исследований и уровень преподавания — в этом у Зуева и May было полное взаимопонимание. Обеспечивать независимость по-российски, кроме политического веса самого Владимира May, помогала двухфакторная защита — массовизация и бюрократизация.

В первом наборе ФГУ было 40 студентов, а к моменту ареста Зуева осенью 2021 года в ИОН каждый год поступало по

1000 первокурсников только в бакалавриаты, не считая магистратур и программ переподготовки, а всего одновременно училось около 6 тысяч студентов. Почти все эти студенты платили за свое образование, бюджетные места были далеко не на всех направлениях и их было очень мало, все они доставались олимпиадникам и льготникам. Государственные высшие учебные заведения в России были бизнесом, сложным в управлении, но довольно доходным, учитывая монополию на выдачу дипломов государственного образца, которые для большинства заказчиков образования — родителей студентов — были главной ценностью и смыслом обучения.

Чем больше дохода приносила образовательная программа университету, тем больше могли себе позволить ее руководители. Если она выходила на самоокупаемость, а потом на прибыль, можно было ставить условия (разумеется, мягко и в определенных непрограммированных в слух рамках): приглашать преподавателей — публичных персон, которые могли вести себя свободно, организовывать дискуссионные площадки и открытые мероприятия, отправлять студентов на практику в независимые НКО или СМИ и так далее. Количество студентов и денег всегда было весомым аргументом в административно-политических спорах. Кроме того, массовые и богатые программы помогали существовать небольшим «бутиковым», рассчитанным на студентов более высокого входного интеллектуального уровня, а также — запускаться новым образовательным стартапам. Это приводило к постоянному напряжению, связанному с тем, что массовизация неизбежно вела к потере качества и профанации, зато позволяла отодвигать границы дозволенного, гарантировала некий объем самостоятельности. Кур, которые несли золотые яйца, берегли на всех управлеченческих этажах, ведь от них напрямую зависела зарплата каждого конкретного сотрудника и расширение пространства для маневров всей РАНХиГС.

Когда я в 2015 году пришла на факультет Либерал Артс ИОНа, на нашем мейджоре по журналистике была одна группа из 10 студентов. Исходя из этого, мы сначала с Ильей Жегуловым, а потом с другими коллегами придумали маленькую динамичную, «элитную» образовательную программу, сде-

лали ставку на индивидуальный подход к каждому студенту и привлечение преподавателей из индустрии, действующих журналистов, редакторов и главных редакторов. Именно это мы каждое лето и обещали абитуриентам во время наборной кампании, под это они к нам поступали и приносили деньги своих родителей.

Факультеты Либерал Артс в мировом опыте — это дорогие по себестоимости образовательные программы, студенты учатся в маленьких группах, с каждой из которых работают тьюторы, каждый студент получает личное внимание и возможность формирования индивидуального пути. Так были задуманы учебные планы факультета Либерал Артс в ИОНе и, в частности, нашего мейджора внутри него. Но с каждым годом число студентов росло в геометрической прогрессии, потому что и сарафанное радио, и маркетинговые усилия сотрудников приемной комиссии работали на увеличение этого числа. Это были доходы, которые позволяли упрочить положение ИОНа, Зуева и нашей преподавательской корпорации внутри РАНХиГС, обеспечивали нам относительную свободу и возможности придумывать и реализовывать новые проекты, сохранять свою субъектность.

Но когда вместо одной-двух групп по 15 человек, нужно тот же учебный план реализовать для 10–12 групп, то есть, в десять раз больше того, на что он был рассчитан, при этом не потеряв качество и сдержав данные абитуриентам обещания, это превращалось в изнурительную работу с непредсказуемым результатом. Например, объединять группы для лекционных занятий нельзя, потому что в договоре, который студент заключает с академией, написано, что факультет Либерал Артс — это занятия только в компактных группах без деления на поточные лекции и семинарские занятия. Поэтому многие преподаватели были вынуждены по 5–7–раз в неделю вести одинаковые пары у разных групп, руководить десятками курсовых и дипломных работ, проверять сотни домашних заданий. Зато у нас в разные годы (а то и на протяжении всех лет) преподавали Кирилл Харатьян, Татьяна Малкина, Глеб Черкасов, Иван Голунов, Анастасия Лотарева, Ксения Леонова, Юлия Галямина, Илья Бер, студенты попадали на практику в «Ведо-

мости», на «Дождь», в «Такие дела», «Мел» и другие качественные независимые СМИ, в «Коммерсант» и «РБК». Мы могли себе это позволить до поры до времени. Но, конечно, модель Либерал Артс не предназначена для массового образования, ориентированного на рынок, в этом было противоречие, которое невозможно было устраниТЬ и разрешить, мы жили в этом диссонансе, пытаясь выгораживать индивидуальное внутри общего, управлять огромной фабрикой в ручном режиме.

В академии в целом и в ИОНе в частности был огромный, постоянно увеличивающийся административный штат, который обеспечивал бесконечный документооборот. Изобретением управленцев ИОНа было превращение неизбежной бюрократии в защитный купол, который прикрывал живой учебный и исследовательский процесс, позволял играть не по правилам, если ты «в домике» и умеешь имитировать соблюдение этих правил. Бюрократический язык с его готовыми формулами действовал, как магические заклинания, которые делали реальность невидимой для любых проверок. Многие часы, которые все менеджеры образовательных программ тратили на написание и согласование в инстанциях абсолютно бессмысленных по содержанию документов — это были «жертвы богу бюрократии», как говорил руководитель Школы медиа-коммуникаций ИОНа Андрей Фетисов. На любой наезд сверху был готов отчет. Поэтому совершенно бессмысленно судить по этим отчетам, указам, приказам о том, что происходило в действительности.

Когда в 2020 году из Нижегородской районной прокуратуры пришло письмо с требованием к академии сообщать о студентах, ходивших на митинги, Владимир May подписал специальное распоряжение и назначил ответственных за исполнение. Но никто и никогда не следил за тем, как они это исполняют, отчетность была формальной, ни один студент не пострадал в ИОНе в те годы, что я там работала, ни по политическим, ни по каким-либо еще внеучебным причинам. Многие мои студенты ходили на митинги, мы с ними там виделись, они попадали на фотографии, возможно, были доносы, но никаких последствий это никогда не имело. Все указания идеологического и политического свойства были надежно утоплены в многослойном

документообороте. Но именно эта стратегия, отчасти даже неотрефлексированная и сложившаяся постепенно прецедентным образом дала трещину, в которую просунули уголовное дело — оно как раз попало в зазор между бюрократическим описанием и фактическим положением дел.

Сергея Зуева арестовали в сентябре 2021 года по делу о хищении государственных средств, которое формально относилось не к ИОНу РАНХиГС, а к частному университету, где Зуев был ректором — Московской высшей школе социальных и экономических наук, «Шанинке». Но прокурорские проверки, выемки документов и допросы сотрудников начались и в РАНХиГС. Письма в поддержку Зуева подписали сотни российских ученых и преподавателей вузов, в адрес президента РФ было отправлено так называемое «письмо академиков», подписанное шестьюдесятью академиками, член-корреспондентами и профессорами РАН, в котором говорилось:

...претензии, предъявляемые его [университета] ректору, могут быть предъявлены любому получателю бюджетных средств в сфере науки, образования или культуры. Когда-то российская власть призывала «прекратить кошмарить бизнес»; сегодня мы опасаемся, как бы происходящее с Зуевым и Шанинкой не стало бы одним из звеньев нового «кошмара» для российской науки и высшей школы.

Но это не помогло: Зуев чуть не умер в СИЗО без необходимой при его хронических заболеваниях медицинской помощи, провел там 9 месяцев, потом его перевели под домашний арест и теперь он находится под запретом определенных действий, суд впереди.

16 марта 2022 года, когда уже началась война, прокуратура прислала «представление» на имя ректору РАНХиГС по результатам проверки, в котором было написано, что образовательные программы факультета *Liberal Arts* не соответствуют Конституции и «принципам Стратегии национальной безопасности РФ» и «направлены на разрушение традиционных ценностей российского общества и искажение истории». А также, что нарушен федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и 38 статья Конституции — о материнстве и детстве.

Прокуратура не видела различий между школой и университетом. Высшее образование рассчитано не на детей, а для взрослых совершеннолетних людей, поэтому вряд ли можно к университету применять законы о защите детей. Вся программа Либерал Артс с самого начала направлена на преодоление выученной беспомощности, на то, чтобы студенты не боялись ошибаться, умели делать выбор, брали на себя ответственность. Судя по всему именно это и разрушало «традиционные ценности». Дело не в содержании программ (оно было бюрократически безупречно изложено во всех необходимых документах — ОП, РПД, ФОСах и т. д.), дело в отношениях, в общей атмосфере.

В те дни в вузах России как раз проходила серия патриотических мероприятий, разъясняющих ценности «специальной военной операции» и предостерегающие студентов от протестов. 22 марта старост группы ИОНа собрали на онлайн-встречу, посвященную «геополитическому просвещению студенческой молодежи и формированию представления о современных вызовах и угрозах в области информационной безопасности». На ней декан факультета информационных технологий и анализа данных ЭМИТ РАНХиГС Павел Голосов рассказывал студентам о том, что руководство страны «не пошло бы на столь решительные шаги [начало СВО], если бы на то не было чрезвычайной необходимости» и предостерег от участия в «огромном рекламном проекте по распространению русофобии». По словам Голосова, участие в протестах или высказывание своей точки зрения могло «иметь последствия самые что ни на есть драматические для жизни человека, семьи, родных и близких». 1 апреля стало известно, что факультет Либерал Артс расформирован, часть его программ образовали так называемый «широкий бакалавриат» (никому не известная новая образовательная модель), а часть стала обычными самостоятельными бакалаврскими программами. И. о. директора Института общественных наук был назначен тот самый Павел Голосов. Встреча со старостами, как выяснилось, была его первым представлением студентам.

С тех пор многие преподаватели уехали и стали создавать новые университеты в других странах или встраиваться в уже

существующие проекты. Например, часть команды вместе с деканом Мариной Калашниковой основала новый *Liberal Arts and Sciences* в Черногории. Другие остались в Москве и продолжают работать под началом Голосова. При Зуеве и сильном May администраторы обслуживали и прикрывали интересы академического сообщества, теперь изгнание и добровольный уход содержательных руководителей программ и преподавателей в сочетании со страхом перед силовыми органами привел к самовластию административного аппарата, который утверждает приоритет формальных регуляций, исходящих от бюрократического руководства РАНХиГС и Минобра.

Под управлением бюрократов институт общественных наук постепенно лишается своих преимуществ и становится неотличим от других институтов РАНХиГС. Нет больше совместных программ с европейскими университетами и обмена студентами, нет свободного факультета Либерал Артс, нет многих преподавателей, которые были «лицом» института (включая философа Д. и политолога А., которых из года в год награждали званием «лучшего преподавателя» по итогам студенческого голосования), главное — нет Сергея Зуева, который на протяжении больше, чем десяти лет, осуществлял свою мечту об университете как «хранителе идеального». Если в других профессиональных сферах, например, в медиа, связь между уехавшими и оставшимися в России, не рвется, то в университетской среде разрыв очень болезненный, а контакты практически прекращены. Концепция тотальной эвакуации и концепция сохранения любой ценой, вплоть до полного перерождения, ради того, чтобы дать возможность студентам хоть чему-то учиться и создавать иллюзию нормальности, исключают друг друга. Пока нет ответа на вопрос, какой из этих подходов окажется более жизнеспособным и возможен ли когда-то в будущем их синтез.

DOI: 10.55167/a5572fa5boe8

Судьба Факультета свободных наук и искусств СПбГУ до и после 24 февраля 2022 года

Данила Расков

Исследователь, Хельсинский коллегиум перспективных исследований, университет Хельсинки

Денис Скопин

Кандидат философских наук, PhD Университета Paris VIII, преподаватель проекта «Смольный без границ», Берлин

Наш доклад будет не аналитическим обзором ситуации, а рассказом о событиях, происходивших на конкретном факультете в последние несколько лет его работы¹.

Факультет свободных наук и искусств СПбГУ был создан в партнерстве с американским Бард-колледжем еще в прошлом веке. Партнерство началось с открытых курсов, потом переросло в Смольный институт свободных искусств и наук, который принял первых студентов на программу в 2000 году. В 2011 году программа стала отдельным факультетом — Факультетом свободных искусств и наук. Одним из условий продолжения полноценного развития и открытия дворца Бобринских стало назначение на должность декана — в тот период министра финансов — Алексея Леонидовича Кудрина. Прежнее десятилетие факультет создавали и развивали Николай Евгеньевич Копосов как декан и Валерий Михайлович Монахов как директор.

Это был первый факультет в России, где преподавание велось по модели свободных искусств и наук или *Liberal Arts and Sciences*. Факультет свободных наук и искусств, или «Смольный» был одним из новаторских образовательных проектов и мог появиться только на волне изменений 1990-х годов и при весьма существенной административной и финансовой под-

1. Ниже курсивом будет выделен рассказ от первого лица.

держке. Целью «Смольного» было воспитание студентов в духе открытости, либеральных ценностей и критического мышления. Наибольшего распространения эта модель достигла в США, но корни этой модели — в античности и средневековых европейских университетах. Идеалом является не целенаправленное освоение одной узкой специальности, но универсальное и разнообразное образование настоящего гражданина и личности. Обучение предполагает отсутствие заранее известного плана и коллектива, который следует по этому маршруту. Напротив, каждый студент сам формирует свой образовательный маршрут, выбирая из достаточно большого числа курсов. Этую свободу только сковывают обязательства взять ряд обязательных дисциплин, чтобы удостовериться, что студент выбирает курсы из разных наук — гуманитарных, социальных, естественных. Для такой системы — накопленный тезаурус колледжа — это каталог курсов. Семинарская форма и подготовленный разговор предпочтается лекционной форме, поэтому все занятия на факультете проводились в группах до 20 человек. При этом каждый студент получал каждую неделю задание по чтению. К концу второго года обучения студент уже более осознанно делал сложный выбор между 12 разными направлениями дальнейшего обучения или программами: музыка, кино и видео, международные отношения, политические науки и права человека, экономика, философия, история, социология и антропология, компьютерные науки, когнитивные науки, литература и другие.

Постепенно факультет стал привлекать своих студентов, которые осмысленно шли, не боясь оказываться один на один с выбором и ответственностью. Привлекала общая атмосфера, конкретные имена преподавателей, молва выпускников. Проходной балл на факультете был одним из самых высоких в СПбГУ (скажем, в 2020 году средний балл ЕГЭ 97,0). Огромную роль в повышении качества приема играли стипендии, которые покрывали 50–75% стоимости обучения примерно для 90 студентов. На факультете училось около 500 студентов на бакалавриате и около 200 студентов на магистерских программах. Это весьма стабильное и предельное число, если учитывать площади и аудиторный фонд дворца Бобринских на Галерной

улице и число преподавателей. В разной форме с факультетом сотрудничали до 130 преподавателей в один академический год. Кроме ставок, были совместители внутри университета, внешние совместители и почасовики.

Смольный стал ассоциироваться со своим пространством — отреставрированным дворцом Бобринских, великолепным особняком XVIII века. Сад дворца прямо выходил на парк «Новая Голландия». Факультет постепенно стал значимым центром в области гуманитарных, социальных и даже отчасти естественных наук в России. На факультете работали преподаватели, занимающие ведущие научные позиции в своих областях, многие из которых были обладателями научных степеней, полученных в Европе и США. На факультете действовало несколько научных центров и исследовательских семинаров, на которые приезжали ведущие ученые мира. И преподавателям, и студентам было совсем не скучно. Многие студенты продолжали обучение на магистерских программах университета, других учебных заведениях страны и мира.

Не вызывает сомнения, что особый статус Санкт-Петербургского университета позволял осуществлять эту сложную для бюрократического исполнения программу. Неслучайно, что именно на факультете было создано уникальное общее пространство, когда все студенты учились в рамках одной образовательной программы «Свободные искусства и науки» и получали одну запись «Искусства и гуманитарные науки». До очередного витка реформ в диплом записывалась и конкретная специализация, скажем «Социология и антропология». Другие попытки развития модели свободных искусств и наук в России пошли по другому пути, а именно — принимать студентов на несколько разных программ, а после выбора специальности, при необходимости переводить с одной программы на другую. В таком варианте нужен еще более тесный контакт с ректоратом и возможность менять количество мест по разным программам. Также в рамках такого подхода невозможно достичь единого образовательного пространства и наличия свободы выбора курсов. По сравнению с попытками в РАНХиГС и ТюмГУ, Смольный давал больше возможностей для выбора курсов.

Тесная связь и взаимная зависимость с администрацией университета периодически создавали как возможности, так и сложности. Факультет жил самостоятельной, обособленной жизнью, что достигалось наличием собственного штата административных работников, хоть формально это и не было так и в последние месяцы это пришлось серьезнее ощутить. Помогал самостоятельности эндаумент. У преподавателей и студентов была высокая степень идентичности, связанная именно со Смольным, а не СПбГУ. Несмотря на принадлежность к СПбГУ, факультет всегда пользовался особым статусом, как благодаря особой системе преподавания, так и благодаря высоким научным и преподавательским стандартам, которые часто выделяли его на фоне остального университета. Отношения руководства факультета и университета были весьма непростыми.

В течение 2020 года много обсуждалось наделение факультета статусом отдельного юридического лица. Целью факультета было достичь нового статуса, чтобы иметь больше свободы и возможностей для развития, целью университета — сохранить прежний *status quo*, хоть и при наделении факультета юридически новым статусом. К сожалению, договориться оказалось задачей, превышающей человеческие возможности. Тогда стороны стали искать решение вопроса самостоятельно. СПбГУ вместе МГУ добились права создавать юридические лица внутри. В этом случае факультет получал много обязательств, но мало новых возможностей. Успехом руководства Смольного стало появление поручения правительства от 19 февраля 2021 года о создании Университета свободных искусств и наук путем реорганизации СПбГУ. В рамках этого принципиально иного сценария предполагалась передача новому университету двух дворцов — не только дворца Бобринского, но и особняка барона Штиглица, в два раза большего по площади. Решение в своем потенциале — революционное, хотя и не оригинальное. Многие учебные заведения Москвы вырастали из отдельных факультетов — взять хотя бы тот же МГИМО. Единственный вопрос, который не совсем понятно как было решать — это как в рамках действующего законодательства успеть с набором студентов и перевести студентов в новый университет, дав к тому же выбор тем, кто не хотел бы рисковать, а получить

диплом СПбГУ. Уже 1 марта 2021 года состоялось необыкновенное событие — Ученый совет СПбГУ 95 голосами проголосовал за реорганизацию, при 17 — воздержавшихся и 21 — против.

Тем не менее, уже к апрелю стало ясно, что университет смог найти слабые места и приобрести влиятельных сторонников в лице представителей прокуратуры, минюста и, возможно, других организаций. Таким уязвимым местом оказался основной партнер — Бард-колледж. Процесс отделения совпал с другим радостным событием — Бард получил одобрение на крупное финансирование со стороны фонда «Открытое общество». Хотя Смольный никак не был связан с этими проектами, тем не менее уже к апрелю стало ясно, что готовится что-то серьезное и по настоянию МИДа пришлось временно приостановить сотрудничество с американским партнером. 21 июня 2021 года Бард был признан «нежелательной организацией» в России, на тот момент впервые нежелательной был признан университет, образовательная организация, обучающая студентов. Психологическое давление усилилось, когда новый руководитель учебного отдела обнаружил старые не выданные дипломы — изымать их пришли люди в погонах прокуратуры. Это были дипломы прошлых лет, тем не менее это позволило администрации привлечь внимание к этому вопросу и распространить подозрения, напугать преподавателей и администраторов.

Чтобы избежать обвинения в сотрудничестве с «нежелательной организацией», сотрудники вынуждены были «чистить» документацию, изымая из нее «опасные» документы. Кроме того, процедура разрыва отношений с «нежелательной организацией» включала в себя «чистку» библиотеки от книг, изданных при поддержке Бард-колледжа или фонда Сороса. После этого из коридоров были удалены стенды с надписями, упоминающими Бард-колледж и некоторые другие западные организации, жертвующие факультету деньги.

До какого-то момента все же сохранялась убежденность, что факультет рано или поздно найдет решение вопросов — отменить решение минюста, отстоять преподавателей и свои программы, развиваться, находить новых партнеров. Сохранилась и уверенность, что это временные сложности, среди которых нет нерешаемых. Случались увольнения «неблагона-

дежных» преподавателей и раньше², однако масштаб проблем после неудачной попытки факультета выделиться в отдельный университет с каждым месяцем все нарастал. Один из преподавателей, американец Майкл Фриз, в ноябре 2021 года был депортирован из России³. Он был остановлен на улице незнакомыми людьми, которые вручили ему бумагу, предписывающую покинуть страну в течение 72 часов.

Университет призвал прокуратуру проверить, происходит ли все в соответствии с законом. Проверка ожидаемо выявила недостатки. Факультет и его сотрудники были обвинены в распространении «подрывных ценностей». Началась публичная травля факультета. Несколько важных «патриотических» медиа-платформ опубликовали разгромные статьи. На программе «Бесогон» вышел ролик с обвинениями в адрес нескольких преподавателей. Прокуратура начала проверку нашего факультета⁴. В своем отчете проверяющие написали, что факультет соответствует «худшим западным стереотипам»⁵. Параллельно аналогичные проверки прошли в РАНХиГС, «Шанинке», ТюмГУ. Претензий не оказалось только по отношению к ТюмГУ. Кроме обычных недочетов, в отчет Прокуратуры попадали достаточно абстрактные, но понятные замечания о том, что программы ВУЗов не отвечают законам РФ в сфере национальной безопасности и противодействия экстремизма, не защищают традиционные российские духовно-нравственные ценности, недостаточно место уделяют позиции российского государства по историческим и политическим оценкам.

2. ФМС в Петербурге оштрафовала Карин Клеман. URL: <http://www.cogita.ru/analitka/novosti-nauki/fms-v-peterburge-oshtrafavala-karin-kleman>.

3. Преподавателя СПбГУ Майкла Фриса депортировали из России. URL: <https://vot-tak.tv/novosti/29-11-2021-majkl-fris>.

4. «Не удивлен, что нынешнему конституционному строю России угрожают лекции по литературе и философии». Ученые и деятели искусств — о признании Bard College нежелательной организацией. URL: <https://paperpaper.ru/ne-udivlen-chto-nyneshnemu-konstituci/>.

5. «В соответствии с худшими западными стереотипами». Факультет свободных искусств СПбГУ потеряет уникальную программу. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/05/26/71361917/>.

Руководство университета предложило новый учебный план, который, по сути, представлял собой поэтапную карту ликвидации образовательной программы. Ректорат также начал избавляться от неугодных преподавателей, не продлевая им контракты⁶. На место уволенных преподавателей руководство университета присыпало преподавателей философского факультета, которые по уровню профессиональной компетенции сильно уступали изгнанным преподавателям. Студентам начали отменять целевые стипендии.

Оставшиеся преподаватели и студенты пытались бороться за уволенных коллег, направляя в администрацию письма протеста с требованием разъяснить мотивы увольнения и восстановить коллег на рабочем месте. Однако после 24 февраля процесс приобрел катастрофические масштабы. Уже в конце марта университет признал нецелесообразным продолжение исполнения обязанностей декана Д. Е. Расковым, в июне с поста декана ушел А. Л. Кудрин.

К намеренному уничтожению факультета администрацией университета добавился отток антивоенно настроенных преподавателей. Несколько преподавателей покинули страну немедленно после 24 февраля. На этот момент большинство осталось на факультете, но многие стали искать способы отъезда из страны. Летом 2022 г. факультет лишился ещё нескольких преподавателей, уехавших из России. После объявления мобилизации 21 сентября следующая группа немедленно уехала из страны. Некоторые из них, выехав, продолжили вести занятия онлайн, однако вскоре были уволены администрацией.

Сама система *Liberal Artes*, где студенты учатся не в группах, а слушают курсы по выбору в соответствии с интересами, способствует выстраиванию горизонтальных связей между студентами различных курсов и программ. Результатом этого стало сильное и сплоченное студенческое сообщество, существующее на факультете, осознающее свою принадлежность

6. «Сохранение факультета оказалось под вопросом». СПбГУ внезапно сократил преподавателей программы *Liberal Arts*. Объясняем, почему это важно. URL: <https://papergraper.ru/sohranenie-fakulteta-okazalos-po/>.

к Смольному и критически настроенное по отношению к про-исходящему. Попытка уничтожить факультет встретила резкое сопротивление со стороны студентов, которые поддерживали преподавателей с самого начала. Сопротивление студентов против «реформы» факультета продолжалось даже после того, как многие преподаватели покинули факультет⁷.

Несмотря на все трудности, после начала войны факуль-тет был важным центром антивоенного движения. Формы сопротивления были самыми разнообразными: от размеще-ния на стенах антивоенных стихов до написания писем под-держки политическим заключенным. После 24 февраля многие студенты участвовали в акциях протesta, несколько человек были задержаны, некоторые не по одному разу.

Важно упомянуть о двух случаях уголовного преследо-вания студентов и выпускников факультета.

Первый — это дело Софьи Семеновой, нашей студентки, которая, как полагало следствие, могла участвовать в сожже-нии куклы, одетой в военную форму⁸. Софья была арестована и помещена в СИЗО. Студенты ФСИиН и некоторые препода-ватели присутствовали на процессе, чтобы оказать моральную поддержку обвиняемой. В итоге, мера пресечения Софии была изменена, и она смогла покинуть страну до вынесения при-говора.

На втором процессе обвиняемой оказалась выпускница факультета Саша Скочиленко, заменившая ценники в магазине на антивоенные листовки⁹. Несоответствие между тяжестью «преступления» и тяжестью приговора очевидно, и сегодня Скочиленко является одной из самых известных политзаклю-ченных в России. На одном из заседаний в городском суде на Московском проспекте в мае 2022 года присутствовало около

7. Анастасия Романова. У соратницы Фатьяновой — тоже обыск. URL: <https://mr-7.ru/articles/2022/03/07/u-soratnitsy-fatianovoi-tozhe-obysk>.

8. Анастасия Романова. У соратницы Фатьяновой — тоже обыск. URL: <https://mr-7.ru/articles/2022/03/07/u-soratnitsy-fatianovoi-tozhe-obysk>.

9. Свободу Саше Скочиленко. URL: <https://skochilenko.ru/>.

ста человек, пришедших поддержать Сашу. Существует широкое движение в поддержку Скочиленко, в котором участвуют студенты и выпускники факультета.

Следующим большим шоком было объявление мобилизации 21 сентября 2022 года. В этот день я (Денис) участвовал в антивоенном митинге на Исаакиевской площади в Петербурге. В митинге принимало участие около 200 человек, и все они были задержаны.

Мы провели ночь в отделении, где на нас составили абсолютно одинаковые протоколы. С нас дважды сняли отпечатки пальцев: на сканере и с помощью чернил. Утром отвезли на суд. Длился он всего пять минут. Конечно, дело по существу рассмотрено не было, его рассматривали в ускоренном режиме. Как и большинство участников митинга, я был приговорен к 10 суткам ареста.

После суда нас отвезли в спецприемник на Захарьевской улице. Пребывание в спецприемнике было наименее неприятным моментом из всей истории с задержанием. Я сидел вдвоем в камере с коллегой, математиком из СПбГУ — это молодой ученый, который защитил докторскую диссертацию PhD в университете Цюриха и вернулся в Россию. Вдвоем было очень комфортно: коллега очень интеллигентный, мягкий человек. Мы много разговаривали о политике, о науке в России, о международном опыте, который есть у каждого из нас.

В один из дней к нам приходила уполномоченная по правам человека в Петербурге Светлана Агапитова. Она очень удивилась, узнав, что двое коллег-PhD сидят в одной камере. Кроме ареста мне, как и всем задержанным на этой акции мужчинам, вручили повестки. Я был обязан явиться в военкомат по месту жительства в течение 24 часов «для уточнения данных».

После того, как я вышел на свободу, я еще три недели преподавал в университете. За это время мне пришло три служебные записки от проректора Еремеева, в которых он просил меня объяснить обстоятельства моего ареста. После этого мне позвонили из отдела кадров и сообщили, что я уволен. Никаких разговоров с ректоратом у меня не было. В качестве мотивировки в приказе стояло «аморальное поведение». Такая формулировка приказа была достаточно глупой. Дело в том, что понятие морали, как оно было сформулировано

в документах ректората, подразумевало полное безраздумное подчинение приказам сверху. Такое понимание морали исключает любое поведение по совести и вообще не подразумевает такой вещи, как моральный долг.

Мое увольнение официально начиналось через 3 дня после вручения мне приказа, что дало мне прекрасную возможность встретиться и попрощаться со студентами. На встрече присутствовало около 50 человек.

Впоследствии, студенты нашего факультета добились встречи с руководством университета и лично с ректором СПбГУ. Как оказалось, Н. М. Кропачев лично следил за моим делом, и принял личное решение о моем увольнении. Кропачев также читал мои интервью, которые я дал после увольнения.

На сегодняшний день (июль 2023 года) около 70% прежнего преподавательского состава покинули его. Больше всего события затронули Кафедру междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, где из всего состава преподавателей осталось только несколько человек.

Факультет свободных наук и искусств СПбГУ формально еще есть, но Смольный уже перестал существовать.

DOI: [10.55167/5304da4b60a7](https://doi.org/10.55167/5304da4b60a7)

Высшая школа экономики — история взлета и падения

Дмитрий Дубровский

Кандидат исторических наук, профессор Свободного университета

Введение. «Карман эффективности» и лидер высшего образования и социально- гуманитарной науки в России

Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), который Владимир Гельман недавно описал¹⁰ как пример неудачной истории авторитарной модернизации, является одним из примеров авторитарных реформ, осуществленных в начале 1990-х годов. Заранее выведенный из общей системы высшего образования, университет был создан как специальный проект с обеспечением серьезного финансирования зарплат преподавателей на вполне европейском уровне, в сильном контрасте с обычными для России академическими окладами. Благодаря активному участию в подготовке стратегических государственных проектов, этот университет имел особую защиту и специальную автономию. Можно согласиться с В. Гельманом, что этот высокий уровень автономии, эффективное руководство ректора Ю. Кузьмина и постоянная поддержка сверху обеспечили прогрессивное и заметное развитие ВШЭ, сделали его узнаваемым не только в России, но и за рубежом. В результате НИУ ВШЭ достигло 305 места в мировом рейтинге университетов QS, а факультет «Социальные науки и управление» входит в топ-50 этого рейтинга.

Однако эти достижения не могли бы быть достигнуты без особого режима академической автономии и академических свобод. Действительно, НИУ ВШЭ можно признать одним из свободных и наиболее независимых государственных образо-

10. Vladimir Gel'Man, “Exceptions and rules: success stories and bad governance in Russia”, *Europe-Asia Studies*, vol. 73, no. 6 (2021): pp. 1080–1101.

вательных учреждений, в основном из-за особых отношений с государством и серьезной интернационализации в своей работе. Руководство университета заявляло, что НИУ ВШЭ «стремится стать полноправным участником международного академического пространства... это возможно только если основной ресурс университета — его люди, преподаватели, исследователи и студенты, видят себя частью международной академической общности».

Членство в международной академической общности означает, в том числе, и разделение принципов академических прав и свобод. Основатель и ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов касался к академической свободе в своей статье 2007 года, где он заявил, что «атмосфера академической свободы ценна, потому что она позволяет создать комфортные условия для людей творческого труда». Интересно, что в этой работе определение академической свободы было довольно узким и в основном определялось как часть соглашения между университетской властью и преподавателями. Не менее показательно то, что в недавно вышедшей монографии Я. Кузьминова и М. Юдкевич темам академической свободы, политическому давлению на университет и противоречию между руководством и профессурой, серьезно возросшему с 2007 года, никакого внимания не удалено¹¹.

Однако уже в 2009 году такие примеры давления были налицо — и тогда университет с ними справлялся. В 2009 году заместитель начальника Главного внутреннего управления московской полиции обратился в своем письме к ректору Кузьминову, требуя исключить студентов, задержанных во время протестов в декабре 2008 года. В частности, генерал Иванов рекомендовал «рассмотреть вопрос об устраниении факторов, способствующих правонарушениям, а также обратить внимание на вопрос о целесообразности продолжения обучения этих студентов в НИУ ВШЭ». Ректор Кузьминов тогда ответил, что университет не будет преследовать студентов за их политическую активность. Та же позиция была им повторена десять лет спустя, но в другом политическом контексте. В 2013 году

11. Yaroslav Kuzminov, and Maria Yudkevich. *Higher education in Russia*. JHU Press, 2022.

он даже пригласил Алексея Навального, известного критика Кремля, принять участие в открытых дебатах в НИУ ВШЭ.

Однако поворот в сторону консерватизма в российской политике отразился и на российской науке и образовании. До 2014 года университет, который находился в расцвете и обвинялся критиками в «либерализме», активно интегрировался в зарубежные научные сети и программы, имея академическую свободу, несравненную с другими российскими университетами, и работал в высокой степени на основе самоуправления.

Еще в 2013 году ректор Кузьминов высказывал мнение, что «в Вышке есть представители разных политических взглядов... но собственно политической деятельностью они занимаются вне стен университета»¹². Именно потому в стенах НИУ ВШЭ спокойно сосуществовали преподаватели и студенты очень разных политических взглядов; больше того, они спокойно высказывались за пределами вуза по самому широкому спектру вопросов политики, социума и культуры.

После 2014 г. НИУ ВШЭ начал испытывать серьезное давление, в первую очередь, связанное с последствием созданного внутри него «либерального режима» — то есть, академической свободой слова учителей и студентов. Изменение политического климата повлияло на соглашение между властью и университетом напрямую. Активное политическое участие Кузьминова в политической жизни — его участие в Государственной думе с 2014 по 2019 год — было нарушением его собственных принципов разделения между университетом и политической жизнью. Несколько политических конфликтов в НИУ ВШЭ продемонстрировали глубокое несогласие между руководством университета, студентами и преподавателями.

В частности, встал вопрос об общественных высказываниях преподавателей и студентов.

Кому и чего можно говорить?

Прежде всего, случай профессора Гасана Гусейнова, который на своей странице в Фейсбуке критически обозначил состояние русского общественного языка как «клоачного» и тут же

12. URL: <https://www.hse.ru/news/life/76157819.html>.

угодил¹³ под обвинения в «русофобии» и немедленно получил предложение от этической комиссии НИУ ВШЭ «извиниться» — правда, не очень было ясно, перед кем и за что. Отчасти пояснил это ректор НИУ ВШЭ Кузьминов, который в своем посте¹⁴ упрекнул профессора в том, что он не заботиться о репутации своих коллег, а также в неверном поведении в публичном пространстве, где нужно стараться, по мнению ректора, «не обидеть других людей» «неоднозначными толкованиями». В ответ Комитет по академической свободе Ассоциация славистических, восточноевропейских и евразийских исследований послал ректору Кузьминову письмо, рекомендация комиссии по этике Ученого совета НИУ ВШЭ — отзвать свой комментарий и извиниться — была впрямую названа¹⁵ «прямым ущемлением академической свободы преподавателя и исследователя».

Показательным было то, что в аналогичной ситуации, когда другой профессор НИУ ВШЭ, Олег Матвейчев призвал «уничтожать либералов хирургическим путем»¹⁶, комиссия по этике НИУ ВШЭ также сочла такой пост «неприемлемым», однако извиниться профессора не призывала.

Другим примером было дело¹⁷ студента-политолога Егора Жукова, который был обвинен в экстремизме на основании своих выступлений в Youtube. В тот момент в университете еще существовало политическое многообразие: это показала¹⁸ реакция внутри самого университета на дело против студента — от безусловной поддержки до критики «несуществующих политических репрессий». Наконец, дело о лишении¹⁹ журнала

13. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/09/rukovodstvo-vshestvom-rekomendovalo-svoemu-professoru-izvinitysa-za-slova-ob-ubogom-russkom-yazyke-vozmozhno-iz-za-putina>.

14. URL: <https://www.facebook.com/kouzminov/posts/10220859010291611>.

15. URL: <https://www.aseees.org/advocacy/letter-hse-regarding-academic-freedom-its-faculty-guseinov>.

16. URL: <https://www.svoboda.org/a/30503975.html>.

17. URL: https://mel.fm/povestka_dnya/3680759-egor_zhukov.

18. URL: <https://bit.ly/3PoODrd>.

19. URL: https://doxajournal.ru/hse_doxa.

«DOXA» статуса студенческой организации якобы за действия, «порочащие репутацию вуза», также, по-видимому, повлияло на то, чтобы внести в правила новые серьезные ограничения на публичные высказывания студентов и преподавателей. В НИУ ВШЭ были изменены правила академической этики: например, в них было внесено положение об обязанности студентов и преподавателей «исключить аффилиацию с университетом в случае участия в политической или иной деятельности, вызывающей существенные разногласия в обществе»; исключение при этом было сделано для «экспертной и аналитической позиции». При этом в поправках еще и содержалось требование «не совершать действий, наносящих ущерб деловой репутации университета, его работников и обучающихся».

Конечно, руководство НИУ ВШЭ тогда настаивало, что подобные поправки «не являются нарушением академической свободы и актом цензуры» и что в целом «такие же положения есть в целом ряде университетов» в демократических странах, в частности, в США. Не нашел в поправках нарушений свободы слова и глава Совета по правам человека Валерий Фадеев²⁰.

Критика же этих поправок, наиболее полно представленная²¹ в заключении профсоюза «Университетская солидарность», обращала внимание на то, что требования высказываться по общественно важным вопросам в установленном администрацией ВШЭ порядке не только нарушает базовый принцип академической свободы слова, но и препятствует работе независимых профсоюзов.

Эти поправки, по мнению юристов «Университетской солидарности», «демонстрируют высокий уровень правовой неопределенности», поскольку совершенно неясно, как понимать, какие вопросы «носят существенные разногласия», и каким образом установить, в правильной ли находится работник «аналитической или экспертной позиции», чтобы по ним высказываться.

Однако после серьезной общественной кампании руководство НИУ ВШЭ существенно смягчило первоначальный

20. URL: <https://www.interfax.ru/russia/691568>.

21. URL: <http://unisolidarity.ru/?p=8272>.

набор ограничений. Согласно вступившим в силу правилам, выступать без разрешения можно, но в таких выступлениях «по спорным вопросам» необходимо либо воздерживаться от аффилиации с университетом, либо размещать уведомление, что позиция является исключительно личной позицией и не претендует на выражение позиции Высшей школы экономики.

Фактически введенная поправка ничего не поменяла в положении преподавателей и студентов. Более 5 тыс. подпавших протест против поправок были заклеймены как «изгои», а критикующим поправки предложено подумать о переходе в «негосударственные вузы»²². Тогдашний проректор Валерия Касамара объясняла это так: «Если вы выбрали государственный вуз при правительстве РФ, то надо отдавать себе отчет, что есть учредитель, определяющий цель и задачи».

Очевидная усилившаяся зависимость таких «карманов эффективности», как НИУ ВШЭ, от государственной власти, которая стремительно изменялась в сторону «диктатуры страха» (по терминологии Д. Трейсмана и С. Гуриева), была причиной не только введения фактического режима цензуры в НИУ ВШЭ, но и увольнения научных сотрудников, которые так или иначе комментировали цензурные запреты (дело Г. Гусейнова, дело «DOXA») и так или иначе вступали с руководством в конфликт по поводу ограничения академической свободы в НИУ ВШЭ.

Показательным при этом было то, что и критиков цензурных запретов поддерживали далеко не все. В другой истории, связанной с так называемым «оправданием терроризма», явно по заказу руководства НИУ ВШЭ ряд научных работников университета написали текст «О недопустимости оправдания терроризма»²³, в котором, в частности, утверждали, что академической этики якобы «не допускает легковесных публичных суждений на морально значимые темы». Фактически весь текст являлся апологией цензуры и самоцензуры в отношении «морально значимых тем». В ответ другие авторы, включая тех,

22. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/17/83501-est-negosudarstvennye-vuzy-a-mir-otkryt>.

23. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/18834/1/HSE_Ter_2020.pdf.

кто работал в НИУ ВШЭ (и автора настоящего текста), написали другой²⁴, в котором проанализировали текст коллег с весьма критических позиций, защищая академическую свободу слова: «Требование предварять научные обсуждения причин терроризма каким-то не существующим в мире „однозначным определением“ терроризма как „не имеющего оправданий зла“ — это не только прямое требование ограничения свободы слова, но и еще покушение на принципы академической свободы».

Безусловно, при этом достижения и достоинства НИУ ВШЭ одного из лидеров реформ высшего образования были довольно заметны, даже несмотря на явно выросший уровень административного контроля. Правда, и достоинства эти оценивались сотрудниками Вышки по-разному. Так, профессор Г. Гусейнов в своей статье в «Новой газете» довольно резко охарактеризовал Вышку как место, где профессора стали соучастниками создания несправедливой системы, а сам университет в целом был «иллюзией и витриной для Запада». По мысли профессора Гусейнова, эта система обеспечивалась неоправданно высокими зарплатами (автор называет их уголовным термином «грев» — недопустимые внутренним тюремным распорядком вещи и продукты питания) и в целом посчитал этот опыт крахом: «хрустальная мечта разгромлена»²⁵. В отличие от него, другой профессор похожего университета, РАНХГНиС, Евгений Рощин, в своем тексте не соглашается такой общей оценкой реформ высшего образования, утверждая, что «небольшой институциональный эффект от этих проектов в Академии будет еще какое-то время ощущаться. Как будет повод гордиться и нашими выпускниками».

От слов — к делу: увольнения по политическим мотивам

Однако уже к 2020 году начались первые увольнения, которые иначе чем политическим мотивом объяснить было нельзя. Были уволены (формально — не продлены контракты) авто-

24. URL: https://www.trv-science.ru/2020/08/review_of_hse_report/.

25. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2023/01/22/razbor-poletovili-kakim-ne-byt-universitetu>.

ритетным ученым — социологу Элла Панеях и политологу Александру Кыневу, была уволена — за критику решений руководства — руководитель программы «Культурология» Ольга Рогинская. Затем — в результате сокращений — пострадала вся кафедра философии, на которой было сокращено сразу несколько преподавателей.

Показательно, что, по мнению покинувшего Вышку позже философа Виктора Горбатова, «в „черный список“ ВШЭ попали преподаватели, которые подписывали открытые письма в поддержку политзаключенных и профессора Гасана Гусейнова». Сам Гусейнов цитировал руководителя Школы филологических наук Евгения Казарцева, который впрямую сказал, что «руководство поставило перед ним задачу очистить школу от тех, кто вредит репутации ВШЭ и, как он выразился, „ведет политическую пропаганду в соцсетях“»²⁶. Собственно, в качестве таковых были уволены филологи Илья Кукулин и Мария Майофис, а также философ и политолог Кирилл Мартынов и философ Виктор Горбатов.

Однако особенно ярким было уничтожение кафедры конституционного права в НИУ ВШЭ, что было совершенно очевидной местью за публичную критику так называемых «поправок в Конституцию», осуществленных путинским режимом в 2020 г. Были уволены четыре преподавателя²⁷ — Елена Лукьянова, Ирина Алебастрова, Елена Глушко, Андрей Щербович, а руководитель кафедры был переведен на позицию профессора-исследователя. Фактически, вся кафедра пострадала за то, что анализировала и критиковала антиконституционный характер предложенных в Конституцию поправок²⁸.

Наиболее удобным инструментом для увольнения тех, кто, как правило, составлял наиболее квалифицированные и признанные на международном уровне кадры НИУ ВШЭ,

26. URL: <https://newizv.ru/news/2020-07-08/vshe-perezhivaet-vtoruyu-volnu-politicheskikh-chistok-308779>.

27. URL: <https://www.svoboda.org/a/30791502.html>.

28. URL: <https://hrcspb.org/2020/01/26/elen-a-luk-yanova-o-popravkah-k-konstitutsii-rf/>.

стали краткосрочные контракты²⁹. Как показывало исследование вузов еще в 2020 г, до 20% всех контрактов — годовые. Кроме того, фактически критерии заключения и продления договора остаются на усмотрение руководства вуза, что делает преподавателей заложниками начальства. Одновременно удобно и легко увольнять преподавателей не за политическую позицию, и даже не за «нарушение корпоративной этики», а по-просту не продлевать контракты на совершенно произвольных основаниях. Российские же суды, не задумываясь, оставляют этот вопрос на совесть работодателя³⁰, а спорные вопросы отказывается рассматривать и Конституционный суд³¹, куда обратились уволенные из НИУ ВШЭ Елена Лукьянова и Сергей Гурьянов. Как резюмировал юрист Института права и публичной политики Илья Брикульский «университетская автономия трактуется как абсолютная власть администрации перед преподавателями и учеными. И эта абсолютная власть полностью нивелирует конституционные гарантии свободы научного творчества и свободы преподавания»³². Некоторые из бывших преподавателей НИУ ВШЭ в поисках свободы академического творчества создали «Свободный университет».

Уход Ярослава Кузьминова, одного из основателей НИУ ВШЭ, который возглавлял университет в течение 28 лет, вызвал множество спекуляций о его мотивах, и ряд СМИ предположили, что этот шаг Кузьминов сделал в результате нежелания или неспособности идти на всё более тяжелые компромиссы с путинским режимом, который явно требовал более радикальных мер в отношении критиков и независимых ученых в НИУ ВШЭ. Отставка Я. Кузьминова с переходом его на позицию научного руководителя в 2021 г. и приход нового ректора, по некоторым данным, прямо посланного, чтобы «зачистить гнездо либерастов», продолжил картину разрушения университета, созданного, по печальной иронии, самим Я. Кузьминовым.

29. URL: <https://cirsus.org/ru/2020/06/25/effekt-stimuliruyushhihnadbavok-2/>.

30. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4592422>.

31. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5999939>.

32. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5901475>.

Уже в январе 2023 г. автор настоящего текста был «не рекомендован» для продления контракта. Несмотря на протесты и открытое письмо Ученому совету с рассказом о серьезных нарушениях в процедуре обсуждения кандидатуры, отстоять позицию не удалось. Одновременно — и издевательски — поскольку автор был ключевым лектором в программе «Права человека», это трек был закрыт³³, как и вся магистерская программа «Публичная политика и права человека». Заведующая кафедрой публичной политики, многолетний профессор НИУ ВШЭ Нина Беляева, уволилась в знак протesta.

НИУ ВШЭ в эпоху войны

Начало войны ознаменовалось не только тем, что ректор Анисимов — без всякого, заметим, одобрения Ученого совета — подписал позорное письмо ректоров, открыто поддержавших «трудное решение» о начале открытой военной агрессии против Украины. Довольно быстро стало ясным, что в этой ситуации не только те, кто критикует государство или руководство НИУ ВШЭ, но и просто выражающие открыто антивоенную позицию, не могут оставаться сотрудниками НИУ ВШЭ. Ряд сотрудников были уволены именно потому, что, по мнению руководства, допустили «неэтичные высказывания» социальных сетях. Таким же образом, как и раньше, были использованы Комиссии по академической этике. В Пермском филиале была уволена Динара Гагарина, которая открыто высказывалась против войны; немедленно была закрыта и магистерская программа по digital humanities, которая была создана и открыта только что самой Динарой Гагариной³⁴.

Другой известной жертвой стал Илья Инишев, который был уволен также за «аморальный поступок», который выразился якобы в использовании нецензурной лексики на его странице в Фейсбуке (запись была посвящена протесту против войны). Интересно, что в подписании служебной записи, на основании которой было произведено увольнение, участвовал

33. URL: <https://zona.media/news/2022/04/04/nuihse>.

34. URL: <https://www.svoboda.org/a/dotsentku-vshe-v-permi-uvolili-iz-za-antivoennyh-postov/32169522.html>.

сооснователь популярного паблика «Страдариум» Олег Воскобойников, который долгое время продолжал оставаться преподавателем НИУ ВШЭ, несмотря на прямой запрет для остальных преподавать онлайн.

Еще одной жертвой стал профессор Олег Лекманов, который вышел на антивоенный митинг и был так поспешно уволен, что его страницу удалили из сайта университета еще до окончания им своего курса³⁵.

Руководство вуза сразу после начала войны стало активно выяснять, кто находится за границей, и требовать ухода по собственному желанию или перевода на ГПХ. Бывший профессор НИУ ВШЭ Константин Сонин, также потерявший работу вскоре после начала войны, полагает, что вуз потерял не менее ста пятидесяти сотрудников; при этом многие лаборатории и проекты попросту были обезглавлены или потеряли в научном веде. Например, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева потерял более половины сотрудников, а также статус международной лаборатории, что уже сказалось на его активности и финансировании внутри университета.

Наконец, НИУ ВШЭ стал впрямую применять репрессивные законы, направленные, в частности, против ЛГБТ-сообщества, для цензуры в научных библиотеках. После принятия соответствующего закона юристы университета выпустили памятку для научных библиотек, согласно которой лучше всего попросту удалять все книги, так или иначе «связанные с ЛГБТ»³⁶. Фактически речь идет о прямом запрете на упоминание всего сообщества в научной литературе, предлагаемой исследователям и студентам в библиотеках НИУ ВШЭ. Одновременно памятка настаивала на том, что «информационные материалы иноагентов» также необходимо удалить.

Все это не может не влиять на практики цензуры и самоцензуры: множатся истории о том, какие темы впрямую нельзя исследовать, какие темы лучше «изменить». В одном из региональных кампусов НИУ ВШЭ студенту запретили исследовать

35. URL: <https://www.proekt.media/guide/uchenye-uezzhayut/>.

36. Там же.

Ханну Арендт и происхождение тоталитаризма после того, как научный руководитель получил прямое указание «сменить тему».

Таким образом, начало войны только усилило те процессы, которые происходили в НИУ ВШЭ и раньше — прежде всего, давление на оппонентов при помощи «этических комитетов», а также увольнение при помощи «эффективных контрактов». Наличие идеологического давления и прямой цензуры предсказуемо привело и уже приводит к серьезной деградации некогда успешного образовательного проекта.

Заключение

История НИУ ВШЭ показывает, что «островки эффективности», создаваемые авторитарными режимами, как правило, при наличии влиятельного патрона, нельзя считать полностью независимыми от политического контекста. Эти проекты не только зависят от судьбы патрона, но и в значительной степени подвержены негативному воздействию изменяющегося политического контекста. Усиление авторитарных тенденций после присоединения Крыма сузило автономию университета, который когда-то считался символом либерализма, и выявило противоречия авторитарной модели модернизации. Если академическая свобода и автономия университета являются основой определения эффективности в секторе высшего образования и научных исследований, то НИУ ВШЭ больше не может рассматриваться как «островок эффективности». Действительно, как подытожила бывший профессор НИУ ВШЭ Елена Памфилова (используя немного другую терминологию): «Есть такое понятие — „Island of intergrity“ — в теории, даже в самых коррумпированных режимах, можно построить остров, свободный от коррупции и нечестности. Но никто не смог этого сделать — все пытаются, есть эксперименты, методы. Но в конце концов, окружающая среда все равно начинает пожигать берега этого острова». По-видимому, режим, который создал действительно успешный образовательный проект — НИУ ВШЭ, — сам будет причиной его исчезновения.

DOI: 10.55167/ba5e2b671de8

Как российская наука выживает и развивается в изгнании

Дмитрий Дубровский

Кандидат исторических наук, профессор Свободного университета

Довольно заметная волна¹ ученых, преподавателей, студентов, уехавших из России еще в 2022 г., стала частью общей волны военной миграции. Сколько уехало, определить довольно трудно: кто-то возвращается (в основном, правда, чтобы уехать заново более подготовленными), кто-то пытается сохранять рабочее место дистанционно и старается не анонсировать свое пребывание за границей. Студентов считать еще сложнее.

Приблизительно потери российской науки и образования в 2022-м — начале 2023 г. можно оценить в 2–3% от общего числа ученых и преподавателей — это около 7–8 тысяч человек. Цифра не поражает воображение, однако очевидно, что дело не столько в количестве уехавших, сколько в качестве. Уехали многие, кто фактически осуществлял глобализацию российской науки.

Многие, кто уехал до 24 февраля (а с 2012 г. количество уезжающих ученых и молодых, и среднего возраста выросло в пять раз²) в долговременные командировки для работы над научными проектами, также перестали рассматривать перспективу возвращения. Отдельно стоит упомянуть иностранных преподавателей и ученых, большая часть которых уехала почти сразу после начала военных действий.

Показательно, что основная эмиграция пришлась на те же страны и центры, которые были центрами объединения³ научной эмиграции после 1917 г. — Стамбул (тогда Константинополь), Белград, Берлин, Варшаву, Прагу, Париж. Сто лет назад академические группы, сформированные по географиче-

1. URL: <https://www.proekt.media/guide/uchenye-uezzhayut/>.

2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4782133>.

3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4165703>.

скому принципу, активно работали, создавали новые исследовательские центры, возник даже целый Русский университет⁴. Многие правительства поддерживали научную деятельность русской эмиграции: особенно, конечно, выделяется Русская акция⁵ президента Чехословакии Томаша Масарика. Чехословацкое правительство поддерживало не только переезд и интеграцию многих тысяч российских беженцев, но и образование и исследования. Ряд других правительств, включая Францию, Сербию, Германию, финансово поддерживали работу научных и образовательных институтов, а также съезды академических групп — главные органы кооперации беженцев-ученых и преподавателей из советской России.

Конец этому движению был положен начавшейся Второй мировой войной; нацисты обычно либо закрывали российские институции, либо (с помощью части профессуры) превращали их в профашистские — так, в годы Второй мировой Русский свободный университет в Праге читал курсы по «новой русской идее», развивались курсы по военной подготовке. Сам университет потерял независимость и был поставлен под контроль Карлова университета, в то время совершенно лояльного нацистскому правительству. Счастливое исключение — Русская академическая группа в США (Association of Russian-American Scholars in the USA), которая просуществовала до последнего времени.

Итак, сто лет назад уехавшие ученые и преподаватели могли надеяться на поддержку и даже помочь ряда правительств, в Европе создавались образовательные и исследовательские проекты, ученые получали рабочие места и могли продолжать свою деятельность, что и делали довольно активно. Например, в Чехословакии с 1918 по 1945 гг. было издано около 5 тысяч книг, сборников научных трудов, конференций, авторами которых были ученые, уехавшие из советской России.

4. URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/f6c4f856a2d1668c69e87bc2ebocfoba.pdf>.

5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36066864>.

Кто помогает ученым-релокантам

Ситуация современной научной миграции совершенно другая. Ряд зарубежных ученых, прежде всего украинских, публично требуют полного запрета⁶ российской науки и образования и отказа от любого сотрудничества, в том числе персонального. Основные аргументы — официальная поддержка войны ректорами российских вузов, роль ученых, работающих на ВПК и в технологической поддержке военной кампании, а также общее соображение относительного якобы тотальной поддержки войны российскими учеными и студентами.

Такая позиция влияет на практику ряда стран от выдачи любых виз, включая научные и образовательные. Эстония, Чехия, Литва, Латвия, Польша просто перестали их выдавать и, соответственно, принимать на работу или учебу ученых, которые пытаются уехать из России. Исключение — ситуация, когда ученый подает на гуманитарную визу, имея доказательства преследования за антивоенную или иную гражданскую активность. В этом случае виза, например, в Чехии оформляется через программу «Гражданское общество».

Германия, Франция, Швеция, Италия по-прежнему выдают визы, включая студенческие и научные.

Оценить, куда и как уезжают российские ученые сейчас, довольно сложно. Скорее всего, туда, куда они уже ездили раньше, используя те научные и академические обмены, которые происходили до начала полномасштабной войны. По данным прошлогоднего исследования⁷ НИУ ВШЭ, к 2019 году более 17% ученых и преподавателей России имело как минимум трехмесячный опыт работы за рубежом, лидировали тут Германия, США и Франция. Эти же страны сегодня приглашают исследователей из России, которые хотят продолжения научной или преподавательской карьеры за рубежом. Правда, о какой-либо общей государственной поддержке, похожей на «Русскую акцию» Масарика, в Европе говорить не приходится.

6. URL: <https://www.timeshighereducation.com/blog/russian-universities-must-suffer-tougher-sanctions>.

7. URL: <https://issek.hse.ru/news/610619766.html>.

Тем, кто уезжает из России прежде всего из-за ограничения академической свободы, помогают как отдельные университеты, так и проекты поддержки преследуемых ученых. Это такие программы, как Philipp Schwartz Initiative⁸ в фонде Александра фон Гумбольдта в Германии, Pause⁹ во Франции, University in Exile¹⁰ и Scholars at Risk¹¹ в США, и другие. Размер и объем такой поддержки в отношении ученых России ограничен: очевидным приоритетом является поддержка украинских ученых, чья не только работа, но и жизни находятся под угрозой. Кроме того, такие институции, как правило, дают поддержку в режиме matching grant, что означает необходимость поиска того института или университета, который готов заплатить недостающую часть за того или иного преподавателя или ученого. В ближайшее время эти гранты предсказуемо закончатся. Перед теми, кто получал временную поддержку, встанет вопрос, как выживать в изгнании.

Один из очевидных ответов — самоорганизация. Российские ученые и преподаватели, которые оказались за рубежом, создают сети поддержки, собственные образовательные и исследовательские проекты.

Еще до начала полномасштабной агрессии уволенные из НИУ-ВШЭ преподаватели создали Свободный университет¹², независимый образовательный онлайн-проект, активная работа которого, впрочем, осложнена тем, что он признан в России «нежелательной организацией» и фактически потерял возможность коммуницировать со студентами и преподавателями внутри страны. Однако он остался важным проектом для развития образования на русском языке в Европе. University of New Europe¹³ осуществляет активную помощь в релокации студен-

8. URL: <https://www.humboldt-foundation.de/bewerben/foerderprogramme/philipp-schwartz-initiative>.

9. URL: <https://www.campusfrance.org/en/pause-program-urgent-aid-scientists-exile>.

10. URL: <https://newuniversityinexileconsortium.org/>.

11. URL: <https://www.scholarsatrisk.org/>.

12. URL: <https://freemoscow.university/>.

13. URL: <https://neweurope.university/>.

тов и преподавателей. Такой же проект недавно возник и специально для российских и беларуских студентов — Диплом свободы¹⁴.

Российские преподаватели, которых выдали из РАНХиГС, создали в Черногории¹⁵ бакалавриат свободных искусств и наук (подход в образовании, который в России фактически вне закона) и уже открыли первый набор. В Карловом университете при поддержке Фонда Немцова открылась первая в Европе русскоязычная магистратура¹⁶ по российским исследованиям. Выстраивает работу за рубежом и запрещенный в России «Мемориал». Наконец, коллеги создают сети взаимной поддержки, такие, как «Университетская солидарность в Европе»¹⁷.

Утечка или циркуляция?

Выделяют три модели академической миграции. Первая — известная всем утечка мозгов (brain drain), при которой академическая наука страны безвозвратно теряет кадры. Вторая — циркуляция умов (brain circulation), когда ученые, поработав за рубежом, возвращаются и обогащают науку страны, откуда уехали. И, наконец, сеть из умов (brain networking¹⁸) — научный обмен без границ, исследовательские сети и трансграничные проекты, которые не зависят от местонахождения исследователя.

Какая модель преобладает сегодня?

Для России XX века академическая миграция в основном была утечкой мозгов: большая часть уехавших ученых никогда не вернулась в Россию. В 2000–2010 гг. научная миграция была возвратной: ученые и преподаватели если и уезжали, то зачастую для того, чтобы, получив престижную степень или опыт

14. URL: <https://freedomdegree.info/>.

15. URL: <http://liberalarts.me/ru>.

16. URL: <https://bit.ly/44kkLus>.

17. URL: <https://academsol.info/declaration/>.

18. URL: <https://academic.oup.com/spp/article-abstract/37/2/135/1619256>.

работы, вернуться в Россию. По данным исследования НИУ ВШЭ, речь о числе от нескольких десятков до чуть более сотни исследователей в год: в 2019 г. в Германии было 110 человек из России, в США это количество преподавателей и исследователей за три года. Показательно, что примерно 70% представляло естественные науки.

Полномасштабная агрессия в Украине изменила ситуацию: возвратная академическая миграция перестала работать в отношении стран-лидеров (США, Германия, Франция), речь снова пошла об утечке умов. Есть основания осторожно предположить, что в некоторых сферах, прежде всего гуманитарного и социального знания, сформировались исследовательские транснациональные сети, которые не очень зависят от местонахождения исследователя.

Правда, очевидная разница тут именно в возможностях разных дисциплин.

Ученый-естественник, который занимается практическими исследованиями, привязан к своей лаборатории так же, как, скажем, историк-архивист к архиву. Переезд, добровольный или вынужденный, вынуждает исследователя отказаться от того материала, проекта или лаборатории, в которой он работал. Конечно, можно переключиться на другой проект, лабораторию или архив. Но предыдущие ваши наработки будут, скорее всего, вам недоступны, как и архивы.

Проекты или исследования, которые не требуют личного присутствия, во многих случаях переформатируются так, чтобы исключить официальные российские институции и по мере возможности сохранить там российских исследователей. Но тут возникает вопрос трудаустройства: как правило, финансирование таких проектов шло или идет через официальные институции. С началом войны и академического бойкота такое финансирование или прекращается, или оно недостаточно для того, чтобы переехать и работать в другой стране. Из-за этого многие уехавшие сохраняют официальную рабочую позицию в России, не афишируя, что работают дистанционно, — и в ряде случаев это у них получается.

Наконец, очевидной сложностью — и выбором — будет язык. Конечно, для тех, кто работал на иностранном, как пра-

вило, английском языке, это не становится проблемой. Мой опыт преподавания за рубежом, а затем в НИУ-ВШЭ на английском очень пригодился мне в момент переезда и начала работы в Карловом университете. Однако язык образования и науки в Европе не только английский: часто для работы нужен немецкий, французский, испанский или итальянский. Особенно этот вопрос тяжел для тех, кто хочет преподавать.

Как решить задачу, поставленную войной

Но основной вопрос, возникающий в связи с переездом большого количества российских ученых, — это не вопрос их карьеры, ее перезапуска или адаптации к сложившимся условиям. Это вопрос о смысле и общих задачах существования российской науки в изгнании.

Занавеса, который отделял уехавших от оставшихся в начале XX в., пока что нет, и, возможно, и не будет. Какие принципы должны лежать в основании возможной коллaborации с учеными, оставшимися в России? Идея «политического теста» (скажем, «я против захватнической войны») невозможна с этической точки зрения: любой подписавший такой документ в России может стать фигурантом уголовного дела. Реальные примеры показывают, что коллaborации возможны, но сопряжены с известными трудностями — это и риски для ученых, которые находятся в России, и возможные ограничения на такого рода сотрудничество для тех, кто работает в европейских институциях.

Одна из задач российской науки в изгнании — ее деколонизация. Но при общем критическом настрое важно и сохранять принципы академической свободы, и защитить академических исследователей от чрезмерных требований политического характера.

В связи с этим возникает проблема сохранения русского языка как языка свободной науки и образования. Очевидно, что в современной России образование и наука свободными не являются. Значит ли это, что русский язык не может функционировать в таком качестве за пределами страны? В ряде стран, например, Центральной Азии, Армении, Грузии, такое вполне

возможно. Но в странах Европы русский язык, как ни парадоксально это звучит, может выступить как инструмент сдерживания внешнеполитической агрессии России. Я говорю о работе с многочисленным в ряде европейских стран русскоязычным сообществом. В этом смысле академические курсы на русском языке, которые можно предлагать различным университетам в качестве дополнительных, могли бы способствовать не только сохранению русского языка как языка науки и высшего образования, но и преодолевать известную политическую лояльность к российской агрессии среди многих русскоязычных групп.

И хотя вопрос истоков и причин российской агрессии важны для исследования и рефлексии, для возможного будущего свободной российской науки и образования нужно удержаться от очевидного соблазна перевести всю исследовательскую и преподавательскую повестку исключительно в это поле. Российская наука и высшее образование даже в таком тяжелом положении способны не только помочь справиться с войной, но и готовить будущие кадры для неизбежного мира. В этом мире перед российскими учеными и преподавателями встанут еще более сложные задачи по излечению и восстановлению нормальной науки и образования в России.

В том пока еще плохо обозримом будущем, где Россия проиграет эту позорную войну и будет приведена за стол переговоров, трудно представить немедленное потепление политического климата и тем более улучшение условий для возвращения ученых и преподавателей, покинувших страну. Думаю, что в случае удачной профессиональной интеграции для большинства вопрос возвращения в страну не встанет. Это означает, что вопрос о будущем российской науки и образования будет в основном решаться теми, кто остался, теми, кто пытается выживать — в личном и профессиональном плане — в тех тяжелых условиях, в которые сейчас поставлена наука и высшее образование в России.

Статья впервые опубликована в издании «Рефорум»: <https://reforum.io/blog/2023/08/09/kak-rossijskaya-nauka-vyzhivaet-i-razvivaetsya-v-izgnanii/>.

DOI: 10.55167/fce125аба355

Что прогнило в датском королевстве?

Андроник Арутюнов

Кандидат физико-математических наук, профессор Свободного университета

Университеты и вообще академическая сфера являются неотъемлемой частью любого современного общества. Так что, стараясь разобраться с глобальными проблемами, с которыми столкнулось российское общество, не будет лишним посмотреть на университеты. Многие процессы, произошедшие в стране, имеют явное отражение в академическом мире и, кажется, могут прояснить траекторию, приведшую нас в нынешнее невеселое положение.

Рискуя разрушить интригу, сразу скажу, что, по моему мнению, в данный момент российская высшая школа как самостоятельный общественный институт не существует. Такая «клиническая смерть» высшей школы является логическим результатом событий последних десятилетий и, не в последнюю очередь, пассивности самого академического сообщества, которое обменяло свою независимость и академические ценности на стабильность и финансовое благополучие оказавшиеся (вот уж сюрприз) мнимыми.

Начало 2000-х годов российская профессура встретила вполне свободным, но достаточно пассивным и раздробленным сообществом. Катастрофическое недофинансирование компенсировалось низким уровнем зарегулированности и большим простором для различных инициатив. Родом из начала 1990-х годов, например, Независимый Университет, — основанный российскими и французскими математиками, открытый к свободному посещению всеми желающими математический колледж. Появились новые учебные специальности. Например, в МФТИ в 2006 году появился один из сильнейших факультетов, специализирующийся на Computer Science. В университеты

начали активно приходить со своими учебными программами крупные коммерческие компании, в том числе и иностранные.

Хронические недофинансирование привело к разным интересным практикам, позволяющим привлекать сильных ученых и специалистов. Например, система, при которой профессора работали один семестр в России, а второй — за рубежом. Очень гибко выстраивалось расписание: например, составляли график, позволяющий преподавателю совмещать преподавание в университете и работу в более доходных местах. Активно работали программы научного обмена и коллaborации с иностранными университетами, причем финансовая сторона дела по большей части находилась на стороне иностранных вузов или внешних фондов. Весьма значимую роль играл, в частности, фонд Сороса.

При этом не появлялось практически никаких низовых инициатив, которые объединяли бы преподавателей в контексте защиты трудовых прав. Единственный действующий независимый профсоюз «Университетская солидарность» появился в 2013 году. Тогда же появился конгресс работников образования и науки (КРОН). Другие инициативы (к примеру, попытки создания профессорских собраний в некоторых университетах или локальные инициативные группы) редко выливались во что-то значимое. Хотя на памятных митингах 2011–2012 годов были знамена и целая колонна, объединившая академических работников. Год спустя, на фоне разгрома РАН, появились и отдельные движения работников академических институтов. В то же время «официальные» (точнее будет сказать — казенные) профсоюзы, номинально объединяющие большинство работников, занимались обслуживанием интересов руководства вузов (Роспрофобр и профсоюзы отраслевых министерств). Относительно разумной деятельностью занимается разве что Профсоюз работников РАН, однако в силу структурных особенностей он сильно замкнут на локальных проблемах и является собой рыхлую структуру.

А что же государство? Начиная с середины 2000-х годов государство стало вливать больше денег в науку и высшую школу. Деньги, правда, преимущественно распределялись «целевым образом» (например, на ремонт или строительство) либо

через гранты. Сложилась простая ситуация: хочешь есть — получай грант. Фактически, на обеспечение своей научной деятельности преподаватель или научный работник должен был искать деньги самостоятельно. И если фонд РФФИ, например, обеспечивал вполне достойный уровень экспертизы, то сменивший его РНФ такой уровень не выдерживал. Да и туманные слухи о распределении грантов «кому надо» циркулируют в академических кругах, кажется, с самого начала появления грантовой системы.

Важно отметить, что гранты в подавляющем большинстве краткосрочные — 2–3 года. В лучшем случае срок гарантированного финансирования составляет 5 лет, да и то, как правило, с достаточно тяжелой процедурой продления на середине срока. Немалое количество лабораторий (автору известны такие случаи в МФТИ и МИФИ) разваливались из-за неполучения «очередного» гранта. При этом нужно понимать, что научные лаборатории в физике и других экспериментальных науках, формируются десятилетиями. Да и процесс покупки дорогостоящего и уникального оборудования несколько отличается от покупки штанов в интернет магазине.

Подчеркну, что при этом практически не росли оклады преподавателей. Скажем, оклады в 7500 рублей для ассистентов, 15 000 для доцентов встречаются и сейчас. Вся остальная зарплата, которая, согласно пресловутым «майским указам», должна составлять двукратную сумму от средней по региону, достигается за счет различных махинаций (например, подсчет зарплаты за основную работу и прибавление к ней заработков по грантам, приписывание к кафедрам вузовского руководства, манипуляции с долями ставки и т. д.) и за счет «стимулирующих выплат», которые начисляются по часто безумным правилам (так называемые «эффективные контракты») и точно находятся под внимательным контролем вузовской администрации.

В то же время из российских вузов были изжиты не только бессрочные трудовые договоры, но даже и долгосрочные контракты. Подавляющее большинство преподавателей проходит конкурс раз в 2–3 года. По сути, подавляющее большинство работников высшей школы и академических институтов — пре-

карии. Ну, а нож конкурсной гильотины регулярно опускался на излишне говорливых преподавателей и ученых. При этом сами конкурсные процедуры (а также другие академические выборы: ректоров, заведующих кафедрами, деканов, ученых советов и т. д.) уплыли от преподавателей в «специальные» комиссии или к тому же ученому совету. Думаю, что немного найдется в России преподавателей, которые вспомнят, когда они голосовали за кого-нибудь из членов ученого совета.

Все это привело к изрядному устареванию и чрезмерному упрощению учебных программ, которые остаются неизменными чуть ли не с 1980-х годов. Например, в преподавании математических дисциплин, полностью игнорируются современные ИТ-технологии. В домашних заданиях есть большое количество задач, которые (что очевидно) студенты выполняют при помощи Wolfram Alpha или аналогичных инструментов. По сути, просто бездумно переписывая выкладки с экрана в тетрадь. Сами по себе такие вычисления не несут никакой особой пользы. Зачем нагружать учебный процесс подобной бутафорией — непонятно. Мотивация в основном сводится к тому, что «отцы наши, прадеды и деды» так учили, а значит и мы будем. Хорошо хоть таблицы Брадиса и логарифмическую линейку из учебного процесса исключили.

Многие необходимые элементы выкинуты из учебных планов как «слишком сложные» (например, тензорное исчисление). Программы разных предметов очень плохо согласованы, совместная методическая работа не ведется. Следует также отметить большое количество предметов, которые читаются «для галочки». Таковы все гуманитарные предметы для точных наук: любые вопросы научной этики, дискуссии о значимости и месте науки фактически табуированы. Отдельная трагедия — преподавание точных наук студентам гуманитарных специальностей, которое по сути наносит студентам тяжелую психологическую травму кошмарно выстроенным учебным процессом.

Можно уверенно говорить, что уже к 2020 году был завершен демонтаж системы академического самоуправления. Выборные процедуры стали максимально управляемыми, процедура конкурсного замещения — фиктивной. Бумажная на-

грузка (всякие учебно-методические программы и комплексы) стала абсолютно безумной. Средств для защиты трудовых прав у преподавателей, в сущности, не осталось. Добавим к этому безумное разрастание административного аппарата. К примеру, в СПбГУ по подсчетам активистов, к 2021 году число различных чиновников превышало число штатных преподавателей.

Постучавшая в академические двери пандемия COVID-19 завершила процесс распада. Год работы в дистанционном режиме, война ваксеров и проваксеров, полная изоляция друг от друга и от студентов привели преподавателей в состояние полностью изолированных друг от друга без какой-либо внятной горизонтальной структуры. В вузах окончательно оформилась по сути феодальная система управления: от барона-ректора к межевым рыцарям-завкафедрами, которые выжимают необходимые подати с пейзан-преподавателей. Ну и министерство можно условно сравнить с папой Римским, который благословляет князей на правление.

Высшая школа и академическая наука как система в России полностью уничтожены. Назвать российские вузы «университетами» язык не повернется. Фактически преподаватели — это просто наемные работники, своего рода аниматоры, которые в течение нескольких лет должны занимать студентов разными активностями, полезность которых подчас весьма сомнительна. Целевая функция вуза — не подготовка специалиста, а институционализированная отсрочка от армии и клуб знакомств с торжественной выдачей диплома.

При этом количество отдельных квалифицированных кадров, сильных направлений и кафедр достаточно велико. Грубо говоря, из набора деталей, на которые рассыпалось здание системы высшего образования и науки — вполне возможно собрать несколько хороших университетов. Однако в нынешних условиях, без пересборки всей системы это едва ли возможно. Основные препятствия были оговорены выше, но повторим их еще раз:

- академическая свобода: выборность, самоуправление;
- нормализация системы конкурса;

- внедрение бессрочных трудовых договоров и других мер социальной защиты;
- обеспечение финансовой независимости от грантов;
- минимизация государственного непрофессионального вмешательства в академические вопросы.

В завершение хочется повторить простую мысль: управлять университетами и наукой должно само академическое сообщество. Надеяться на доброго всеведущего эффективного менеджера — наивно. Никому кроме нас, преподавателей, ученых и студентов, наши университеты не нужны. А значит именно мы и должны взять на себя ответственность за них.

В борьбе обретем мы право свое!

DOI: 10.55167/2a4a8dee2f9e

Профсоюзы и университет в России

Павел Кудюкин

Сопредседатель профсоюза «Университетская солидарность»

Университетское профсоюзное движение в России развито несравненно слабее, чем на Западе: независимые от государства и работодателя организации сотрудников и студентов не просто объединяют меньшинство соответствующих групп, но и действуют в относительно небольшом количестве университетов. Мы не можем, к сожалению, указать ни на что похожее на забастовки, проводившиеся в Великобритании университетским профсоюзом UCU, или на забастовки в университетах США и Канады. И вероятнее всего, не увидим и в ближайшем будущем.

Конечно, если посмотреть на официальную статистику, можно подумать, что первым же абзацем автор хочет ввести вас в заблуждение. В большинстве государственных и муниципальных вузов действуют профсоюзные организации и сотрудников, и студентов. Строго говоря, российский закон о профсоюзах ничего не говорит о возможности членства студентов в профсоюзах, однако по традиции, идущей с советских времен, обучающиеся в организациях высшего и среднего профессионального образования принимаются в профсоюзы. В 501 государственном и муниципальном вузе и их 430 филиалах¹ действуют 643 профорганизации сотрудников и 546 организаций студентов². В негосударственных вузах (216 организаций

1. См. табл. 7.5 и 7.6. в кн.: Индикаторы образования: 2023: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С.190 (данные 2021/22 уч. г.).

Здесь и далее не учтены организации высшего образования, подведомственные «силовым» федеральным органам исполнительной власти, так как открытая статистика по ним отсутствует.

2. Свод данных по государственным и муниципальным вузам за 2022 г. формы государственного статистического наблюдения № ВПО-1 «Сведения об организации, ведущей образовательную

и 109 их филиалов³) действуют 34 профорганизации сотрудников и 14 организаций.

Казалось бы, профсоюзы в таких условиях могут оказывать существенное влияние на ситуацию, но тут следует учесть особенности большинства российских профсоюзов, ведущих свое генезис от профсоюзов советской эпохи, о чём будет сказано дальше.

Немного статистики

Высшее образование в России остается преимущественно государственным по принадлежности организаций. Хотя из более семисот организаций высшего образования 30% являются негосударственными⁴, по численности преподавателей и студентов соотношение совсем иное — более 91% студентов⁵ и почти 90% профессорско-преподавательского состава⁶ учатся и работают в государственных и муниципальных вузах. Однако даже в государственных вузах почти половина (47,8%) студентов учатся на коммерческих местах⁷. Характерно, что в источниках финансовых средств даже государственных образовательных организаций высшего образования бюджетные ассигнования составляют 59,2%, то есть заметно менее двух третей.

При этом государственные и муниципальные вузы (точнее, их руководство) обладают высоким уровнем автономии в том, что касается распоряжения финансовыми средствами, как поступающими из бюджета в форме финансирования государственного задания («подушевое финансирование» образовательной деятельности), так и от оплаты обучения на

деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», раздел 1.1. URL: <http://www.mino.ryauki.ru/action/stat/highed/index.php?phrase.id=7803035> (последнее обращение 01.08.2023).

3. См. табл. 7.5 и 7.6. в кн.: Индикаторы образования 2023.

4. Рассчитано по табл. 7.5 в том же издании.

5. Табл. 6.29: Там же. С.178.

6. Табл. 9.5.1: Там же. С.303.

7. Табл. 6.29: Там же. С.178.

небюджетных местах. Документы Минобрнауки России о направлениях использования средств по нормативам подушевого финансирования носят лишь рекомендательный характер. Руководители вузов и в соответствии с ч. 2 ст. 135 Трудового кодекса Российской Федерации, и с Постановлением Правительства Российской Федерации от 5.08.2008 № 583 имеют по сути дела полную свободу рук в определении систем оплаты труда сотрудников. Она могла бы быть ограничена профсоюзами в коллективно-договорном процессе, но в силу специфики большинства профсоюзных организаций эта возможность не реализуется. Следует добавить, что планируется усиление централизованного регулирования оплаты труда в бюджетной сфере, однако сроки даже пилотного внедрения новых норм уже несколько раз сдвигались.

Почти не меньшей свободой руководители вузов обладают и в таких вопросах, как регулирование трудовой нагрузки и кадровая политика в руководимых ими организациях.

Все это вносит свой вклад в серьезные социальные проблемы для работников, к перечислению и краткой характеристике которых мы и перейдем.

Социальные проблемы работников высшего образования

Обострение социальных проблем работников высшей школы и их новое качество были предопределены рядом документов, принятых с конца нулевых годов.

Первым из них стало уже упомянутое Постановление Правительства Российской Федерации № 583, которым вводилась «новая система оплаты труда» в федеральных учреждениях (на этот документ ориентируются и органы власти субъектов федерации, и органы местного самоуправления). Постановление отменяло действовавшую с 1992 года Единую тарифную сетку (ЕТС) должностных окладов и давало возможность государственным учреждениям самостоятельно определять формы и размеры оплаты труда. Единственным ограничением был запрет устанавливать размеры окладов ниже, чем определенные в ЕТС.

Результатом стало закрепление ситуации, при которой постоянная (гарантированная) часть заработка (оклад и компенсационные выплаты) составляет существенно меньше половины суммарной оплаты труда. Переменная же часть — стимулирующие выплаты, во многих вузах определяемые по непрозрачным или размыто сформулированным критериям, зависит от взаимоотношений с руководителями. Это делает работников, в том числе преподавателей и научных сотрудников, очень зависимыми. Впрочем, «перевернутая» структура заработной платы (в экономике и социологии труда считается, что оптимальное соотношение постоянной и переменной частей заработной платы, обеспечивающее ее воспроизводственную и стимулирующую функции — 70–80% к 30–20%) — порок всей российской экономики.

Важное значение имел постепенный переход от сметного финансирования образовательных организаций из бюджета к финансированию «государственного задания» в форме «подушевого финансирования». Его размеры определяются по довольно сложным формулам для каждого вуза на основе базовых значений, которые увеличиваются целым комплексом коэффициентов. Значительная часть последних обусловлена объективными факторами, но есть и довольно спорные. Важно иметь в виду, что по госзаданию финансируются именно бюджетные места, количество которых по конкретным направлениям подготовки и конкретным образовательным организациям определяются Минобрнауки России в результате сложного и непрозрачного бюрократического торга с участием самих вузов, ведомств, которым они подчинены, и региональных властей. Все эти обстоятельства выступают факторами дифференциации вузов.

Принятый в 2012 г. федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» декларировал много правильных принципов, говоря об автономии образовательных организаций, академической свободе, участии работников и обучающихся в управлении и т.д. Однако он же нанес тяжелый удар по автономии и самоуправлению вузов ч. 1 ст. 25, которая на первый взгляд выглядит вполне невинной бланкетной нормой: «Образовательная организация действует на основании устава,

утвержденного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Но по сути, отсылая к ч. 1 ст. 52 Гражданского кодекса Российской Федерации, гласящей, что уставы юридических лиц утверждаются их учредителями, эта норма отменила существовавший в большинстве вузов порядок принятия уставов конференциями работников и обучающихся. Многие органы власти и на федеральном, и на субфедеральном уровне, выступающие в роли учредителей, стали использовать эту норму, чтобы ограничить выборность ректоров. Например Минсельхоз России ликвидировал ее во всех 43 подведомственных вузах. Во многих вузах, подведомственных Минобрнауки России, выборы ректоров конференциями были заменены выборами учеными советами с последующим утверждением министерством. Естественно, такое положение окончательно выхолостило и без того формальное во многих случаях самоуправление.

Парадоксальным образом положение работников высшего образования пострадало и от так называемых «Майских указов», подписанных президентом в мае 2012 года сразу после инаугурации на третий срок. Применительно к высшей школе указы декларировали необходимость довести к 2018 году уровень средней заработной платы профессорско-преподавательского состава до двойного размера оплаты труда в экономике соответствующего региона. Однако выделявшихся на повышение оплаты труда бюджетных средств было недостаточно и вузы были ориентированы на максимальное использование «внутренних резервов», что привело к сокращению преподавателей, повышению неустойчивости их занятости и увеличению нагрузки на оставшихся. Кроме того, поскольку в указах речь шла только о ППС, их реализация привела к увеличению необоснованного разрыва в размере оплаты труда между штатными ППС и другими категориями работающих в вузах: учебно-методическими, учебно-вспомогательными и научно-вспомогательными работниками, инженерами и т. п., а также преподавателями, работающими по гражданско-правовым договорам («почасовиками»).

В том же направлении сокращений преподавателей сработала и Дорожная карта «Изменения в отраслях социальной

сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 2620-р (новая версия была утверждена Распоряжением от 30 апреля 2014 г. № 722-р). Карта ставила задачу увеличить количество студентов, приходящихся на одного преподавателя, до 12, что означало сокращение численности преподавательских ставок к концу 2018 года более чем на 40%.

Наконец, Программа «5 — 100», поставившая амбициозную (и не выполненную в конце концов) задачу вывести пять ведущих российских университетов в первую сотню международных рейтингов, привела к настоящей сегрегации вузов. Благим намерением была идея, что отобранные на конкурсе (российском, разумеется, со всеми свойственными нам особенностями, прежде всего влиянием коррупционных связей) и получившие по программе дополнительное финансирование университеты станут драйверами развития высшего образования. В реальности же они стали насосами, выкачивающими кадры из более слабых, прежде всего региональных, вузов, делая их еще более слабыми. Вообще установка на развитие «элитного» образования не учитывала, что оно может быть эффективным, лишь опираясь на достаточно качественное массовое образование. Получился же как раз подрыв этой базы.

Каковы же социальные проблемы работников высшей школы, с которыми приходится иметь дело профсоюзам?

Прежде всего это **неустойчивая занятость**. До принятия Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 15 июля 2022 г. № 32-П по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова и внесения соответствующих поправок в Трудовой кодекс по состоянию на 2017 год порядка 45% ППС (не считая «почасовиков», по численности которых данных вообще нет) работали по договорам до двух лет⁸, по оценке примерно с 30%

8. Анализ практики решения индивидуальных трудовых споров с работниками, занимающими должности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу:

договоры заключались на год и менее. Краткосрочные трудовые договоры делают положение преподавателей крайне уязвимым, затрудняют планирование карьеры и научной работы, делая их зависимыми от расположения и настроений руководства. Редко встречающейся в российской высшей школе экзотикой являются договоры на неопределенный срок (бессрочные), хотя Трудовой кодекс рассматривает именно их как основной тип трудового договора. Манипулируемый характер конкурсов на замещение должностей ППС и зависимый от ректоров состав ученых советов еще более усугубляет проблему.

Реализация упомянутой выше Дорожной карты и «Майских указов» привела к **сокращению ставок** не только ППС, но и учебно-методических и учебно-вспомогательных работников, обязанности которых в виде дополнительной нагрузки перекладывались на преподавателей. Сокращения чаще всего происходили в «гуманной» форме: преподавателям предлагалось переходить на часть ставки, причем обещалось сохранение прежнего размера заработной платы (что выступало и одним из способов успешно отчитываться о выполнении заданий по ее повышению). Однако на практике преподаватели на части ставки вынуждены были работать столько же или даже больше, чем находясь на полной.

Это было связано с **манипулированием нормами времени** на выполнение разных видов работ. В соответствии с Приказом Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601 предельный объем учебной нагрузки установлен в размере 900 часов на ставку в год и должен дифференцироваться в зависимости от должности. Сразу заметим, что эта норма уже ставит преподавателей высшей школы в дискриминируемое положение по сравнению с педагогическими работниками общего и среднего профессионального образования, у которых нагрузка на ставку ниже. Эти нормы так же существенно выше, чем во многих зарубежных университетах. Дифференциация нагрузки нередко принимает издевательски-формальный характер, когда шаг изменений между должностями составляет 5-10 часов.

Аналитический отчет по результатам выполнения научно-исследовательской работы. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 31.

В России нет хотя бы рекомендательных общих норм времени на разные виды работы преподавателя — их установление отдано на откуп работодателю. Общей тенденцией является сокращение норм времени на работы за пределами лекций и семинарских занятий (консультации, проверка письменных работ, руководство подготовкой курсовых работ и ВКР, прием зачетов и экзаменов и т.д.). Во многих вузах время на часть этих работ вообще не предусматривается, хотя выполнять их необходимо.

Результат всего перечисленного — **рост фактической учебной нагрузки**, некомпенсируемый адекватным повышением оплаты. В дополнение во многих вузах преподавателей еще вынуждают дополнительно брать занятия с почасовой оплатой, чаще всего более низкой, чем оплата часа на штатной должности.

Сюда же стоит добавить **неритмичность трудовой нагрузки** и возможность назначать занятия по расписанию без учета физиологических ограничений. По закону продолжительность рабочей недели педагогического работника составляет 36 часов (на четыре часа меньше стандартной рабочей недели). И преподавателю вполне могут составить расписание таким образом, что он все 36 часов будет вести аудиторные занятия (в профессиональном жаргоне это называется «горловой нагрузкой»). Опять же заметим, что в общем образовании при работе на ставку учитель должен проводить на уроках 18 часов. Более того, нет нормативных ограничений на продолжительность рабочего дня — то есть вполне возможна ситуация, когда преподавателю поставят, например, 12 часов занятий в день без обеденного перерыва (на практике такое, к счастью, случается редко). Вполне реальная ситуация, когда вся годовая нагрузка или большая ее часть назначается на один семестр.

В условиях перегруженности учебной работой преподавателям еще предъявляют и **нереалистичные требования к публикационной активности**, увязывая с ней и размер стимулирующих выплат (которые, как было сказано раньше, могут доходить до 70–80 % суммарного заработка). Поскольку требования порой бывают совершенно невыполнимыми, типа обязательных регулярных публикаций в журналах Scopus

и WoS высших квартилей, это опять же повышает зависимость преподавателя, делая его вечно виноватым перед начальством и благодарным, что оно закрывает глаза на невыполненные (и невыполнимые) требования.

Перегруженность учебной работой и завышенные требования к публикационной активности дополняются необходимостью выполнять **избыточные и в общем-то ненужные бюрократические требования** по оформлению связанных с учебным процессом документов. В российских вузах от преподавателя требуют написания чрезвычайно детализированных «учебно-методических комплексов» (УМК): подробная программа дисциплины с описанием по каждому занятию, какие «компетенции» (сформулированные совершенно безумным образом) на нем осваиваются и какие методические приемы применяются. К этому можно отнести как к формальности, но если на ваше занятие придут проверяющие и им покажется, что вы ведете его не в соответствии с тем, что написано в программе, к вам, не исключено, предъявят претензии и лишат премии. Требования к оформлению УМК постоянно изменяются и их приходится переписывать. Редкий университет находит возможность нанять специальных работников, которые выполняют эту бумажную работу, и она ложится на плечи преподавателей. В периоды проведения аттестации вузов и аккредитации образовательных программ приходится в пожарном порядке готовить центнеры (а в крупных университетах — тонны), и это не преувеличение, бумаг. Самое интересное, что требования определены не законами и даже не ведомственными нормативными правовыми актами, а внутренними инструкциями Рособрнадзора.

Рост нагрузки в сочетании с расширением неполной занятости усиливает **неадекватность оплаты труда** затрачиваемым усилиям. Вузы более или менее успешно отчитываются о достижении и превышении заданий, поставленных «Майскими указами». По официальным данным средняя заработная плата ППС в 2021 г. составила 101 232 руб., или 220,4% от средней заработной платы наемных работников в экономике⁹. Но

9. См. табл. 9.9.4 в кн.: Индикаторы образования: 2023. С.335.

есть нюанс... И не один. В значительной мере эта цифра — статистический артефакт. Руководство вузов научилось неплохо использовать методику Росстата по заполнению формы государственного статистического наблюдения № 3П-образование и исчислению средней заработной платы ППС¹⁰. Второй момент связан с чрезвычайно высокой дифференциацией размера зарплат в вузах. Не случайно типичной ситуацией является такая: на конференции работников и обучающихся или просто на встрече с сотрудниками ректор, рассказывая об успехах, называет и цифру средней зарплаты ППС; немедленно по залу прокатывается шорох: «Покажите, покажите нам такого доцента! Где он?» (как правило упоминается доцент, поскольку именно доценты получают заработную плату, близкую к реальной, а не нарисованной средней).

Ускоренными темпами идет **свертывание университетского самоуправления**. Оно и раньше было во многом формальным, в том числе из-за общественной пассивности работников, студентов и аспирантов, но сейчас резко сокращается сфера выборности руководителей. «Вертикаль власти» прорастает внутрь организаций. Про ситуацию с выборами ректоров уже было выше сказано, но проблема есть и на уровне руководителей подразделений. По закону деканы факультетов и заведующие кафедрами должны избираться коллективами. Однако во все большем числе вузов факультеты реорганизуются или просто переименовываются в институты, школы или департаменты, про руководителей которых в законе ничего не сказано. Аналогичная история происходит и с кафедрами. Другой способ обойти требование выборности — назначение исполняющих обязанности с возможностью продления этого «временного» статуса. Здесь руководство вуза получает двойную выгоду — не только устраняются «риски» выборов, но и «подвешенное» положение руководителя делает его гораздо более послушным и управляемым.

10. Приложение № 1 к Приказу Федеральной службы государственной статистики от 20.12.2017 № 846. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/subblock/subblock_document/2018-08/20/07_pr-846.pdf (последнее обращение 1.08.2023).

Формально высшим коллегиальным органом управления в организации высшего образования является конференция работающих и обучающихся, а между конференциями — ученый совет. Но и тут есть свои тонкости. Выборы на конференцию нередко вообще не проводятся — руководитель просто указывает: «На конференцию пойдут Иванов, Петров и Сидоров». Увы, это не вызывает протеста у сотрудников. Мало этого — до трети делегатов конференции могут составлять члены ученого совета. То есть формально избираемый конференцией орган сам определяет сроки проведения конференции, нормы представительства и порядок выборов, а потом сам же участвует в голосовании за свое переизбрание. При этом в составе ученых советов преобладают вовсе не ученые, как следовало бы предположить по их названию, а администраторы, составляющие в разных вузах от 40 до 60 % состава. Значительная их часть вовсе не избирается, а занимает места в ученом совете по должности. И добро бы это были бы проректоры по науке или по образовательной деятельности, в ученый совет вполне могут входить и проректоры по безопасности и административно-хозяйственной работе, и финансовый директор или директор по персоналу. Сотрудники, функцией которых должно быть обслуживание коллектива преподавателей, исследователей и обучающихся, становятся их хозяевами.

Относительно новое явление, развивающееся после 2014 года, и находящееся в общем русле укрепления авторитарных и отчасти даже тоталитарных характеристик режима — **свертывание академической свободы**, нарастающий идеологический диктат и контроль. Под прикрытием лозунга «образование вне политики» чрезвычайно широко трактуются ограничения на общественно-политическую активность в образовательных организациях, содержащиеся в законе «Об образовании в Российской Федерации». На практике это означает ограничение свободы независимых и критических высказывания не только в стенах вузов, но даже за их пределами. При этом провластная политика не только допускается, но и поощряется. Активно осуществляются милитаризация и клерикализация как образовательного процесса, так и вузовской общественной жизни. Создаются и внедряются антинаучные идеологизиро-

ванные учебные дисциплины, как на уровне федеральной политики, так и в отдельных вузах, начинает контролироваться содержание курсов по обычным гуманитарным и обществоведческим дисциплинам. «Неправильные» с точки зрения власти или «рискованные» с точки зрения вузовских администраторов учебные программы и целые направления закрываются, а неугодных преподавателей по разным основаниям увольняют или отстраняют от преподавания.

Общим фоном социальных проблем и фактором, затрудняющим их решение, является общественная **пассивность** большинства работников высшей школы и обучающихся и их нарастающая **атомизация**.

Все перечисленные проблемы не просто превращают сотрудников вузов в одну из самых угнетаемых и прекаризованных групп занятых, но и влекут за собой падение качества высшего образования. Это, естественно, беспокоит социально ответственных работников высшего образования не меньше, чем их бедственное положение.

Ведомственная структура высшего образования в России и «казенные профсоюзы»

Чтобы понять, почему многочисленные социальные проблемы высшей школы практически не встречают действенного отклика со стороны действующих в вузах профсоюзов, формально объединяющих во многих из них большинство работников, следует разобраться в их природе. Это первичные организации разных отраслевых профсоюзов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов России. Это профсоюзное объединение в 1990 году отпочковалось от действовавшего в СССР профцентра — ВЦСПС и во многом продолжают сохранять родовые черты советских профсоюзов.

Определение этих организаций как «казенных» связано с тем, что на практике, несмотря на слово «независимые» в названии профобъединения, они в массе своей продолжают оставаться зависимыми и от работодателей, и от чиновников.

В советские годы профсоюзные организации включали в свой состав всех, за малыми исключениями, работников —

условно говоря, от уборщицы до министра. То есть были вертикально-корпоративными структурами, функционально схожими с национальными фашистскими корпорациями в Италии при Б. Муссолини или вертикальными синдикатами во франкистской Испании — были, говоря словами В. Ленина, «приводными ремнями от партии к массам», решали задачи социального контроля над работниками и выполняли некоторые социальные функции (аналогичные программе *Kraft durch Freude* в нацистской Германии). «Вертикально-корпоративные» черты сохранились и в постсоветский период, особенно в первичных организациях — например, первичные организации во многих вузах возглавляют сотрудники, по своим должностным обязанностям защищающие и представляющие интересы работодателя: сотрудники кадровой службы, бухгалтерии, даже проректоры.

При этом профсоюзы системы ФНПР на всех уровнях придерживаются весьма специфичной концепции «социального партнерства». Оно понимается вовсе не как средство **конфликтного** поиска взаимоприемлемых компромиссов между противоположными социальными интересами, не исключающего силового давления на «партнера», например, в форме забастовок (или, если вспомнить высказывание бывшего лидера австрийских социал-демократов и многолетнего канцлера Австрийской Республики Б. Крайского, «форму классовой борьбы в современных условиях»). И профсоюзная бюрократия ФНПР, и государственные чиновники, и работодатели рассматривают его как подчинение интересов работников «общим» интересам с возможностью для работников иногда получать не слишком значительные уступки в социальной и экономической сфере.

Еще один структурный момент, влияющий на деятельность «казенных» профсоюзов в сфере высшего образования — характер «отраслевых» профсоюзов. Формально они похожи на то, что в мировой профсоюзной практике называется «производственными профсоюзами» (industrial unions), то есть объединениями работников разных профессий и специальностей определенных отраслей, что противопоставляется «цеховым профсоюзам» (trade unions), объединяющим работников одной профессии или группы родственных профессий. Однако тут

надо понимать, что советская «отрасль» была скорее административным понятием — любые предприятия и организации, подчиненные определенному министерству. А под эгидой, например, промышленного министерства существовали не только промышленные предприятия соответствующего профиля, но и научно-исследовательные институты, конструкторские бюро, образовательные организации, лечебно-профилактические и санаторно-курортные учреждения, подсобные сельские хозяйства.

Соответственно и «отраслевые» профсоюзы корректнее было бы называть «ведомственными», объединяющими работников всех организаций, подчиненных министерству или нескольким родственным министерствам. Эта инерция сохранилась и сейчас, в том числе и у профсоюзов, действующих в организациях высшего образования.

Тут нам придется немного отвлечься от профсоюзов и посмотреть, как устроено управление высшим образованием на государственном уровне. Общую политику в сфере науки и высшего образования разрабатывает Министерство науки и высшего образования России. Оно же принимает нормативные правовые акты, регулирующие деятельность **всех** организаций высшего образования независимо от форм собственности, организационно-правовых форм и подчиненности. Но функции учредителей от имени Российской Федерации для вузов федеральной подчиненности или от имени субъектов Федерации или муниципальных образований для вузов соответствующего уровня выполняют **разные ведомства**. Соответственно и «отраслевые» профсоюзы в разных ведомствах действуют разные. Ведомство, выступающее учредителем, выполняет в отношении подведомственной образовательной организации следующие функции: утверждает устав вуза, проводит кадровую политику в отношении руководителей, участвует в определении государственного задания по обучению на бюджетных местах и на научные исследования, является главным распорядителем бюджетных средств.

Вот как выглядит структура российского высшего образования по формам собственности и ведомственной подчиненности (табл. 1).

Таблица I

Ведомственная подчиненность организаций, осуществляющих программы высшего образования (2022)

	Кол.во организаций	из них ОВО
Всего (без силовых министерств и ведомств)	722	711
Государственные	500	489
В ведении федеральных органов власти — всего	458	448
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации	233	226
Министерство культуры Российской Федерации (и Российская академия художеств)	47	47
Министерство здравоохранения Российской Федерации	43	43
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации	33	33
Министерство просвещения Российской Федерации	33	33
Министерство спорта Российской Федерации	14	14
Правительство Российской Федерации	8	6
Федеральное агентство железнодорожного транспорта	8	8
Федеральное агентство морского и речного транспорта	5	5
Федеральное агентство по рыболовству	5	5
Федеральное агентство воздушного транспорта	3	3
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации	4	4
Министерство иностранных дел Российской Федерации	2	2
Министерство транспорта Российской Федерации	1	1
Министерство экономического развития Российской Федерации	1	—

	Кол.во организаций	из них ОВО
Министерство юстиции Российской Федерации	1	1
Федеральная служба по интеллектуальной собственности	1	—
Федеральная таможенная служба	1	1
Верховный суд Российской Федерации	1	1
В ведении субъектов РФ и муниципалитетов — всего	42	41
Частные организации	222	222

Источник: Статистика организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) (ВПО-1, Россия, 2022) // Свод данных...

Для большей наглядности ведомственная принадлежность государственных вузов федеральной подчиненности представлена в диаграмме (рис. 1)

Ведомственная принадлежность государственных вузов федерального подчинения

Как мы видим, вузы, где учредителями выступают федеральные органы власти, находятся в ведении восемнадцати из них, причем девять из них имеют менее чем по пять вузов в подчинении. Как правило, профсоюзная организация, действующая в вузе, принадлежит к соответствующему «отраслевому» (ведомственному) профсоюзу: работников культуры, здравоохранения, агропромышленного комплекса и т. д. Интересным исключением является система Минспорта России, где в разных университетах и академиях существуют организации как минимум трех профсоюзов. Помимо ожидаемого Общероссийского профсоюза работников физической культуры, спорта и туризма России, в них есть первичные организации Общероссийского профсоюза работников образования и науки (Роспрофобр) и Общероссийского профсоюза работников культуры. То есть профсоюза, который представлял бы интересы работ-

Рис. 1

ников высшего образования в целом, просто нет. Наиболее мас-сово представленный в сфере высшего образования Роспрофобр действует в основном в образовательных организациях, подведомственных Минобрнауки России и Минпросвещения России (57,8% российских вузов федерального подчинения), отдельные организации есть и в вузах иной ведомственной подчиненности.

Почему ведомственная принадлежность вузов и их профсоюзных организаций имеет значение? Это связано с особенностями коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, где особую роль играют отраслевые соглашения, предусмотренные которыми условия редко получается расширить на уровне первичных организаций. В бюджетных отраслях представителем работодателя в большинстве случаев выступает соответствующее ведомство, во внебюджетных — объединения работодателей там, где они есть. При этом соглашение распространяется только на организации, подведомственные соответствующему госоргану или входящие в сектор экономики, где действует объединение работодателей. Роспрофобр заключает отраслевые соглашения с Минобрнауки

России и Минпросвещения России, которые распространяются только на организации, подведомственные этим двум министерствам. В других отраслевых соглашениях специфические интересы работников высшей школы просто не учитываются.

Но мало заключить соглашение — надо еще добиться его исполнения представителем работодателя. Вот иллюстрация, как с этим обстоит дело. В отраслевых соглашениях между Роспрофбром и Минобрнауки уже четыре трехлетних срока содержится обязательство министерства совместно с профсоюзом разработать типовые рекомендательные нормы времени на различные виды работ (в предыдущем разделе рассказано, какое это имеет значение для преподавателей). Норм нет и по сей день.

Новые профсоюзы, их проблемы и задачи

При тяжести социальных проблем, с которыми сталкиваются вузовские работники, они проявляли на удивление слабое стремление к самоорганизации для защиты своих прав и отстаивания своих интересов. В девяностых и нулевых годах было несколько единичных попыток создания либо преподавательских профсоюзов в отдельных вузах (например, профсоюз «Универсант» в Санкт-Петербургском государственном университете), либо местных профсоюзов, объединявших как вузовских, так и школьных педагогов (такой профсоюз некоторое время существовал в Архангельске). Просуществовав несколько лет, они погибали в неравной борьбе с работодателем.

Более устойчивым оказался существующий уже десять лет (был учрежден 27 апреля 2013 года) Межрегиональный профсоюз работников высшей школы «Университетская солидарность». Его истоки восходят к общественному подъему 2011–2012 годов, когда представители нескольких университетов Москвы объединились в инициативную группу по созданию Ассоциации преподавателей высшей школы. Участники группы принимали активное участие в научно-образовательной колонне в ходе массовых шествий того периода и в нескольких специализированных митингах по проблемам образования и науки. В рамках инициативной группы и зародилась идея

создать университетский профсоюз. Толчком стало интервью тогдашнего министра образования и науки России Д.В. Ливанова, данное 17 ноября 2012 года Первому каналу российского телевидения, где он очень оскорбительно отзывался о преподавателях высшей школы, в частности, назвав преподавателей, получающих менее 30 тыс. рублей (а в тот период это было подавляющее большинство вузовских преподавателей) «преподавателями невысокого уровня». Ответом стало написанное К. Н. Морозовым и автором этой статьи «Открытое письмо несуществующему сообществу преподавателей высшей школы», опубликованное на информационно-политическом портале Полит.ру¹¹. В письме был сформулирован список требований, который в дальнейшем лег в основу деятельности Профсоюза. Письмо быстро собрало более тысячи подписей преподавателей из разных регионов страны и это дало базу контактов, с которой началось формирование профсоюза. Инициатива была поддержанна руководством основного объединения новых, созданных снизу, профсоюзов — Конфедерации труда России. Символично, что деньги на проведение учредительной конференции выделили членские организации Конфедерации — Российский профсоюз моряков и Межрегиональный профсоюз работников автомобилестроения. Это был сильный жест профсоюзной солидарности. Сразу стоит сказать, что присоединение к Конфедерации труда России, возможность опереться на ее и ее членских организаций поддержку стало одним из факторов устойчивости профсоюза. Другим фактором стала ориентация на горизонтальное объединение первичных организаций в вузах и на территориях как сети взаимной поддержки при минимуме иерархии и бюрократии.

В ходе подготовки к учредительной конференции обсуждались несколько принципиальных вопросов:

- создавать отдельный профсоюз или присоединиться к уже существующему профсоюзу работников образования «Учитель»?

11. «Главными фигурами в высшей школе должны быть преподаватель и студент». URL: <https://polit.ru/article/2012/11/26/letter/> (последнее обращение 1.08.2023).

- какие категории работников могут быть членами профсоюза и должен ли он включать в свой состав студентов?
- должен ли профсоюз быть «чисто-экономической» организацией или должен ставить и политические вопросы?
- как гарантировать профсоюз от бюрократизации?

Было признано, что при схожести многих проблем, стоящих перед работниками всех уровней образования, у них все же есть существенная специфика, которую будет трудно учесть в рамках единой организации. Но в перспективе надо стремиться к созданию федерации профсоюзов бюджетных секторов (почти в те же месяцы был создан и межрегиональный, ставший затем общероссийским, профсоюз работников здравоохранения «Действие»). «Учитель» и «Действие» стали ближайшими партнерами «Университетской солидарности».

Участники обсуждений согласились, что членами профсоюза должны быть сотрудники, непосредственно участвующие в образовательном процессе и научных исследованиях, то есть преподаватели независимо от формы юридического оформления их занятости, научные работники, учебно-методические, учебно-вспомогательные и научно-вспомогательные сотрудники. Высшим должностным уровнем сотрудников, допускаемых в Профсоюз, может быть заведующий кафедрой и руководители других подразделений аналогичного уровня с особым порядком приема (поскольку все мы прекрасно знаем, что есть руководители низшего звена, послушно исполняющие волю руководства, порой даже с усугублением, а есть руководители, прикрывающие своих коллег от административного давления). По поводу студентов споры были более острыми. Но в конце концов согласились, что не надо давать повода для обвинений, что мы используем свое положение для вовлечения студентов в профсоюз. Кроме того, организационная работа со студентами имеет свою специфику (об этом чуть дальше) из-за текучести контингента и только становящаяся на ноги организация может с такой работой не справиться. Вместе с тем мы открыты сотрудничеству с возникающими студенческими организациями и инициативами и в меру сил помогаем им.

В принятой на учредительной конференции Декларации было заявлено: «Межрегиональный профессиональный союз работников высшей школы „Университетская солидарность“ выступает за солидарные действия с работниками других отраслей экономики и поэтому присоединяется к Общероссийскому объединению профсоюзов „Конфедерация труда России“. Особое внимание мы уделяем развитию взаимодействия с другими профсоюзами социальных отраслей (образование, здравоохранение, культура). Мы рассматриваем себя как часть международного движения трудящихся за социальные права и политические свободы, за достойную жизнь»¹². Мы убеждены, что работая в социально значимой отрасли, мы не можем избегать политических вопросов, а базовые свободы являются для лиц интеллектуального труда не только политической, но и профессиональной потребностью и потому должны находиться в сфере действий профсоюза. Профсоюз «Университетская солидарность» создавался и как продолжение традиции профессионально-политических союзов периода Российской революции 1905–1907 гг.

Организационная структура профсоюза строилась в основном как горизонтальная сеть. Мы не торопились создавать промежуточные между первичными организациями и центральными органами территориальные структуры, пока в них не появится реальная необходимость с ростом числа первичных организаций. Центральные органы являются не столько руководящими, сколько координирующими и не вмешиваются без крайней необходимости во внутренние дела первичных организаций. Большинство в центральных органах составляют представители первичных организаций, которые могут быть заменены первичной организацией в любой момент. Мы понимаем при этом, что с ростом организации эти принципы будут реализовываться сложнее.

В настоящее время первичные организации Профсоюза действуют в шести субъектах Федерации (Москва, Московская обл., Санкт-Петербург, Екатеринбург, Ханты-Мансийский ав-

12. Бюллетень школы трудовой демократии имени Г. Я. Ракитской. № 44. М., 2017.

тономный округ (Югра), Бурятия). Открытая агрессия России в Украине 24 февраля 2022 г. осложнила ситуацию Профсоюза. Мы потеряли часть наших членов в связи с двумя волнами эмиграции — в марте и после сентября 2022 г.¹³

Задачи профсоюза «Университетская солидарность» определяются теми проблемами, которые были перечислены в предыдущей части статьи. Постоянный рабочий лозунг, с которым члены профсоюза выходили на уличные акции и проводили мероприятия для работников высшего образования, состоит из трех частей: «Разумная нагрузка! Достойная оплата! Нет сокращениям!» Каждый из них разворачивается в конкретные требования.

Профсоюз выдвинул требование сокращения учебной нагрузки в форме лозунга «540/180». 540 — это, по мнению профсоюза, максимально допустимый объем учебной нагрузки. Это примерно третья годового фонда рабочего времени, и такая нагрузка позволит реально совмещать преподавание с исследовательской работой. 180 — максимальный объем «горловой» нагрузки, чтения лекций и ведения семинаров. Соответственно 360 часов должны использоваться для индивидуальной работы со студентами, руководства их работами, проверки письменных работ и т. д. Это позволит избегать профессионального выгорания и повысить качество преподавания. Мы так же выступаем за практическую реализацию нормы закона о праве преподавателя на годичный отпуск после 10 лет работы, настаивая, что он должен оплачиваться работодателем.

В том, что касается оплаты труда, мы выступаем за пересмотр ее структуры, считая, что не менее 70% фонда оплаты труда должны расходоваться на оплату должностных окладов. Должны быть ограничены размеры заработной платы руководителей — они должны привязываться к медианному размеру заработной платы в вузе (медиана — более информативный

13. Подробнее с историей профсоюза до начала пандемии COVID-19 можно ознакомиться по книге канадского исследователя Д. Манделея: «Оптимизация» высшего образования в России: преподаватели университетов и их классовый профсоюза «Университетская солидарность». М.: Школа трудовой демократии имени Г. Я. Ракитской, 2020.

показатель, чем средняя зарплата, и мы настаиваем, чтобы данные о медианной зарплате регулярно публиковались). Недопустима порочная практика объявления размеров зарплаты коммерческой тайной — должны регулярно публиковаться данные об оплате труда по основным должностным группам.

Мы отстаиваем приоритет трудовых договоров на неопределенный срок и считаем, что после повторного прохождения конкурса на должность с преподавателем должен заключаться именно такой договор. Следующие конкурсы могут проводиться только если преподаватель претендует на иную должность.

В августе 2022 года профсоюз выработал программу радикальной реформы высшего образования, направленную на его демократизацию, декоммерциализацию и дебюрократизацию с повышением социальных гарантий для работников. Программа состоит из трех частей: «Университет и государство», «Управление университетом», «Социальные и правовые гарантии для работников».

В обстановке после 22 февраля 2022 г. перед Профсоюзом появились новые задачи. Мы защищаем и поддерживаем наших коллег, увольняемых за их общественно-политическую позицию, объявляемых «иностранными агентами» и подвергаемых иным репрессиям. После сентября 2022 г. мы совместно с дружественными юристами провели два стрима, как вести себя в условиях «частичной мобилизации», чтобы избежать ее рисков. «Университетская солидарность» — одна из общественных организаций, открыто заявивших о критическом отношении к так называемой «специальной военной операции» и призывавшая преподавателей и студентов не идти на «неправедную войну».

Необходимо также упомянуть об инициативах по созданию студенческих профсоюзов. Опыт создания и существования таких организаций, как «Community», «Молодежь Москвы» (оба в Москве), «Дискурс» (межрегиональный), «12 февраля» (Санкт-Петербургский государственный университет, но с планами распространить деятельность и на другие вузы Санкт-Петербурга) продемонстрировал несколько проблем. В студенческих профсоюзах очень сложно обеспечить устой-

чивость существования и преемственность деятельности. Они создаются чаще всего студентами второго-третьего курсов и существуют, пока те не закончат обучение. До сих пор работа по привлечению «смены» из младшекурсников не удавалась. Вторая проблема — слишком тесная связь с теми или иными политическими партиями (у «Дискурса» это КПРФ) или левыми группами, которая снижает привлекательность профсоюза и грозит расколами (для левых групп склонность к расколам — эндемическое явление).

Очевидно, что перспективы развития независимых профсоюзов в российской высшей школе зависят от развития общей политической ситуации. Пока что несоразмерно большие усилия уходят просто на выживание. Но при изменении ситуации к лучшему появятся шансы на выход из того гетто, где профсоюзы существуют сейчас и даже на их быстрый рост. Но в любом случае остается актуальным девиз Профсоюза «Университетская солидарность» — «В борьбе обретем право свое!»

DOI: [10.55167/102d3d9ec14d](https://doi.org/10.55167/102d3d9ec14d)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В идеале наука — это коллективная практика, направленная на истинное универсально-доказуемое познание. Но в реальности, научные исследования ведут живые люди, делящиеся на поколения, дисциплинарные школы, национальные группы и т. п. Идеальное научное сообщество и реальные научные сообщества разнятся в том, что у последних научные выводы претендуют лишь на временную истинность, и она почти наверняка — через пять или сто лет — будет опровергнута как ошибочная. Исторические дисциплинарные и социальные контексты влияют на научные выводы и на способы ведения дискуссий и достижения временных консенсусов об истинности тех или иных положений. Наш круглый стол «Историческая наука и психологический кризис», состоявшийся онлайн 1 июня 2023 года, касался обоих контуров работы российских историков — социального и дисциплинарного. Докладчиками были Леонид Гозман и Евгений Крякин, профессора Свободного университета.

Леонид Гозман говорил о социально-психологических аспектах сегодняшней России и политических настроениях населения. Леонид определил российское «общественное мнение» — или то, что вместо него существует во фрагментированном, авторитатически управляемом обществе — как «ожесточение и безнадежность».

Евгений Крякин сфокусировал внимание на «затухание» свободных дискуссий в исторической науке сегодняшней России. Водоразделом в «духе и букве» исторической науки стало российское вторжение в Украину. Последние заметные пространства свободы научного поиска ушли в прошлое, а возникшие условия для ведения исторических исследований провоцируют отезды ученых зарубеж или уход во внутреннюю эмиграцию.

Круглый стол прошел онлайн, в открытом доступе, но его видеозапись не была выставлена по соображениям безопасности. И этот факт также многое говорит о нашем времени и условиях ведения научной работы.

Михаил Минаков

Психологическое состояние современной России

Леонид Гозман

Кандидат психологических наук, профессор Свободного университета

Меня попросили рассказать, а потом и написать о психологическом состоянии современной России.

На первый взгляд кажется, что здесь все ясно. Z-публика в восторге и недовольна только недостаточной, по их мнению, жесткостью и решительностью руководства России, либералы — в ужасе и депрессии. 125% населения поддерживают Путина, 140% из них поддерживают войну. Опросы общественного мнения подтверждают стабильность настроений и не дают никаких надежд (а для кого-то — опасений), что ситуация может измениться. На уровень поддержки не влияют ни мобилизация, ни провалы на фронте, ни ставшие уже привычными обстрелы Москвы и других городов. Разоблачения коррупции тоже не влияют.

Многие из тех, кому не нравятся эти цифры, говорят, что нельзя верить опросам общественного мнения — люди, мол, боятся отвечать, и вообще, этот инструмент не работает в условиях авторитарного режима. К сожалению, не могу с этим согласиться, хотя мне цифры тоже не нравятся. Всем российским социологам я бы верить не стал — среди них есть те, кто обслуживает Кремль и «рисует» то, что нужно заказчику, но есть и высокопрофессиональные и ответственные люди — прежде всего, коллектив Левада-центра, которые вполне понимают специфику исследования в рамках существующей в стране диктатуры и работают надежно. Недоверие к их результатам необоснованно.

Но я бы постарался понять, что стоит за цифрами. Общение с Юрием Александровичем Левадой — он удостаивал меня такой чести — научило меня верить не цифрам, а интуиции людей, которые знают много цифр. Против обыкновения начну с выводов, а потом постараюсь их обосновать.

Россия бесконечно далека от того фашистского идеала, который придумал себе — и нам! — Владимир Путин. Фашистские государства характеризуются определенным уровнем энтузиазма, эмоциональной вовлеченности подданных. Вспомните факельные шествия Гитлера или марши чернорубашечников Муссолини. Конечно, во всех этих действиях участвовало далеко не все население, но, во-первых, довольно значительная часть, а во-вторых, многие из тех, кто участвовал и наблюдал со стороны, искренне идентифицировались с теми безумными лозунгами, которые им предлагались. Ничего подобного в России нет. Есть фашистское государство, но нет фашистского общества. Сегодняшнюю Россию — ту ее часть, к которой, собственно, и апеллирует Владимир Путин, можно сравнить со старой уставшей от жизни женщиной, которая уже ничего не хочет, ни во что не верит, ни на что не надеется и мечтает только о том, чтобы ее оставили в покое.

Психологически страна состоит из уставших стариков (вне зависимости от биологического возраста), которые не хотят ни парадов, ни завоеваний, ни миссий. Их в равной степени не интересует судьба Донбасса и право говорить там по-русски, распятый мальчик в трусиках, победа над блоком НАТО или русский мир. Начальство обо всем этом говорит, а народ скучает, не возражает, конечно — себе дороже, да и зачем? — но смотрит в сторону и ждет, когда можно будет разойтись. Точно, как на политинформации в советское время. Поэтому все и получается натужно и с враньем.

Эта старая женщина — о России обычно говорят в женском роде, приписывая ей женские черты — была когда-то молодой, строила планы, надеялась на успех. Она любила, в том числе и Путина, но любила много лет назад, сейчас все в прошлом. И бабье лето у этой страны тоже было. Это зима 2014 — Олимпиада в Сочи и аннексия Крыма, когда она, действительно, испытывала энтузиазм — позорно, конечно, радоваться краже территории, но это, ведь, и в Германии в свое время было. Но сейчас и того нет. От Олимпиады в памяти не сохранилось ничего, даже скандалы с мочой вытеснены последующими событиями, а от Крыма осталась только злоба на весь мир, а радость ушла.

Это предельно атомизированная страна. В ней не сочувствуют друг другу. То есть близкие, конечно, сочувствуют и переживают друг за друга, но то, что происходит в одной части страны, не волнует другую. Бомбажки Белгорода, например, оставляют равнодушными жителей остальной России. Уничтожение самолетов на псковском аэродроме не вызвало ничего подобного той реакции, которая была у русского общества, когда во время русско-японской войны на мине подорвался и затонул «Петропавловск». Кстати, на гибель флагманского крейсера «Москва» — того самого «русского военного корабля» — тоже никакой эмоциональной реакции в обществе не наблюдалось. Так уже много раз бывало во время региональных катастроф и потрясений. Когда, например, следили за событиями в Хабаровске, то это был азартный, спортивный интерес — следили как за футбольным матчем. Смогут хабаровчане переломить Москву, сдастся Путин или начнет сажать и стрелять? Захватывающее было зрелище. Но не было сочувствия людям Хабаровска, которым плонули в лицо, демонстративно арестовав избранного ими губернатора и поставив начальником над ними клоуна. В этом смысле это не страна, которая в пределе большая семья, а территория. Никакого чувства Мы у этой страны нет.

Оказавшись под бомбами, эта страна будет прятаться в бомбоубежищах, проклинать бандеровцев, Путина и Байдена, но это будет только там, где бомбы падают — собственно, это уже так. Остальным территориям будет наплевать. Никакого «Вставай, страна огромная» в массовом масштабе не будет.

Страна не просто атомизирована, но и разделена на отвергающие друг друга слои и классы. Такого разделения, такого неприятия «чужих» внутри собственного народа не было со времен Гражданской войны. А элита и вовсе воспринимается как нечто чуждое и враждебное. Когда и если дроны долетят, наконец, до Рублевки и Ново-Огарево, куда, их, похоже, уже несколько раз и направляли, будет только радость. Хотя большинству и на это будет наплевать!

У этой страны, как у очень старого человека, нет будущего, она не способна о нем думать. Есть только прошлое. И как не просто старый человек, а глубоко несчастливый старый че-

ловек, страна не воспринимает свое прошлое успешным. Она не смотрит с гордостью на плоды своих усилий, на дело рук своих, она не говорит себе, что не зря жила — у нее (на уровне страны, а не индивидуальной судьбы), наоборот, ощущение, что жила она зря и бессмысленно. Ее прошлое не конвертировано в будущее — условно, в следующее поколение — они сами по себе, а сегодняшняя страна — сама по себе. Страна не может, да и не хочет, сказать себе, что да, все плохо и тяжело, зато мы обеспечили будущее.

У этой страны, как у глубокого старика, пораженного глобальным скепсисом, нет героев. Ее ничто не восхищает и не вдохновляет, за всеми поступками, даже самыми благородными, она видит только корыстный интерес. И деньги, которые собирают на политзаключенных, украдут, и Украине помогают, чтобы захватить что-нибудь, да и Навальный, да все остальные тоже, наверное, сидят за деньги. Но и с «государственной» стороны героев нет. Телевизор пытается их придумать — раньше донецких бандитов, всяких Гиви с Мотороллами, сейчас — солдат, погибающих в Украине, но не получается. Вся Москва увешана одинаковыми портретами павших, детей в школах заставляют участвовать в каких-то первобытных плясках — всем плевать. Пар в свисток.

Эта страна уже неспособна начинать новое. Ее не интересуют ни почившие в бозе национальные проекты, ни прорывы, ни подъем Севера или Дальнего Востока, ни анонсированные Сергеем Шойгу новые города в Сибири. Когда Путин что-то в очередной раз обещает, этому не просто не верят, этим не интересуются. Единственное, чего хотела бы страна, это жить как благополучный (европейский?) пенсионер, на накопления. А беспокоится она лишь о том, что это не получится и что даже те жалкие накопления, которые есть, отнимут. Подавляющее большинство населения живет именно в этом самоощущении пенсионера. Даже и относительно молодые и работающие люди.

Эта страна не хочет того, что делается ее именем. Ее не интересуют новые территории, сакральный Крым, лидирующее положение в мире. Она не хочет защищать своих женщин от зловредных биологических лабораторий, призванных сделать

их бесплодными. Все это не находит отклика. Воспринимается как белый шум, барские забавы. Бандеровские зверства, о которых рассказывает телевизор, даже не щекочут нервы, не становятся предметом обсуждений в своем кругу. Посмотрели и пошли спать.

Эта страна не хочет империи. Русское имперское сознание — миф, в отличие, разумеется, от имперской политики государства. Так называемые имперские боли возникли лишь в середине нулевых, а когда в начале девяностых империя рушилась на самом деле, их не было. И не было ни одной акции — а акции тогда были легальны и безопасны, выходи — не хочу, с требованием ее сохранить. Вернуть, например, силой Литву или Азербайджан под руку русского царя. Не надо было людям этого. Наоборот — после 13 января 1991, когда советские войска штурмовали вильнюсскую телебашню и убили тринадцать человек, в Москве состоялась миллионная (!) демонстрация в поддержку свободы балтийских стран. А имперские фантомные боли появились лишь в середине нулевых, когда тема «крупнейшей геополитической катастрофы двадцатого века» стала для прикрытия постоянных неудач активно раскручиваться властями. Но и тогда, как и сейчас, кроме нескольких клоунов, рекламируемых телевизором, никто не хочет вновь управлять утерянными территориями и усмирять вечно неблагодарных туземцев. Кто-то в России хочет вновь покорить Узбекистан? Даже те, кто мечтают наказать «врагов» в Балтийских странах и в Польше, не предполагают возвращения их в российскую юрисдикцию.

Эта «антиимперскость», которая в отличие от придуманной «имперской», реально существует, естественна. У нас же была странная империя. Власть не делилась с подданными ни реальными, ни мифическими выгодами от захватов, рядовые люди не были бенефициарами империи не только материально, но даже психологически. Цивилизаторская миссия, которую с гордостью приписывали себе англичане, в сознании наших людей сводилась, практически, только к тому, что все вокруг дикари, а мы — в белом. Пропадут они, без нас, конечно, но и к свету мы их не ведем потому, что к свету они идти не спо-

собны. Когда не пропали без нас, это, разумеется, некоторых — но не многих! — у нас обидело.

Единственное, пожалуй, проявление имперского синдрома — это взгляд свысока почти на все другие народы и убеждение, что мы лучшие просто потому, что это мы. Но разве только мы этим грешим? «Каждый день я благодарю Бога, что он сделал меня англичанином, а не немцем или французом»!

При этом национальной солидарности у большей части населения этой страны тоже нет. Точно также, как в Тюмени нет сочувствия Белгороду, в России не было сочувствия соотечественникам в Туркмении и в других местах, где их, действительно, притесняли. Требований к государству защитить как-то русских людей, попавших под власть средневековых феодалов, тоже не было. Не считать же таковыми политические спекуляции Рогозина и компаний вокруг русских в странах Балтии?

У этой страны нет лидера — есть распорядители. Лидер вызывает, если не любовь, то интерес. Его слова важны. Радиообращения Рузвельта слушали по шестьдесят миллионов из ста двадцатимиллионной тогда Америки. А пресс-конференции и Прямые линии Путина уже давно не смотрят никто, кроме тех, кому это положено по должности. Однажды, во время его прямой линии я ехал в электричке. Прошел ее из конца в конец, заглядывая людям в гаджеты — Путина не смотрел никто! И нет никого, кто, пропустив его выступление, станет высматривать соседа — так что же он сказал? Не интересно. Смеяться над ним эта страна тоже не хочет. Только равнодушие.

Да и идентификации с президентом у страны нет. Никто, кроме, разумеется, бывшихся в падучей телевизионных «экспертов», не почувствовал себя оскорбленным ордером на его арест — лишь безразличие и, иногда, злорадство. А когда Песков объявил, что атака дронов на Кремль — это покушение на убийство Путина, никто не взмолнился. Ну, покушение, и покушение. Нам-то что до этого? А уж мятеж Пригожина показал, что его вообще никто защищать не хочет. И жители Ростова, фотографировавшиеся с вагнеровцами (а незадолго до этого голосовавшие за Путина), не то, чтобы мечтали о его свержении, но и не возражали против такого исхода — как будет, так будет.

У этой страны, как часто бывает у старых людей, очень низкая самооценка. Она верит, что свобода ей противопоказана — мы же такого натворим! Она верит, что с ней надо жестко, как Петр или Сталин, она согласна, что ни сейчас, ни в прошлом не способна была произвести что-нибудь конкурентоспособное (правда, с удовольствием компенсирует сама себе эту неспособность своей духовностью).

Но эта страна поверила — и это очень серьезно и имеет ужасные последствия — в то, что все ее ненавидят и хотят ее погибели. В контексте этого мироощущения ей легко было согласиться, что на нее напало НАТО, и что мы опередили их буквально на несколько часов. Но это все тоже вяло, без энтузиазма, без энергетики. У этой страны уже нет ни сил, ни желания стенично реагировать на угрозы. Обстреляли — Шебекино, Москву или что угодно — и ладно.

Но почему же тогда они так отвечают социологам — за Путина, мол, за СВО? А вот в этом тайны нет. Как ни странно, они отвечают сугубо рационально.

Если вы говорите на опросе, что вы «за Путина» или «за войну», то за этими ответами может стоять очень много совсем разных феноменов, кроме того очевидного, что некоторые люди просто боятся высказывать негативные чувства к власти, справедливо не доверяя анонимности опроса.

Вы может быть «за Путина» страстно, как эти пожилые дамы из «отрядов Путина», над которыми так легко потешаться. Вы можете действительно видеть в нем героя, выводящего страну из мрака, защищающего ее от врагов. Вы можете быть готовым или даже хотеть умереть за него. Но такое экстатическое отношение встречается крайне редко.

Ваши слова, что вы «за Путина», могут быть просто реализацией принципа социальной желательности: респонденты имеют тенденцию отвечать так, как им кажется социально приемлемо. На вопрос, любите ли вы театр, следует отвечать, что да, мол, люблю, даже если в театре вы последний раз были двадцать лет назад. Некоторые считают, что на вопрос об отношении к действующему персонификатору власти тоже следует отвечать: «да, одобряю, люблю».

Но наиболее вероятным представляется, что за одобри-
тельными ответами стоит равнодушие. «Да, поддерживаю,
отстаньте от меня, дайте мне заниматься своей жизнью, в кото-
рой никакого Путина или, наоборот, бандеровцев, нет». Про-
пасть между большинством народа и государством так велика,
что людей просто не интересуют ни Путин, ни НАТО, ни даже
война, хоть она уже и пришла в их дома. Перекреститься на
икону не значит верить в Бога, очень часто это просто ритуал,
за которым не стоит никаких чувств. Ответить «Да, поддер-
живаю» — самый простой способ отвязаться от надоедающих
и не интересных вопросов, да и обезопасить себя от возможных
неприятностей.

Сегодняшняя поддержка Путина и его политики — это,
во многом, поддержка власти. Как таковой, независимо от того,
что она делает. И когда кто-то, кто сидет на место Путина, ска-
жет, что погорячились, мол, украинцы нам не враги, да и НАТО
не враг, народ поддержит это точно так же, как поддерживает
сегодня Путина и войну. В массовом порядке, но без энтузиазма.

Сегодняшняя Россия — это старая, уставшая от жизни
женщина. А решать все, как всегда, будет активное меньшин-
ство, с которым у нас дела обстоят вовсе не так плохо.

DOI: 10.55167/6f1ffcef5b52

Историческая наука и академическое сообщество в России после февраля 2022 года: условия, тенденции, перспективы

Евгений Н.

Свободный исследователь

Ключевые слова: история, высшее образование, цензура, историческая наука, эмиграция специалистов, научные контакты, академическое сообщество.

Аннотация: В статье предпринята попытка осветить основные тенденции, характерные для развития академического исторического сообщества в современной России. На основе анализа опубликованных данных и собранных интервью делается вывод о том, что события 2022 года не стали существенно важным рубежом для исторической науки в РФ, они проявили уже существовавшие тенденции и противоречия. Государственный запрос к историкам, выраженный в том числе в «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей...», оценивается как своего рода мобилизация исторического сообщества. В этих условиях профессиональные историки выбирают различные траектории своего личностного и профессионального развития.

Российская историческая наука имеет большой опыт существования в сложных политических условиях. За последние 30 лет она претерпела серьезные изменения — от больших возможностей первых постсоветских десятилетий к сужению этих возможностей и растущей идеологизации в 2010-е годы. После февраля 2022 года, с одной стороны, только обострились уже существовавшие тенденции и противоречия внутри исторического сообщества, с другой стороны, возникла новая специфическая реальность.

Изменения, происходящие с социальными науками в целом и историей в частности, были предметом обсуждения между участниками различных дискуссий и конференций, проходивших в последнее время. Много было сказано про по-

литизацию исторической науки, разрыв связей с западными коллегами и институтами, отъезд специалистов, утверждение новой концепции преподавания истории¹. Реже говорилось о том, как эти изменения воспринимаются членами академического сообщества изнутри, что думают, те, кто остался в России, какие личные и профессиональные траектории они выбирают. В данный момент эта тема недостаточно разработана.

В рамках данной статьи к категории *историки* относятся специалисты трех отдельных и вполне самостоятельных направлений: исторической науки, этнографии и культурной антропологии, археологии. Предполагается, что участники сообщества имеют не менее 3 публикаций за последние 5 лет, что показывает их академическую активность. Этот параметр принят как минимальный порог публицистической активности. Проблематика и качество публикации в данном ключе не имеют существенного значения.

Задача настоящей статьи — выделить основные специфические явления, затронувшие историческую науку после 2022 года, показать как эти явления изменили жизнь и работу рядовых историков, членов академического сообщества, осветить профессиональные и личные траектории, которые они выбирали на протяжении последнего года, показать основные тенденции последних 10 лет, которые стали более явными в последнее время.

Портрет российского историка

Портрет среднестатистического профессионального историка в современной России выглядит следующим образом: это преподаватель государственного ВУЗа, имеющий большую аудиторную нагрузку, с большой вероятностью работающий на нескольких программах, нескольких кафедрах или в нескольких ВУЗах. Исследовательские позиции без преподавания в России возможны, но являются скорее исключением, и все равно связаны с государственными исследовательскими институтами.

1. Круглый стол «От февраля до февраля: что изменилось и что будет дальше?» Лаборатория «Академические мосты». URL: <https://academic-bridges.timepad.ru/event/2328127/>.

Работа в ВУЗе предполагает защиту кандидатской или докторской диссертации, должность доцента или профессора. Должность доцента более массовая и для многих это финальная позиция в карьере. Часть историков работает в непрофильных ВУЗах, читает курс истории студентам первого курса негуманитарных направлений.

Современные историки в России представляют три независимые дисциплины: собственно историю, этнографию (это этнологи, культурные антропологи или культурологи) и археологию. Согласно исследованию «Российские историки. Портрет академической профессии», проведенному в 2023 году, основная часть публикующихся историков — мужчины (58,7%), самая массовая возрастная категория в интервале 40–49 лет, 26,8% имеют степень доктора наук, 56,2% — степень кандидата наук, 26,6% не имеют степени, только у 2,1% степень PhD. 70,8% опрошенных указали своей основной специализацией историю России, что открывает более широкие возможности преподавания. Подавляющее большинство публикующихся историков — университетские преподаватели, 63,8%².

Работа в государственном ВУЗе накладывает ряд ограничений на деятельность преподавателя. Ограничения связаны с публикациями в социальных сетях и вообще с любыми заявлениями в публичном пространстве, с темами публикаций. Работа в государственном ВУЗе не обязательна для российского историка, но это наиболее доступный и популярный путь заработка, гарантирующий определенное постоянство при соблюдении требований и правил, гласных и негласных. Возможен профессиональный трек при которым у историка защищена кандидатская диссертация, но он не работает в ВУЗе.

Принадлежность к государственному ВУЗу важна для российского историка и в психологическом плане. На протяжении последнего десятилетия среди части историков сложилось представление о том, что государство в России на протяжении всей его истории — единственный созидательный социальный институт, единственный актор позитивных социальных

2. Соколов М. Российские историки. Портрет академической профессии. ЦИАНО ЕУСПб, 2023. — 31 с.

перемен, отсюда представление, согласно которому принадлежность к государственным структурам в условиях кризиса способствует выживанию³.

Для большой части представителей данной категории февраль 2022 года не был рубежом в карьере, изменения касались их постепенно и более важной вехой может стать 1 сентября 2023 года, когда начнется реализация новых принципов преподавания истории в ВУЗах России⁴.

Разрыв научных контактов

Сразу после 24 февраля 2022 года остро встал вопрос коммуникации российских специалистов с западными институтами. Последний год показал, что личная коммуникация осталась, разрыв произошел на уровне институтов, российские Вузы вышли из международных проектов, однако публикации в журналах, индексируемых системами Scopus и Web of Science по-прежнему возможны для российских исследователей, это зависит не от аффилиации и страны происхождения, а от качества текста⁵.

Однако, разрыв контактов существенно затронул отдельные исторические направления, например медиевистику, религиоведение, исследования Древнего мира. До недавнего времени российские исследователи могли публиковать статьи на русском языке с аффилиацией российских ВУЗов в украинских журналах, например в изданиях Древности и Дриновський Збірник Харківського національного університета ім. В. Н. Каразіна. Для российских специалистов это

3. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информант ООІ.

4. Проект концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf.

5. Постановление Правительства РФ № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности» (с изм. и доп. от 19 сентября 2022 г.).

был хороший шанс публиковаться, быть частью большого исторического комьюнити. В настоящее время такие публикации невозможны⁶.

Государственные органы РФ отреагировали на разрыв академических контактов достаточно быстро, уже 19 марта 2022 года Правительство РФ приняло постановление № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности» (с изм. и доп. от 19 сентября 2022 г.), согласно которому до 31 декабря 2023 г. введен мораторий на размещение публикаций в изданиях, входящих в международные базы цитирования. Мораторий введен на «требования по наличию публикаций в изданиях, журналах, индексируемых в международных базах данных, а также целевые значения показателей, связанных с такой публикационной активностью» и на «требования по участию в международных научных конференциях, а также к целевым значениям показателей, связанных с публикационной активностью по результатам конференций»⁷.

Публикации в журналах, индексируемых системы Scopus и Web of Science больше не требуются ВУЗом и не оцениваются. В настоящий момент часть исследователей продолжает публиковаться в западных изданиях, по мере возможностей, но основная часть встретила нововведения позитивно, так как это в значительной мере облегчило вопрос с публикациями⁸.

До февраля 2022 года от публикаций в журналах, индексируемых системами Scopus и Web of Science зависел рейтинг исследователя, но у большинства исследователей публикации в таких журналах вызывали ряд сложностей. В настоящий момент достаточно публиковаться в журналах индексируемых

6. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо2.

7. Проект концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf.

8.

российскими системами РИНЦ и ВАК. Это сказывается на качестве исследований, изолирует российскую науку.

Эмиграция историков

За последний год в исторической науке произошла существенная смена кадров. В настоящий момент сложно оценить масштабы, это будет видно по прошествию некоторого времени, сейчас сложно собрать достоверные данные, однако этот процесс с большой вероятностью окажет существенное влияние на развитие науки в перспективе ближайших десятилетий.

После февраля 2022 года из России уехал ряд наиболее активных и именитых историков. Часть из них продемонстрировала свою антивоенную позицию и разорвала связи с российскими ВУЗами и институтами, часть из них продолжала преподавать онлайн, по крайней мере в 2022 году, до конца учебного года. Вопрос возможности преподавать онлайн решался индивидуально, ВУЗы и преподаватели не афишировали эти решения.

Отъезд видных исследователей, признанных в мире, обострил кадровую проблему. В ряде ВУЗов на ряде программ уехавших преподаватели быстро заменили другие, согласные работать сверх своей нагрузки, но часть преподавателей заменить было невозможно, особенно если они вели авторские курсы, поэтому курсы отменялись или студенты подключались к доступным онлайн программам⁹.

Численность уехавших специалистов гуманитарных областей оценивается по-разному и в настоящий момент сложно установить точное количество уехавших гуманитариев. Уехавшие преподаватели искали возможности трудоустройства, сосредоточились на поиске грантов. Историки уезжали в меньшей степени, что было связано с отсутствием понимания перспектив профессионального развития, осознанием невозможности продолжать работу в России удаленно, так же это было вызвано оценкой своих личных и бытовых возможностей

9. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо6.

за границей, нежеланием терять приобретенный в России социальный статус и менять язык преподавания¹⁰.

Активнее уезжали студенты историки и антропологи, нашедшие возможность обучения заграницей и несвязанные с российскими ВУЗами профессионально¹¹. ВУЗы начали реагировать на этот вызов.

Ответом на массовый отъезд талантливых студентов из России было решение НИУ ВШЭ по увеличению бюджетных мест на едином треке обучения «магистратура-аспирантура» 2022 года. На трек брали студентов, имеющих публикации за время обучения в бакалавриате, студентам предлагалась стипендия в размере 50 тысяч рублей в месяц. Срок обучения — 6 лет, 2 года магистратуры и 4 года — работа над кандидатской диссертацией. Магистерская ВКР на треке должна стать основой будущей диссертации. Трек существовал и ранее, но в 2021 году на него было зачислено 75 человек, из них только 4 историка, в 2022 году зачислено 134 человека, из них в Аспирантскую школу по историческим наукам — 9 человек¹².

Новая концепция преподавания истории

На протяжении последнего десятилетия среди части представителей исторического сообщества росло и крепло представление о том, что государство сыграло исключительную роль в истории России. Это представление было обусловлено политическими заказом, но многие историки вполне искренне видели в государстве единственного актора позитивных социальных изменений и доказывали отсутствие в истории России предпосылок к формированию каких-либо форм гражданского общества. С этой позиции «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях

10. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты 005.

11. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты 007.

12. Единый трек обучения «магистратура-аспирантура» 2022. URL: <https://aspirantura.hse.ru/mastersphd2022>.

высшего образования» от 2 февраля 2023 года имела определенную почву, которая готовилась заранее.

Новая концепция определяет принципы не только преподавания истории в ВУЗах, но и рамки научных изысканий вообще. Сложно представить защиту диссертации, содержащей выводы, явно противоречащие этой концепции.

В документе указано: «особое место в силу своей значимости для формирования личности специалиста с высшим образованием принадлежит истории, которая в качестве общеобразовательной дисциплины преподается во всех ВУЗах страны для студентов всех направлений подготовки». По мнению авторов концепции «именно историческое сознание является наиболее существенной составляющей гражданской и национальной идентичности населения Российской Федерации»¹³.

В концепции предлагается воспринимать историю России как единый тысячелетний исторический процесс, особенное место уделено личностям правителей, истории войн, конфронтации России и коллективного Запада, выделена позитивная роль государственности в России. Последние темы в учебном плане выглядят так: «Отказ НАТО учитывать интересы России. Официальное признание ЛНР и ДНР Россией. Начало специальной военной операции на Украине. Санкционное давление стран Запада на Россию, попытки ее изоляции от остального мира»¹⁴. Теперь работа историка будет подчинена этой концепции.

Важно, что документ предполагает увеличение преподавания истории в непрофильных ВУЗах с 72 часов до 144 часов, на протяжении двух полугодий. Это полный курс истории, охватывающий удлиненную хронологию от появления первого человека на территории России до 2022 года. 80% нагрузки —

13. Проект концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf.

14. Там же.

контактная аудиторная работа со студентами, очная работа, которую легко проверить на соответствие концепции.

Часть историков уволилась из ВУЗов именно после принятия этой концепции не желая политизировать преподавание.

Мобилизация историков

Реализация новой концепции преподавания истории влечет кадровые и организационные сложности для ВУЗов. Существующий преподавательский состав явно не справится с увеличением нагрузки, ВУЗам срочно нужны новые кадры. Многие ВУЗы уже начали активно искать историков, готовых читать новый курс с сентября 2023 года. На начало июля 2023 года кадровая проблема во многих ВУЗах не была решена: «Никто не представляет, как это делать, но набирают преподавателей в срочном порядке. На ставку, на полставки, в штат и не в штат...»¹⁵.

ВУЗы нанимают преподавателей из числа студентов-аспирантов, преподавателей с защищенными кандидатскими диссертациями без опыта работы в ВУЗе, привлекают преподавателей на совместительство. Значительно увеличилось количество открытых вакансий, интересованная работа по привлечению специалистов в ВУЗы идет через личные контакты, связи и договоренности.

У части историков это вызывает энтузиазм, для них открылись возможности замещения позиций уехавших преподавателей, с увеличением нагрузки со следующего года эти возможности растут, увеличение нагрузки влечет увеличение заработной платы.

Сам по себе увеличение аудиторное нагрузки в перспективе негативно скажется на количестве и качестве научных публикаций.

15. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо8.

Смена кадров

В ряде ВУЗов произошла ротация кадров, ВУЗы решали проблему замещения кадров, приглашая специалистов на освободившиеся места.

К весне-лету 2023 года из ВУЗов РФ ушла часть молодых преподавателей с конкурентным профессиональным треком, закончивших конкурентные бакалавриат и магистратуру, написавших качественные кандидатские или докторские диссертации, то есть успешно приходивших конкурентный отбор на протяжении всей карьеры. На их место приходят преподаватели с менее конкурентным профессиональным треком, закончившие менее конкурентные бакалавриат и магистратуру, защитившие менее качественные диссертации, но формально соответствующие всем требованиям. Такая ротация кадров дает возможность занять более выгодную позицию именно сейчас, при внешней лояльности всем происходящим изменениям.

Выбор профессиональной траектории

В связи со всем вышесказанным, перед историками, которые остались в России, встает вопрос выбора дальнейшей профессиональной траектории. Можно выделить несколько траекторий профессионального развития характерных для тех, кто остается в профессии:

- внутренняя эмиграция, концентрация на своей теме исследования, игнорирование происходящего вокруг,
- внутренняя оппозиция, формальное следование предлагаемым правилам, трансляция лояльности, повышенная самоцензура, в перспективе — появление исследовательских тематических лагун далеких от политической конъюнктуры,
- позиция «больших возможностей», активного включения в работу, открытое принятие новой концепции преподавания истории и лояльность власти¹⁶.

16. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо4-оо5.

Часть историков со второй позицией пугает разрушение институций и отъезд ведущих специалистов, но они остаются. Часть историков первой позиции уходит в работу с головой, часть сохраняет позицию наблюдателя: «моя подруга могла уехать, но осталась, говорит — мне важно быть тут и самой все это видеть»¹⁷.

Изменение тем исследования

После введения антироссийских санкций в значительной степени пострадали исследования Memory studies, особенно исследования, которые были построены на изучении исторической памяти по публикациям в TikTok и Instagram. Instagram в данный момент запрещен в России, а TikTok значительно ограничил возможности использования. В дальнейшем эти исследования невозможны¹⁸.

Зафиксированы примеры корректировки тем кандидатских диссертаций и магистерских ВКР. Исследователям, писавшим по темам, связанным с изучением опыта УССР, например истории волн эмиграции из УССР в советское время, рекомендовано сменить темы¹⁹.

Замечены примеры осознанного замалчивания темы войны. 2 ноября 2022 года в здании Президиума РАН состоялась научная конференция «Молчание и умолчание в истории», организованная Институтом всеобщей истории Российской академии наук. Конференция была посвящена практикам и стратегиям умолчания в историографии и общественном и политическом дискурсе. На полях конференции не упоминался конфликт на Украине, не произносилось слово «война». Попытки поговорить о проблеме замалчивания темы войны в современном российском обществе пресекались. Среди участ-

17. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо7.

18. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо6.

19. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо8.

ников конференции сработала самоцензура, это не было следствием каких-либо установок сверху²⁰.

По итогам II Всероссийской научной конференции «Ветер перестройки (1985–1999)», которая состоится 9–11 ноября 2022 г. в Санкт-Петербурге один из участников оставил следующий отзыв в социальных сетях: «ну и четвертое — явно изменившийся с прошлого года политический климат в ВУЗе. В прошлом году на первую конференцию „Ветер перестройки“ приветствие присыпал лично Горбачев, и атмосфера по намекам некоторых оргов (организаторов — Е. К.) была гораздо свободнее, чем сейчас. В этом ректор назначил на большинство секций „смотрящих“, которые слушали, нет ли в докладах крамолы, расписание утрясали до последнего дня...»²¹.

Таким образом, изменение политической ситуации существенным образом меняет работу историка в России.

Выводы

В последний год в историческом сообществе произошло обновление кадров. Уехавших из страны или уволившихся историков заменили коллеги. Принятие новой концепции преподавания истории предлагает определенное видение прошлого. Эта рамка будет влиять на работу участников академического сообщества, по крайне мере на нее нужно будет ориентироваться при работе со студентами, в рамках лекций и семинаров, студенческих работ и публикаций.

Негативно на развитии науки влияют разрыв контактов с западными академическими институтами, разлом в сообществе, деление на «тех, кто уехал» и «тех, кто остался». При этом личные контакты часто сохраняются. В новых условиях историки России выбирают различные профессиональные стратегии. Большая часть историков в России остаются работниками ВУЗов, что принуждает их следовать правилам и транслировать лояльность к происходящим изменениям. Часть истори-

20. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо6.

21. Автор поста Алексей Сафонов. Пост от 02.12.2022. URL: <https://vk.com/id32200>.

ков вполне искренне транслирует свою приверженность государственной политике и находит оправдание этому в прошлом. Часть историков воспринимает современные события как логичные, оправданные историческим развитием России.

В настоящий момент ВУЗы ощущают острый кадровый голод, происходит мобилизация историков для работы в ВУЗах, растет аудиторная нагрузка и объем очной работы со студентами. В целом сообщество становится более замкнутым, появляются новые табуированные темы, растет уровень самоцензуры. Вместе с тем, эти тенденции имели место и до 2022 года, формируясь на протяжении 2010-х годов.

Для российского исторического сообщества февраль 2022 года не стал рубежом. Сообщество оказалось готовым к переменам. Февраль 2022 года предложил более явно обозначить свою позицию — уехать или остаться, поддержать или выступить против. Психологически членам исторического сообщества оказалось проще воспринять новую реальность, сопоставляя ее с примерами прошлого, находя в прошлом оправдание действиям государственной власти РФ или осуждая действие властей с опорой на примеры из прошлого.

Библиография

1. Круглый стол «От февраля до февраля: что изменилось и что будет дальше?». Лаборатория «Академические мосты». URL: <https://academic-brides.timepad.ru/event/2328127/>.
2. Соколов М. Российские историки. Портрет академической профессии. ЦИАНО ЕУСПб, 2023. — 31 с.
3. Шарова А. В. Первая Мировая война как личный опыт историков / Шаги / Steps. 2018. Т. 4, № 2. С. 150–165. EDN YMCAHZ.
4. Постановление Правительства РФ № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности» (с изм. и доп. от 19 сентября 2022 г.)
5. Проект концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf.
6. Единый трек обучения «магистратура-аспирантура» 2022. URL: <https://aspirantura.hse.ru/mastersphd2022>.

7. Пост VK от 02.12.2022. Автор поста Алексей Сафонов. URL: <https://vk.com/id32200>.
 8. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информант оо1.
 9. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо2.
 10. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо3.
 11. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо4.
 12. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо5.
 13. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо6.
 14. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо7.
 15. Полевые материалы автора. Интервью с представителями исторической науки в России. Май 2023 г. Информанты оо8.
-

Historical science and academic community in Russia after February 2022: conditions, trends, prospects.

Evgeny N., PhD in History

Annotation: The article attempts to highlight the main tendencies characteristic of the development of the academic historical community in modern Russia. Based on the analysis of the published data and the collected interviews, it is concluded that the events of 2022 did not become an essential milestone for historical science in the Russian Federation, they showed already existing trends and contradictions. The state request to historians, expressed also in "The concept of teaching the history of Russia for non-denominational specialties..." are assessed as a kind of mobilization of the historical community. In these circumstances, professional historians choose different trajectories of their personal and professional development.

Keywords: history, higher education, censorship, historical science, emigration of specialists, scientific contacts, academic community.

DOI: 10.55167/cfo29f68b5a8

НАУКА
В НЕПРАВОВОМ
ГОСУДАРСТВЕ

Наука как ментальное явление по умолчанию есть зона свободного поиска. В то же время как явление социальное, она не может существовать без прямой или косвенной государственной поддержки. Со времен древнего Шумера и Египта (письменность, календарь, география, геометрия и пр.) нет ни одного сколько-нибудь значимого достижения научной мысли, которое было бы сделано вне передовой по своему времени государственной системы.

Замысловатые и часто конфликтные отношения между исследователями и властью регулируются в сфере права, по большей части неформального. Оно, с одной стороны, обеспечивает интеллектуалам безопасность и возможность заниматься делом, а с другой — явно или неявно предъявляет им требование «государственной полезности». Система быстро эволюционирует, представления о свободах, правах, полезности и границах дозволенного меняются. Страны, где социальная среда (включая нормы права), хронически отстает, деградируют и проигрывают международную конкуренцию. Этот процесс тоже ускоряется. Раньше его плоды становились ощутимыми в течение столетий, в Новое время счет пошел на поколения, а сейчас подняться или опуститься в глобальных рейтингах можно всего за несколько лет. Впрочем, еще быстрее и болезненнее для людей науки бывает общий распад государственности как базовой системы поддержки. И это тоже надо иметь в виду.

Получается, что страны с недостаточно подвижной правовой традицией попадают в вилку: ограничение научных свобод сдерживает развитие, но расширение свобод «подрывает устои», а вслед за ними — и сам режим.

Руководители Ирана, КНДР, СССР, гитлеровской Германии и прочих идеократий охотно поддерживают «полезные» оборонные исследования, но запрещают работы по направлениям, которые считают идеологически вредными. Итог всегда печален.

Гитлер боролся с «еврейской наукой» — и проиграл Америке войну ядерных лабораторий. Потому, в частности, что в США ученых в проект «Манхэттен» подбирали не по национальности, а по профессиональному. Советский режим в России

разрушил мощную традицию академической истории, запретил социологию и демографию, зачем-то уничтожил ростки генетики, ошельмовал кибернетику как «продажную девку империализма», извратил политическую экономию и социально-экономическую географию. И в качестве вишенки на торте подменил лингвистику банальными рассуждениями о том, является ли язык частью «базиса» или «надстройки».

Результаты оказались через поколение: СССР проиграл конкуренцию в сфере генной инженерии, биотехнологий и медицины, упустил информационную и компьютерную революцию (в частности, в языках программирования — спасибо тов. Сталину за глубокий классовый анализ вопросов языкоznания). Это лишь самые очевидные, лобовые плоды запрета на свободу мысли. Но были и другие, не столь предсказуемые. Например, детская неспособность общества и элит осознать, почему в 1941 г. Гитлер всего за 10 недель взял Ленинград в клещи, а к исходу 16-й недели был уже под Москвой. Или что же на самом деле произошло на рубеже 80-х и 90-х годов, когда великий-могучий Советский Союз вдруг распался как карточный домик. Страна, лишенная элементарных знаний о реальном состоянии советского хозяйства, населения и систем управления, до сих пор не может понять, что на самом деле катастрофа тлела 70 лет, и в конце концов пламя (получив немного кислорода в горбачевскую эпоху) всего лишь вырвалось наружу.

Инфантильность мышления — результат долгой деградации и фальсификации основ гуманитарного знания — от общей истории и юриспруденции до экономики, государственной отчетности и статистики.

Пожалуй, самым неожиданным плодом упорной работы по разрушению естественного права на свободный научный поиск и критику стала дискредитация самого феномена науки и его подмена различного рода суррогатами. Нигде в мире не получила такого развития практика подделки научных диссертаций и получения фейковых научных степеней и должностей, как в постсоветской России. И нигде в мире эта практика не воспринимается так естественно! Вплоть до того, что в диссертации действующего президента обнаружен пла-гиат — и никого это не взволновало. Ничего удивительного:

если на самом верху подделывают результаты выборов и базовые экономические показатели, фальсифицируют исторические факты и судебные приговоры — то почему бы этажом ниже не нарисовать нужному человеку диссертацию или даже не сделать его академиком?

Государства с таким отношением к науке и к естественным человеческим правам быстро (с течением времени все быстрее) откатываются сначала во вторую лигу, а потом и вовсе на глобальную периферию. Или просто перестают существовать. Что, собственно, мы сегодня воочию и наблюдаем. Но тут уж ничего не попишешь — траектория была заложена 100 лет назад, попытка сойти с нее успехом не увенчалась.

Отсюда простой и непреложный вывод для тех, кто размышляет над судьбами науки в неправовом государстве. Вдохнем, выдохнем и скажем правду: в неправовом государстве места для науки (по крайней мере, для науки XXI века) нет. И в ближайшие годы не будет. Не стоит обольщаться: хотите всерьез заниматься наукой — уезжайте.

Дмитрий Орешкин

О роли и состоянии юридического образования и конституционно-правовой науки в условиях авторитарного правления (Конституция — правовая культура-политика)

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, профессор Свободного университета

Что произошло с юридической наукой и с юридической школой в России за последние 30 лет¹

Мы, российские юристы, окончившие юридические вузы в последней четверти XX века, оказались уникальным поколением специалистов, прожившим за одну неполную человеческую жизнь три совершенно разные конституции и работавшем в условиях невероятной политической турбулентности, когда ломались и перекраивались правовые системы. От тоталитарной сталинской конституции к перестройке и демократизации государства до возврата к авторитаризму, к диктатуре и к войне, которую российская власть развязала в результате полного отказа от верховенства права и от соблюдения своих международно-правовых обязательств. Мы также прожили невероятную для одного поколения трансформацию правовой науки. Как у Толкиена — путешествие туда и обратно. От полностью изолированной от мира и закрытой в самой себе советской юридической недонауки к освоению всех достижений современной юридической мысли и обратно к свертке научного пространства псевдонаучной демагогии и политической имитации.

1. Все, что описано в этой статье, отражает общие негативные процессы в стране, но, тем не менее, касается только части юридической науки и юридической школы. Другая часть науки и школы требует дополнительного позитивного описания.

Часть ученых прошли этот путь достойно. Они полностью переучились и создали современные научные школы. Те, кому это удалось, стали совсем другими юристами и учеными-правоведами. Но далеко не всем хватило сил и упорства переучиться. 30 лет — это все же не очень много. Значительная часть ученых осталась такой, какой она была на излете СССР с устаревшими представлениями о государстве, произвольно диктующим любые выгодные для власти правила, и о праве как о выражении воли правящего класса. Мы просто не успели переучить и перенастроить все юридическое сообщество.

Соответственно, нормальные юридические школы в условиях возврата авторитаризма стали невыгодны и опасны для политических элит. Их начали разрушать и к сегодняшнему дню организационно уничтожили практически полностью. Место этих школ и ученых постепенно занимали те самые не-переучившиеся с советским подходом, которым и слово «диктатура», и соответствующий ему политический режим были понятны и близки.

Именно поэтому в 2014 году, комментируя высказывания Президента России Владимира Путина по поводу аннексии Крыма, сорок четвертый Президент США Барак Обама сказал: «У Президента Путина, вероятно, другой набор юристов. Может быть, у него другой набор интерпретаций»². Канцлер ФРГ Ангела Меркель высказалась тогда еще жестче. Выступая перед членами Бундестага, она сказала: «Россия во время кризиса на Украине действовала по закону джунглей, актуальному для XIX–XX веков»³. Обама, и Меркель были правы. Для грубого попрания всех международно-правовых приличий Президенту Путину нужны были другие юристы, и они у него, к несчастью, были. Эти же юристы (мы знаем их по именам) были у Путина, когда он в 2020 году ломал конституционную конструкцию и продлевал свое правление. Эти же юристы вопреки действу-

2. См.: РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20140304/998156375.html>.

3. См.: «Ведомости». 13 марта 2014 г. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/23913481/merkel-rossiya-dejstvuet-na-ukraine-po-zakonu-dzhunglej>.

ющему российскому законодательству охотно оправдывали законность полномасштабного вторжения России в Украину, захват и присоединение чужих территорий, военные преступления и неответственность за них российской власти. Потому что у них действительно совершено иной, советский набор интерпретаций большинства общепринятых международно-правовых понятий, смыслов и ценностей.

То, что сейчас преподается в российских юридических вузах, не преподается больше нигде в Европе. Да и как можно преподавать демократические институты, права человека, конституционализм и парламентаризм в условиях авторитарной концентрации власти? Состояние юридической науки и юридического образования всегда и безусловно является маркером политического режима. Поэтому видение правовых процессов действующей юридической школой в России полностью соответствует тому, к чему пришла страна к 2020 году. В демократических режимах школа основывается на принципах конституционного ограничения государства и верховенства права. В недемократических системах принцип верховенства права подменяется принципом верховенства закона, независимо от того, являются законы правовыми или нет. Это не *rule of law*, это *rule by the rules*. Многие российские юристы остались социалистическими легистами.

Легизм⁴ не предполагает верховенства права. Все введенные государством правила оцениваются легистами с точки

4. В России, начиная с последних десятилетий XIX века и до 20-х годов XX века, активно разрабатывалась позитивная теория права в ее юридическом, социологическом и психологическом вариантах. Е. В. Воськовский, М. Н. Гернет, С. К. Гогель, Д. Д. Гримм, Д. А. Дриль, А. А. Жижиленко, М. Н. Капустин, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Н. А. Неклюдов, Н. И. Палиенко, С. В. Пахман, Л. И. Петражицкий, А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, П. А. Сорокин, И. Я. Фойницкий, Г. Ф. Шершеневич — вот далеко не полный перечень российских ученых, которые внесли заметный вклад в ее развитие. Тогда это были новые идеи, имевшие западноевропейские корни, а правовой позитивизм был мировым трендом. За прошедшие полтора века взгляды на государство и право в мире сильно изменились в пользу естественно-правового подхода, где помимо права, создаваемого государством, существует еще «естественное

зрения политической целесообразности, а не с точки зрения принципов верховенства права. Легизм крайне удобен авторитарным режимам. Как мы помним, законодательство третьего Рейха долгое время принималось как должное и не оценивалось критически. Лишь после войны немецкий юрист Густав Радбрух описал его как неправовое и не подлежащее исполнению.

Факторы, способствующие бедственному состоянию юридической науки и школы

Кроме недостатка образования и перманентной авторитаризации законодательства, которую президент Путин начал с самых первых месяцев своего прихода к власти (дефедерализация, внеконституционное перераспределение полномочий в пользу президентской и исполнительной власти, трансформация избирательного законодательства с целью формирования зависимого парламента, ограничение свободы деятельности СМИ, создание системы зависимого правосудия, политического уголовного преследования, дискrimинация граждан в зависимости от их политических взглядов и др.)⁵ существуют и другие

право», имеющее большую силу, чем позитивное и включающее в себя представления о справедливости и общем благе и социальные институты, защищающие свободные обмены и позволяющие пресекать агрессивное насилие. В России же, наоборот, произошла консервация позитивистских взглядов на право. Потому что авторитарной Советской власти позитивный подход к праву был выгоден, и советские ученые, отвергая враждебные «буржуазные» исследования, продолжали изучать постулаты позитивистской теории права. В итоге единственным научным содержанием права стало изучение законов, а юриспруденцию подменили легицией. Легизм — это максимальное проявление позитивизма. По наследству от СССР традиции юридического позитивизма образца столетней давности перешли к современной России как господствующее направление в науке. Господствующее, но, к счастью, не единственное. Потому что в настоящей российской науке есть много современного и интересного.

5. См.: Лукьянова Е. и др. Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать? Москва; Челябинск: Свободный университет; Социум, 2022.

причины бедственного состояния юридической науки. Они вытекают из переходного состояния государства, в котором после крушения социалистической системы оказалась не только Россия, но и другие постсоциалистические страны.

Фальсификация науки. Коррупция. По наследству от СССР новой России досталось значительное число профессоров, квалификация которых соответствовала общему низкому уровню советской юридической науки, далекому от международных научных стандартов. Именно эти люди, имеющие профессорские аттестаты, но являющиеся весьма посредственными учеными, руководили вузами и кафедрами и занимали почетные места в системе аттестации научно-педагогических кадров. И именно они в условиях переходной рыночной экономики создали коррупционную систему подготовки и одобрения псевдонаучных диссертаций, зачастую являющихся ворованным копипастом работ настоящих ученых. Основной лженаучный удар пришелся на экономическую, юридическую и историческую науки. В отличие от точных и естественных наук там было проще подтасовать данные.

Настоящая наука начала сопротивляться. Было создано сообщество «Диссернет» для выявления и анализа лжеученых работ и обнародования имен их авторов. Но коррупционная система сопротивлялась тоже. В итоге организаторы «Диссернета» были объявлены в России экстремистами и иностранными агентами и подвергнуты уголовному преследованию⁶. К сожалению, количество лжеученых и сворованных диссертаций в России не снижается, поощряя мафию, паразитирующую на науке к дальнейшим действиям по охране созданной ею коррупционной системы.

Еще одной причиной слабости российской юридической науки является ее **языковая замкнутость**. Советский Союз специально не создавал широкой системы изучения иностранных языков. Он считал это для себя опасным, поскольку проникновение в страну знаний, отличных от официальной

6. Суд в Москве заочно арестовал сооснователя «Диссернета» Андрея Заякина. URL: <https://www.forbes.ru/society/482501-sud-v-moskve-zaocno-arestoval-soosnovatela-disserneta-andrea-zaakina>.

идеологии могло привести к сомнениям в ее истинности. Знание языков стало привилегией особо доверенной и проверенной элиты. Поэтому огромное количество российских ученых никогда ничего не читали кроме как на русском языке. Таким образом долгое время сохранялась закрытость советской науки и ее изоляция от науки мировой. Даже в библиотеках не ко всем иностранным материалам был свободный доступ. В итоге ряд советских исследований сводился, например, к уточнению какого-либо юридического определения путем переноса в нем знаков препинания или добавления одного слова. Все цитировали и перецитировали друг друга, изредка обращаясь к одиноким цитатам из западных научных работ порой лишь для обозначения их антисоветской и буржуазной порочности. И хотя за прошедшие 30 лет на русский язык было переведено огромное количество классических юридических книг, но их прочтение и осмысление требовали времени и усилий. А если вдруг в результате такого осмысления окажется, что все твои многолетние «труды» устарели, недобросовестны или неверны? Может быть тогда лучше сделать вид, что никаких опровергающих их исследований просто не существует? И тогда можно продолжать настаивать на своей пещерной позиции. Профессорский диплом позволяет не принимать иное знание под предлогом его «ненаучности». Называется такой подход чванством, ленью и нежеланием учиться. Этакий русский мир, который не признает объективную истину просто потому, что плохо образован и отвергает любую иную точку зрения.

Справедливости ради следует сказать, что новое поколение юристов не страдает проблемой языковой замкнутости и не ограничивается в своем научном поиске трудами исключительно российских коллег. Но значительное число людей, имеющих ученые степени, полученные коррупционным путем, в сочетании со специфической авторитарной кадровой политикой вузов препятствует развитию нормальной юридической науки.

Ситуация с развитием науки осложняется еще и **отсутствием междисциплинарного подхода**. Позитивистский взгляд на право отрицает возможность исследования проблем правового регулирования за пределами изучения текстов за-

конов. Как и откуда взялись эти законы, каким парламентом и в каких процедурах они принимались, каковы их правовая сущность и иные параметры? Эти и другие вопросы не всегда являются чисто правовыми. Ответы на них дают смежные науки. И эти ответы зачастую ставят под сомнение легитимность выборов, представительный характер парламентов и правовой характер законов. Поэтому максимально сужается исследовательская оптика и исследование ограничивается анализом слов и знаков препинания в юридических текстах. Но, как известно, искусственное ограничение академической свободы не приводит к получению достоверных научных результатов, а сам научный процесс превращается в имитацию такового.

Фальсификация юридического образования. К середине 90-х годов прошлого века юридическое образование в постсоветской России стало одним из самых дефицитных и модных. Появление частной собственности, развитие имущественных отношений и гражданского законодательства потребовали подготовки огромного числа новых специалистов, которых не было в СССР. Специальность стала престижной и хорошо оплачиваемой. Существующие юридические школы не справлялись с потоком желающих. Высокий спрос привел к тому, что юридические факультеты начали открываться в самых разных непрофильных вузах — в стоматологических, авиационных, торговых, горных и пр. Все эти факультеты были платными и, как правило, очень невысокого качества. Только лет через десять юридическое сообщество заволновалось и создало комиссию для проверки и аттестации подобных факультетов. Но целое десятилетие они выдавали дипломы о юридическом образовании, выпуская некачественную «продукцию» в виде людей, получивших доступ к юридической профессии.

Еще одна проблема — юридические факультеты региональных университетов. В них очень часто не хватает квалифицированных академических преподавателей. Поэтому туда после своей основной работы приходят преподавать адвокаты, прокуроры и юрисконсульты. Руководство больше заботит не качество, а наличие перечня предметов, необходимых для аттестации.

Особая беда российского юридического образования — создание специальных учебных заведений для бюрократии. Это сеть ведомственных вузов силовых и правоохранительных структур, которые начали расти как грибы после дождя с приходом к власти Владимира Путина. Академия ФСБ, академия Прокуратуры, академия Министерства юстиции, академия федеральной службы исполнения наказаний — вот не самый полный перечень инкубаторов, в которых вырастают весьма специфические юристы, имеющие весьма поверхностное представление о конституционном принципе приоритета прав человека, но зато хорошо изучившие правила оперативно-розыскной деятельности. Отчасти это такие специальные места для детей силовиков и для сотрудников, в которых правила отбора и оценки знаний существенно ниже, нежели в обычных юридических вузах. Заочные отделения таких вузов — это вообще профанация образования, массовая продажа юридических дипломов с нулевым качеством.

В результате выпускники разных юридических вузов даже в российских судах зачастую не понимают друг друга — у них принципиально разная подготовка. Кстати, в российскую прокуратуру практически невозможно попасть из Московского университета. Специалисты высокого уровня там не нужны — слишком много знают о правах человека. Так что Барак Obama был прав — в России действительно совершенно иной набор юристов, которые говорят на другом языке, нежели юристы других стран. Сейчас совершенно ясно, что при изменении политического режима все эти ведомственные вузы должны быть ликвидированы, а их выпускники подвергнуты переаттестации на пригодность к профессии.

О роли и значении конституционно-правовой науки Сразу надо сказать, что роль и значение конституционно-правовой науки в постсоветской России были сильно недооценены. Страна, резко вступившая в рыночную экономику после десятилетий государственного планового хозяйства без частной собственности, бросилась восстанавливать свои знания в области частного права, оставив публичное право «на потом».

Тогда *incognita* цивилистики. И только спустя пару десятилетий, когда начала рушиться вся правовая система, пришло время серьезного осмысления роли и значения ее ядра — конституционного права. Именно тогда ко мне пришли представители разных юридических профессий, озабоченные тем, что у них в отраслях «ничего не работает», и мы начали проводить междисциплинарные семинары, выясняя, какие из конституционных принципов и ценностей были подвержены деформации и как это нужно поправлять. Но мы не успели. Начиная с аннексии Крыма накопление энтропии авторитаризма пошло опережающими шагами, сужая пространство научной дискуссии посредством создания политических условий для появления академической цензуры. Все это закончилось конституционным переворотом 2020 года, отменившим сменяемость власти в России и завершившим процесс концентрации властных полномочий в руках одного лица. В итоге все закончилось развязыванием преступной войны, которая по модели, заложенной в российской Конституции, была невозможной. Часть российских ученых назвала все происходящее своими именами, открыто и внятно дав ему правовую оценку. За этим последовало кадровое уничтожение научных школ. И это лишь подтверждает гипотезу о том, что состояние науки и юридического образования всегда и безусловно является маркером политического режима.

Все тридцать постсоветских лет меня лично очень тревожила крайне слабая роль конституционно-правовой науки во всех сложнейших политико-правовых процессах, происходивших в стране в это время. Она оказалась крайне незначительной и ненастойчивой. Особенно с начала нового тысячелетия, с прихода к власти Владимира Путина. Да, конечно, мы много писали об углубляющейся пропасти между Конституцией и правовой действительностью. Но для серьезной науки задача состоит отнюдь не только в фиксации разницы между должным и сущим, а в поиске причин и путей ее преодоления. «В науке правильно сформулировать задачу часто значит найти ключ к ее решению», — это слова великого британского физика

Стивена Хокинга⁷. И если задуматься, то выяснится, что мы сами пока не до конца постигли должное, а, поэтому, и сущее таково — оно прямо вытекает из недоосмысленного должного. Можно ли в таких условиях формировать правосознание элит, что тоже является задачей настоящей науки? Вряд ли.

Что имеется в виду? Стремительные и масштабные постсоветские конституционно-правовые процессы все время подталкивали нас не столько к смысловой, сколько к описательной науке. Мы (большинство из нас) с энтузиазмом анализировали постоянно меняющиеся нормы, констатировали и исследовали новые правовые обычай и деловые обыкновения. И в этой вынужденной гонке за сущим упустили должное, подзабыли о главном — о значении внутренней логики и о иерархии конституции в жизни любого государства, права и общества. О единстве системы, где любое искажение одного параметра имеет взаимосвязанные причины и последствия. Ведь чтобы поставить диагноз явлению, необходимо, в первую очередь, определить точку системного сбоя. И, определив эту точку, ученый, как врач, обязан донести до пациента (в данном случае — до политических элит и до общества) причины заболевания и способы его лечения, зачастую настаивая на смене образа жизни и отказе от вредных привычек.

Используя подобный образ, я имела в виду состояние российской конституционно-правовой культуры и наше участие в ее последовательном формировании, возможном только лишь на основе глубинной смысловой конституционной теории. Не на той, которая лежит на поверхности, а на той, которая постигается только очень сильно вооруженным глазом с учетом всех современных мировых исследований. Как в перефокусирующемся микроскопе, когда слой за слоем меняется изображение, открывая все новые детали и подробности.

То есть налицо наша общая вина в том, что у нас до сих пор не создана система механизмов непререкаемости конституционных целей, задач и принципов, основанных на верховенстве права, а также современной теории основных прав

7. См.: Хокинг С. Мир в ореховой скорлупке. М., 2001. С. 150.

и свобод человека, имманентности их ограничения, значения разумных адекватных процедур в их обеспечении.

Надо сказать, что подход к осмыслению этой проблемы заложен довольно давно в установочной статье судьи Конституционного суда России Г.А. Жилина под названием «Соотношение права и закона»⁸. В этой работе Жилин ставит очень важный вопрос — вопрос о существе российской конституционной модели. Он утверждает (и, по-моему, он совершенно прав), что Конституция не отождествляет право и закон, что в ней заложено именно юридическое, а не легистское правопонимание. Более того, он утверждает, что легизм, отождествляющий право и закон и рассматривающий право как систему общеобязательных норм, охраняемых силой государственного принуждения безотносительно к их содержанию, на практике противостоит конституционному правопониманию. Я цитирую эту его позицию полностью, поскольку она крайне важна:

Я исхожу из различия права как объективного регулятора общественных отношений и закона как формы выражения права; законы не всегда адекватно выражают право, в связи с чем от правовых необходимо отличать неправовые законы, которые законодателем не должны приниматься, а судами — применяться.

Такая посылка непосредственно вытекает из положений действующей Конституции, провозглашающей Российскую Федерацию демократическим правовым государством, правовая система которого ориентирована на понимании права как общеобязательной формы равенства, свободы и справедливости, где критерием выступает сам человек, его права и свободы, которые должны определять смысл, содержание и применение законов, а также деятельность всех органов государственных органов, в том числе и суда.

Закрепленному в Основном Законе страны юридическому правопониманию противостоит легизм, отождествляющий право и закон и рассматривающий право как систему общеобязательных норм, охраняемых силой государственного принуждения, безотносительно к содержанию нормативных установлений.

8. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/7022>.

При юридическом правопонимании также не подвергается сомнению, что право для выполнения регулятивных и охранительных функций опирается на авторитет и силу государства, воля которого, однако ограничивается, поскольку при принятии и применении законов государство, в лице его органов законодательной, исполнительной и судебной власти, обязано действовать не по субъективному усмотрению, а в соответствии с объективными требованиями права.

То есть посыл был дан. Но его мы не продолжили и не развили. А ведь именно здесь находится точка бифуркации. Если оставить эти важнейшие позиции без внимания, перешагнуть их, как не имеющих краеугольного значения, и не опираться на них в деятельности публичной власти, начинается разрыв (можно вежливо назвать его отклонением) базовой конституционной теории с практикой ее реализации. Но как раз в этой области у нас самое малое количество исследований и дискуссий. А в результате — тотальный отход от конституционных ценностей в законодательстве и на практике.

Да, мы изучили и исследовали огромное количество норм и практик. А изучать в первую очередь надо было примерно такие темы:

- «Права и свободы человека как критерий определения смысла и содержания законов»;
- «Права и свободы человека как критерий конституционного правоприменения»;
- «Права и свободы человека как критерий конституционности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления»;
- «Права и свободы человека как критерий оценки деятельности судов»;
- «Объективные требования права как критерий оценки содержания законов и пределов усмотрения законодательной, исполнительной и судебной власти».

Ну, или, как минимум, «Зависимость качества законотворчества от состояния избирательной системы» (список можно продолжить).

Отдельно следует сказать о необходимости расширения горизонтов наших исследований. В том числе о пересмотре подходов к сравнительно-правовым работам. Нужно было не только сравнивать практику разных стран для выявления позитивного опыта, применимого внутри России, но и напрямую включаться в общеправовые международные дискуссии. В том числе в дискуссию о верховенстве права, начатую Венецианской комиссией за демократию через право⁹. Тогда было бы намного проще понимать контекст любых политических разногласий и ориентировать в нем национальные элиты.

Вот пример: в апреле 2015 года жители города Асбест Свердловской области получившие квитанции за ЖКУ с новыми платежами и требованием заключить договор с региональным фондом — оператором, в массовом порядке отказываются это делать по тем правилам, которые установлены государством¹⁰. Что это? Правовой нигилизм, как привычно определяют подобные эксцессы в отечественной науке, или гражданское неповиновение? Теория гражданского неповиновения, порожденного неправомерными действиями государства, специфика ответственности за такое неповиновение подробно описаны и исследованы британскими и американскими учеными начиная с середины XIX века. И даже выведен термин «аморальные поступки правительства», и идет дискуссия об обязанности граждан таким поступкам сопротивляться. Основателем теории является известный американский писатель и общественный деятель Генри Торо, у которого много научных последователей. В итоге ученые уже давно вышли на уровень решения дилеммы об исполнении или неисполнении неправовых законов. Но для большинства российских ученых

9. См.: Доклад «О верховенстве права», утвержденный Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 года). Страсбург, 4 апреля 2011 года. Исследование № 512/2009. CDL-AD(2011)003rev; *Сергей Головатый (Serhiy Holovaty). The Rule of Law. Kyiv: Phoenix Publishing House, 2006. LXIV,1747 (Vol. 1: The Rule of Law: From Idea to Doctrine; Vol. 2: The Rule of Law: From Doctrine to Principle; Vol. 3: The Rule of Law: The Ukrainian Experience).*

10. URL: <https://news.mail.ru/video/237192/>.

подход является абсолютно еретическим. Тем более, что они и слов-то таких не знают.

Полностью надо менять и междисциплинарный подход. Сегодня мы категорически не можем замыкаться не только в узких рамках одной отдельно взятой юридической специальности, но и отдельно взятой науки. Наши выводы будут неполными и недостоверными не только без учета наших коллег-теоретиков, но и без работ по другим смежным специальностям. Невозможно оценить эффективность конституционного регулирования без понимания того, как реализуются основные конституционные принципы в отраслевом правоприменении. А мы зачастую по чисто формальным основаниям шарахаемся от междисциплинарных исследований, не говоря уж об использовании достижений других, в том числе негуманитарных наук. Хотя эти науки (например, квантовая физика) упорно двигаются по пути естественно-гуманитарной конвергенции.

Приведу для примера защищенное уже два десятилетия назад исследование И. Н. Колкаревой «Проблемы теории правового закона и правовой законности», в котором автор предложил формулу оценки качества юридического закона, состоящую из четырех слагаемых:

$$K_o = K_1 + K_2 + K_3 + K_4$$

где K_o — общая оценка качества правового закона; K_1 — степень широты отражения в содержании закона общеправовых, межотраслевых и отраслевых принципов права; K_2 — степень полноты отражения в содержании закона гарантий правовой законности; K_3 — степень адекватности отражения в содержании закона правовой действительности; K_4 — степень закрепления прав, свобод, законных интересов и правовых обязанностей на основе оптимального сочетания правовых запретов и правовых дозволений, правовых поощрений и правовых наказаний, правовых стимулов и правовых ограничений¹¹.

11. Колкарева И. Н. Проблемы теории правового закона и правовой законности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/problemy-teorii-pravovogo-zakona-i-pravovoi-zakonnosti>.

Это предложение теоретика. Но внедрение данной или подобной ей формулы в практику осуществляется посредством конституционно-правовых норм. То есть здесь была наша задача. Но мы не отследили, не обсудили и не развили предложение коллеги. Другой пример — исследование профессора Д. Ю. Шапсугова о правовом законе как условии обеспечения оптимального единства государственной власти, предлагавшее 20 лет назад решение тех самых вопросов, которые мы ставим перед собой сегодня¹².

Еще сто лет назад профессор Богдан Александрович Кистяковский писал:

У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутораста юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую, по существу не глубокую, но все-таки верную и боевую правовую идею, как иеринговская «Борьба за право». Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где наш «Дух законов», наш «Общественный договор»?¹³.

Прошло сто лет. Наверное, все же пришла пора нам со всем этим разобраться. И не только в своем собственном узком юридическом кругу за закрытыми дверями, а всем миром вместе. Мне нечаянно довелось вынести на широкое обсуждение чисто юридический материал, перепечатанный неюридической газе-

12. Шапсугов Д. Ю. Правовой закон как условие обеспечения оптимального единства государственной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. № 3. С. 3–9.

13. Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России 1909–2009: Сб. статей о русской интеллигенции. М.: Грифон. С. 173.

той¹⁴ из сугубо академического издания, и стало понятно, что таких материалов сегодня остро не хватает государству и обществу. Потому что правосознание интеллигенции, и в особенности интеллигенции научной, рано или поздно формирует правосознание политических элит. Отсюда вывод о том, что разрыв между конституционной теорией и практикой ее реализации порожден, в первую очередь, нашими собственными научными недоработками, нашим суженным взглядом на мир и право. Я лично предпочитаю сначала замечать бревно в своем собственном глазу, прежде чем искать соринку в чужом. И мне очень не хочется, чтобы по моей вине диагноз, поставленный русской интеллигенции профессором Кистяковским, о том, что она «никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности, что из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»¹⁵, оказался хронической невылеченной в течение веков болезнью.

В итоге вместо юридических академиков вопрос о неправовых законах и об их исполнении открыто и безапелляционно поднял писатель Дмитрий Глуховский, когда его заочно судили в России за антивоенные посты в сети Instagram и в Telegram-канале. Вот выдержка из его письма, которое он направил в Басманный районный суд города Москвы 22 марта 2023 года:

Для чего нужен закон?

Закон нужен для того, чтобы слабых оградить от посягательств со стороны сильных, а сильных оградить от соблазна посягнуть на слабого. Закон нужен для того, чтобы воздать преступнику за содеянное, и чтобы предотвратить новые преступления. Для того, чтобы худшее в человеке выполоть, а лучшему позволить цвести.

Нет ничего важней и драгоценнее вашей жизни. Ваша жизнь принадлежит только вам и никому больше. Никто не вправе

14. См.: Лукьянова Е. А. К вопросу о верховенстве права в контексте российской внешней политики // Труды по россииеведению: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. Центр россииеведения. Вып. 5. М., 2014; Лукьянова Е. А. О праве налево // Новая газета. 19 марта 2015. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/67715.html>; Зорькин В. Д. Право и только право // Российская газета. 24 марта 2015 г. С. 11–12.

15. Кистяковский Б. А. В защиту права... С. 170.

отнять ее у вас. Никто не вправе погубить тех, кого вы любите. И никто не имеет права приказать вам убить ни в нем не повинного человека.

Если примут закон, обязывающий меня убивать невиновных, мой долг — нарушить этот закон. Если примут закон, обязывающий меня покрывать убийства невиновных, я должен нарушить и этот закон. Если примут закон, запрещающий говорить правду о том, что другие убивают невинных, такой закон соблюдать не обязан никто.

...Есть законы, которые не должен соблюдать никто. И я не буду их соблюдать¹⁶.

Я люблю свою профессию и свою науку. Ученый всегда в ответе за добросовестность исследования и сделанного на его основе прогноза перед учителями, коллегами, учениками. И перед страной, в конце концов. Да, конечно, отстаивать истину непросто во всех науках. В общественно-политических областях это тем более сложно, потому что твои выводы могут не только не соответствовать чаяниям государственного начальства, но вступать с ними в противоречие. Хотя от этого истина не перестает быть истиной, а правильно просчитанный прогноз все равно реализуется. Молчание ученого, видящего все риски происходящих процессов, равно как взятый им себе на вооружение принцип невмешательства ставит крест на профессии. Знание — трудная ноша. Настоящий ученый не имеет права молчать. Тогда надо снимать судейскую мантию или погоны, класть на стол трудовую книжку, диплом доктора наук, удостоверение чиновника (что-то еще, быть может) и уходить. Потому что не оправдал предназначения.

Оптимистическое

Несмотря на все описанные негативные явления, настоящие ученые-конституционалисты в России никуда не делись. Часть из них уехала из страны из-за угрозы преследования, часть осталась. Они не замолчали, но их голоса стали тише, потому что у них просто нет трибуны. Они не перестали бороться, думать и иметь свою четкую правовую позицию по отношению

16. См. подробнее: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=113215>.

к происходящему. В том числе, анализировать ошибки и оттавивать видение того, какой должна быть конституционно-правовая наука в России и какую роль она должна играть в мировосприятии элит.

Кроме того, я утверждаю, что за 30 постсоветских лет нам удалось подготовить поколение высококвалифицированных и современно мыслящих ученых и практиков в области юриспруденции. Их много, и они говорят на одном юридическом языке со своими зарубежными коллегами. Мы продолжаем их готовить вопреки авторитарной свертке академического пространства. В том числе на площадке Свободного университета. Рано или поздно Россия вернется в цивилизованное юридическое поле. Она вернется в Совет Европы и под юрисдикцию ЕСПЧ. Все подготовленные нами за эти годы кадры юристов займут соответствующие места в юридическом сообществе и сменят тех, кто по современным профессиональным меркам не квалифицирован и неконкурентоспособен.

Когда недостатки выявлены, их легче исправлять.

DOI: 10.55167/db5boa07b8c5

Состояние политической науки в России: кейс исследований в области международных отношений

Кирилл Фокин

Кандидат политических наук, постоянный автор «Новой газеты»

Ключевые слова: политология, теория международных отношений, реализм, неореализм, национальные интересы.

Аннотация: Текст доклада на круглом столе, посвященный состоянию политической науки в современной России. На примере теории международных отношений показывается, как академическая специальность оказалась замещена идеологизированной дисциплиной, фактически направленной на обоснование и оправдание нарушений международного права.

1. Политология и теория международных отношений

Мне предложили рассказать о том, в каком состоянии находится академическая политология в России. Это большая тема. Самый простой ответ — он же самый очевидный. Академическая, современная, научная политология не нужна государству в нынешней форме, и либо им игнорируется, либо — если ее заметили — уничтожается.

Масштабы этого «уничтожения» преувеличивать не стоит. Несмотря на возбуждение дел против видных публичных политологов, закрытие «нелояльных» факультетов, насилиственное сокращение международных связей и так далее — те, кто хотят работать, продолжают работать. Политологические хабы, сохраняющие связи с международной наукой, и по мере сил старающиеся хотя бы поддерживать контакты и передавать студентам нормальные знания, существуют. Они есть и в Москве, и в Петербурге, и в регионах. (Я не хочу называть конкретные институции и фамилии, чтобы не привлекать к ним лишнее внимание, но всем, я думаю, они и так известны.)

С этим ситуация вполне ясная. Поэтому я хочу сфокусироваться на другом. Науку можно разрушить и косвенно. Например, выходя из программ международного сотрудничества, сокращая финансирование и так далее. Это не дает моментального эффекта, но в долгосрочной перспективе это абсолютно деструктивные действия. Но может быть еще один ход — даже более зловещий. *Перепридумать* науку — то есть не «отменить» ее, а заместить.

Для этого не обязательно «устранять» тех, кто занимается адекватной наукой. Достаточно начать эрозию: и как бы «уравнять» тех, кто занимается производством фейк-знаний с нормальными специалистами. Для России, к сожалению, эта ситуация не новая. Вспомним, скажем, что Александр Дугин пять лет занимал позицию заведующего кафедрой факультета социологии МГУ.

В широком смысле в политнауке в России сегодня существуют производители фейк-знаний и нормальные учёные — зачастую на одних и тех же кафедрах. Тем не менее, полноценной «лженауки» политологии в России пока нет. Сообщество нормальных учёных знает друг друга и держится друг друга, а о «коллегах» в кавычках предпочитают либо не говорить, либо мягко отговаривать студентов от излишнего внимания к их сомнительным идеям.

Но внутри политической науки существует, и уже давно, в одном конкретном направлении — настоящая, сектантского типа лженаука. Этот факт тем более пугает, потому что она — хотя во всем мире рассматривается как академическая — в России считается чуть ли не «прикладной». И если общественные науки и могут быть опасны для общества, как, например, можно считать опасной и протофашистской теорию «социального отбора», то эта лженаука может быть ярким примером такой опасности. Я говорю о том, что в России называют «теорией международных отношений».

2. Вульгарный реализм

Разница между производителями фейк-знаний и идеологизированными лжеучеными — в том, что первым по большому

счету всё равно на свои научные «достижения». Их интересует статус, карьера, деньги — то, что лежит за пределами «науки». Лжеученые, напротив, действительно верят в истинность своих умозаключений.

То, что в России — практически везде, от статусных столичных вузов до «мозговых центров» МИДа и администрации президента, — понимается под «теорией международных отношений» — и есть такая секта. Она существует уже много лет: мне лично ситуация всегда напоминала «слона в комнате». Все знают и всегда знали, что так называемые «международники» — хоть из МГУ, хоть из МГИМО, хоть из «Вышки», — это такие «особенные люди».

Я не буду сейчас подробно излагать, что такое «теория международных отношений», как её понимают и преподают в России. Можно сказать, это «геополитическая секта», но это неточно. Если заниматься серьезным разбором этого явления, то действительно, это довольно сложная система идей — вклад в неё внесла и архаичная школа «геополитики», но далеко не только она.

С моей точки зрения главное, что необходимо понимать про, так сказать, «мгимошную теорию международных отношений» — это влияние, которое она испытала от вульгарно истолкованного американского «реализма».

Показательно, что три наиболее популярных мыслителя у российских международников — это Киссинджер, Бжезинский и Хантингтон. И три монографии, которые вы найдёте в любом списке литературы, это «Дипломатия», «Великая шахматная доска» и «Столкновение цивилизаций». Все они, как ученые, принадлежали как раз к школе так называемого «реализма».

Для тех, кто не знаком с теорией международных отношений — в её нормальном понимании, скажу очень кратко. «Реализм» — аксиоматическая конструкция, фундамент для анализа. «Реалисты» исходят из предположения — или допущения, — что «государства» в том или ином виде существовали всегда. Формы могли меняться, но именно государства — как территориальные объединения людей, связанные единойластной иерархией — на протяжении всей истории человече-

ства взаимодействовали друг с другом. Таким образом, основной МО — и сегодня тоже — являются именно межгосударственные отношения.

Согласно «реализму», государства обладают «интересами» — и эти «интересы» определяются не руководителями страны в конкретный момент, а являются объективными — геостратегическими. Успешны те государственные деятели, которые верно считывают эти «интересы», и реализуют их. Отказ же следовать этим «объективным» национальным интересам — ведет к краху внешней политики страны.

И от этого допущения строится множество конструкций. Например, «реализм» предполагает, что «безопасность», «власть» и «влияние» — это основные «национальные интересы». Соответственно, возникают «дилеммы безопасности», и отсюда, скажем, представления о «балансе сил» и «вечной борьбе всех против всех» как естественных состояниях мировой политики.

Важно заметить, что в современной мировой науке эти «допущения» уже принадлежат истории. «Реализм» понимается иначе: не как оппозиция, а скорее как дополнение «либерализма» и «конструктивизма». Достаточно внимательно посмотреть на тех же Киссинджера, Бжезинского и Хантингтона, чтобы понять, насколько далека от них предлагаемая классическим реализмом картина мира.

3. «Российские международники»

И теперь вопрос — почему в России этот «вульгарный реализм» оказался столь популярен? Вероятно, сложились вместе различные факторы:

во-первых, реваншизм;

во-вторых, невозможность «с нуля» воспитать международников, и повлиял груз советских идеологических доктрин (не случайно кроме «реализма» в российском МО еще популярен «неомарксизм» или идея «мир-системы» Валлерстайна — тоже понимаемой довольно вульгарно);

в-третьих, влияние конъюнктуры: зависимость академической «теории МО» от МИДовских заказов. Картина мира,

предлагаемая «реализмом», оказалась с самого начала крайне привлекательна и понятна для «элит» и руководства страны.

С моей точки зрения, тут имел место обоядный процесс. Вульгарный реализм доходчив — и его влияние породило эффект лавины. Его стали преподавать под видом «теории МО» практически безальтернативно, и в итоге именно такое образование и воспитание получили и будущие чиновники, и дипломаты, и функционеры, и бизнесмены, то есть все выпускники международных отделений МГИМО, МГУ, «Вышки» и так далее.

Замечу на полях, что отсюда и растут корни конспирологии и «всё не так однозначно» от бесконечных «политологов-международников» на пропагандистских телеэкранах.

Конечно, это не означает, что среди преподавателей, теоретиков и специалистов МО в России нет нормальных учёных. Но достаточно посмотреть на программу любой конференции по МО, любого сборника статей — причём не за последний год, а за последнее десятилетие — чтобы убедиться в том, «на чьей стороне» ошеломительный численный перевес. Усиление авторитаризма в России, конечно, тоже повлияло. Акты вроде «присоединения Крыма» сделали адекватную дискуссию о МО сперва затруднительной, а потом и вовсе невозможной. А если разговор в современных терминах запрещён, причём законодательно, то приходится бежать в безопасные оптики. А «вульгарный реализм», как раз, для этого очень хорош — через него можно оправдать вообще что угодно.

4. Кейс Сергея Караганова

В заключение, раз уж я вспоминал Дугина, я хотел бы сказать два слова о другом видном деятеле лженауки в России. Этот человек — Сергей Александрович Караганов. Я хотел бы привести две цитаты о нём. Первая принадлежит политологу Владимиру Гельману и написана уже после начала войны.

Цитирую:

«Вызванный трагическими обстоятельствами всплеск интереса к фигуре Дугина не отменяет необходимости анализа идейных оснований российской внешней политики, [не] связанных с этим экзотическим деятелем. И поэтому самое время вспомнить иную, гораздо более респектабельную

и влиятельную фигуру — Сергея Караганова, чьи взгляды на глубокий и необратимый упадок Запада и необходимость жесткого силового оппонирования оному со стороны России безусловно доминируют в российском истэблишменте. Школа Караганова, институционально оформленная на уровне Совета по внешней и оборонной политике, факультета мировой экономики и мировой политики ВШЭ, журнала «Россия в глобальной политике», сегодня является mainstream российской внешнеполитической мысли. Ее отца-основателя по масштабам своего интеллектуального влияния надо сравнивать, конечно же, не с Дугиным, а с Карлом Хаусхофером образца второй половины 1930-х годов. Не будучи специалистом, я смотрю на отечественных международников со стороны, и мне кажется, что взгляды, существенно отличающиеся от карагановских, в этом сообществе откровенно маргинальны».

Из сказанного Гельманом, я думаю, вполне понятен масштаб фигуры Караганова — и его безусловный вклад в то, что происходит сегодня с Россией. Но я хочу привести ещё одну цитату. Её автор — экономист Константин Сонин, и написал он это в 2021 году — до начала войны. Цитирую:

На протяжении многих лет Сергей Караганов — самый интересный автор, пишущий о российской внешней политике. Самые яркие идеи, самые чёткие слова. Неудивительно, что он самый известный в мире российский интеллектуал, говорящий на эти темы. Он и выглядит не как русский интеллектуал, а как русский генерал от интеллектуальных войск в фильме про Джеймса Бонда.

Не подумайте, что я согласен — по поводу российской внешней политики — с чем-то, что пишет и говорит С.А. Как правило, не согласен. Но это ярко, живо, захватывающе. Фундаментализм этих статей блестящ, их архаичность прямо тянет за собой, их маскулинность не токсична, а... Ну как сказать? Всё то, что есть привлекательного в маскулинности».

Далее следуют похвалы Караганову как менеджеру. Я ни в коем случае не хочу упрекнуть Константина Сонина ни в чём. Его способность сохранять человеческие отношения с идеяными оппонентами и видеть в них положительные черты — это прекрасное качество. Но, возвращаясь к метафоре о «слоне

в комнате», которого все видят, но никто якобы не замечает — хочется сказать следующее.

Всем было известно, что под видом «теории международных отношений» в России преподаётся и обсуждается (на государственных форумах) — лженеука. Всем было известно, кто читал того же Караганова, что взгляды его, и его последователей — это взгляды мало того, что не имеющие ничего общего с наукой, но ёщё и милитаристские, направленные на оправдание экспансии и нарушений как международного права, так и прав человека.

Сегодня мы в полной мере можем наблюдать разрушительный эффект — как подобной системы взглядов, так и снисходительного отношения к ней со стороны коллег. Я бы хотел обратить внимание на этот кейс.

P. S. Спустя несколько дней после выступления Сергей Караганов опубликовал статью «Тяжелое, но необходимое решение: применение ядерного оружия может уберечь человечество от глобальной катастрофы» в журнале «Россия в глобальной политике». Публикация вызвала множество разговоров, от оценок Караганова как учёного до этических дилемм, связанных в принципе с самой *возможностью* так ставить вопрос. Однако произошло ровно то, о чём было сказано выше: превращение науки в инструмент идеологического обоснования действий режима привело к тому, что граница между «статусными учёными» и «безумными пропагандистами» оказалась почти неразличима.

DOI: 10.55167/7ac9bof41cc1

От ворованной науки — к поиску корней лженауки

Андрей Заякин

Кандидат физико-математических наук, сооснователь сообщества Диссернет, профессор Свободного университета

В 2013 году возникло сообщество «Диссернет», которое занялось изучением нарушений научной этики в России. В фокусе «Диссернета» оказался плагиат в диссертациях. Далее деятельность «Диссернета» расширилась и охватила такие явления, как плагиат в научных журнальных публикациях и монографиях, фальсификация эмпирических данных в статьях и диссертациях, подделка выходных данных книг, изготовление и защита диссертаций на заказ (так называемое «диссероделание»), аккумуляция судебных экспертиз, выполненных с нарушениями академических стандартов.

К 2023 году «Диссернет» предъявляет публике успехи, которые показались бы 10 лет назад совершенно недостижимыми. Это более 12 500 диссертаций, проверенных стандартным диссернетовским способом вручную, более 450 000 диссертаций, проверенных в автоматическом режиме; более 1000 организаций, внесенных в базы данных организаций с диссертационными нарушениями. В каталог участников диссеродельной индустрии внесено более 38 000 лиц, которые участвовали в сфальсифицированных защите в разных качествах. Обнаружено более 1500 случаев фальсификации эмпирических данных исследований в диссертациях.

Около полутора тысяч научных периодических изданий внесено в «Диссеропедию журналов». 1394 статьи ретрагировано (отозвано) из журналов после обращения «Диссернета» или на основе его данных. Выявлено более 6000 журнальных научных статей с переводным плагиатом.

«Диссернетом» было подано более 1950 заявлений о лишении ученой степени. По заявлениям «Диссернета» было вынесено более 7000 решений диссоветов, экспертных советов

и Президиума ВАК. Диссертационные советы вынесли более 1520 решений о лишении ученой степени и более 380 решений об отказе в лишении ученой степени.

Судебный проект «Диссернета» аккумулировал около 35 судебных экспертиз с разнообразными нарушениями научной этики.

В этих условиях «Диссернет» мог бы ограничиться продолжением уже освоенных методов и направлений работы.

Однако мы поставили задачу — выяснить, насколько фальсификация диссертаций связана с фальсификацией содержания науки. В Докладе «Диссернета»¹ было показано, что имеет место связь подлога эмпирических (численных) данных наблюдений и эксперимента с плагиатом.

Ранее мы также указывали на то, что содержательная фальсификация приобрела в социальных и гуманитарных науках угрожающий размах². Как мы показали в этом исследовании, основные формы, которые принимает фальсификация, носят следующий характер и обладают следующими отличительными чертами:

- использование конспирологических «теорий» в качестве научных;
- конструирование научного дискурса из мифологических или религиозных концепций;
- представление голословных утверждений, «городских легенд» или исторических анекдотов в качестве достоверных фактов;
- переход на язык политической публицистики или пропаганды;
- эксплуатация и разжигание ненависти и ксенофобии;

1. Доклад Диссернета IX. О манипуляции с эмпирическими данными в научных работах. Москва, 2023. URL: https://wiki.dissernet.org/tools/Conferences/IX_manipulations.pdf.

2. Заякин А. Наука враты и ненавидеть. Как (многие) представители социальных и гуманитарных наук в России сделали безумие нормой. Рефорум, 16.04.2022. URL: <https://reforum.io/contents/uploads/2022/04/zayakin.pdf>.

- подмена принципа объективной истины принципом политической целесообразности³;
- отказ от поиска объективной истины⁴ в пользу «эпистемологического релятивизма».

При этом отмечалось, что в социальных и гуманитарных науках в России существует совершенно устоявшееся мнение о допустимости плагиата и других этических нарушений⁵.

Несложно видеть, что общей характеристикой этих особенностей является их идеологизированность. Можно предложить гипотезу, что источник этой идеологизированности — влияние коммунистической идеологии, которое распространялось на академическую среду через комплекс «марксистских» дисциплин —ialectический и исторический материализм, теория научного социализма и коммунизма, история КПСС, партийное строительство, история марксизма-ленинизма.

Многократно указывалось на то, как коммунистическая идеология повлияла на упадок ряда наук в Советском Союзе, причем не только социально-гуманитарных (философия, история, социология, политология), но и естественных (биология)⁶. При этом идеологизация приводила не только к снижению

3. Ярким примером является докторская диссертация В. Р. Мединского по истории, ср.: Аникин А. Е. и др. О методах научного исследования и диссертаций В. Р. Мединского // Коммерсантъ. 28.10.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3127495>.

4. Ср., напротив: Зализняк А. А. «Истина существует, и целью науки является ее поиск» // Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464.

5. Абалкина А. А. Толерантность к плагиату в российском научном сообществе // Управление наукой: теория и практика. Т. 1. № 2. 2019. URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/35/51>.

6. См., напр., исследования В. Сойфера на эту тему: Сойфер В. Н. Сталин и мошенники в науке. Москва: Добросвет, 2012. — 503 с.

научного уровня, но и к прямой фальсификации науки и даже практически полному истреблению целых ее отраслей⁷.

В данном исследовании мы хотим поставить вопрос о том, можно ли связать коммунистические идеологические дисциплины с пролиферацией фальшивых диссертаций в 1990–2000-е годы. Основное допущение, благодаря которому такая постановка вопроса кажется разумной, состоит в том, что, коль скоро плагиат связан с фальсификацией науки, а последняя связана с идеологизированностью, то может обнаружиться зависимость между влиянием идеологических дисциплин и фабрикацией недобросовестных диссертаций.

Мы проверяем два подхода: просопологический и статистический. Под просопологическим подходом мы подразумеваем изучение научных биографий руководителей крупных диссеродельных фабрик. Наличие в их советской карьере диссертаций или статей по идеологическим «наукам» мы расцениваем как аргумент в пользу справедливости нашего предположения. Под статистическим подходом мы имеем в виду оценку, насколько наличие у данного лица в позднесоветское время трудов по специальностям «марксистского цикла» повышает вероятность данного лица стать диссероделом (то есть руководителем или серийным оппонентом фальшивых диссертаций) в 1990-е — 2000-е гг.

Московские диссероделы

Типичная карьера преподавателя идеологических дисциплин видна на примере “главного диссеродела России” Александра Данилова⁸. Его кандидатская диссертация «Комсомол — активный помощник КПСС в идеально-нравственном воспитании рабочей молодежи в ходе социалистического соревнования: 1966–1980 гг.» и докторская «Партийное руководство развитием

7. Valery N. Soyfer. The consequences of political dictatorship for Russian science // *Nature Reviews. Genetics*. Vol. 2. September 2001. Pp. 723–729. URL: https://tauruspet.med.yale.edu/staff/edm42/IUPUI-website/emorris.tar/emorris/Ethics%20Course%2009/Journal%20articles/lysenko-nature-rev-genetics2001-nrg0901_723a.pdf.

8. URL: <https://dissernet.org/person/DanilovAA>.

творческой активности работающей молодежи, 70-80-е годы» защищены в МПГИ (сейчас — МПГУ) по специальности 07.00.01 «История Коммунистической партии Советского Союза». На его личном счету 23 фальшивые защиты в 2000–2010-е гг., и несколько сотен фальшивых защит в МПГУ. Только в одном возглавляемом им диссовете имели место 185 фальшивых защит⁹. После защиты, согласно данным elibrary¹⁰, мы не наблюдаем сколь-нибудь заметной публикационной активности, кроме публикации школьных учебников. Зато с 2000-х гг., по данным «Диссернета» отслеживается бурная диссеродельческая активность.

Соучастником деятельности диссеродельческой фабрики Данилова был МГГУ им. Шолохова, так как этот вуз часто выбирался диссероделами для «перекрестного опыления». Экс-проректор МГГУ им. Шолохова Валерий Михайлович Борисов¹¹ причастен к 12 фальшивым защитам диссертаций. Его диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Партийное руководство совершенствованием работы местных Советов в условиях развитого социализма: (На материалах Московской областной партийной организации)» была защищена также по специальности 07.00.01. До начала своей диссеродельческой карьеры Борисов находился на госслужбе в Министерстве образования и науки¹².

В центре российского диссероделания также много лет находился РГСУ. В нем сложно выделить отдельных диссероделов, лично причастных к защитам; скорее, речь следует вести о коррумпированной системе. Во главе РГСУ находилось семейство Жуковых; основатель РГСУ, академик Василий Иванович Жуков¹³ защитил диссертацию «Принцип коллективности партийного руководства и его освещение советской историографией 1956–1978 гг.» по специальности 07.00.01 и докторскую

9. URL: https://dissernet.org/organization/discouncil/d_212_154_01?key=12.

10. URL: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=77984.

11. URL: <https://dissernet.org/person/BorisovVM>.

12. URL: <https://disser-graf.livejournal.com/7669.html>.

13. URL: <https://dissernet.org/person/ZukovVI>.

«Осуществление и развитие КПСС принципа демократического централизма: современная историография». Именно Жуков был председателем диссовета, в котором состоялась защита исторической диссертации В.Р.Мединского¹⁴.

Наконец, третий важнейший федеральный центр диссероделания — экономический факультет РГГУ. Здесь было защищено¹⁵ около 100 фальшивых диссертаций. Фактически диссероделание находилось под руководством профессора Валерия Владимировича Минаева¹⁶, хотя в своем личном качестве он выступал руководителем или оппонентом фальшивых диссертаций не очень часто.

МГУ был более скромным, но важным центром диссероделания. Одним из ведущих диссероделов¹⁷ факультета госуправления МГУ была Мысляева Ирина Николаевна, которая защищила диссертацию «Роль личного потребления в реализации высшей цели социалистического производства» в 1984 году.

Региональные диссероделы

Руководителями провинциальных школ диссероделания также часто оказываются представители идеологических дисциплин.

Канонический пример — руководитель Тамбовской диссеродельческой школы Владислав Юрьев. Он написал в 1985 году диссертацию «Оптимальное сочетание экономических интересов производственного коллектива на этапе развитого социализма». В его дальнейшей биографии нет следов активной научной деятельности¹⁸. В 1997 году он защищает докторскую диссертацию, в 2000-е начинается его карьера дис-

14. Репринцева Ю. А была ли вообще защита диссертации Мединского? // Новая газета. № 116. 18.10.2017. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/10/16/74225-a-byla-li-zaschita-dissertatsii-medinskogo>.

15. URL: https://dissernet.org/organization/discouncil_d_212_198_01?key=12.

16. URL: <https://dissernet.org/person/MinaevVV>.

17. URL: <https://dissernet.org/person/MyslaevaIN>.

18. URL: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=177638.

серодела. В диссовете под его председательством защищено¹⁹ 140 фальшивых диссертаций.

Владимир Иванович Долгий²⁰ — лидер саратовских диссероделов из Саратовского социально-экономического института — филиала РЭУ им. Плеханова. Его кандидатская диссертация — «Обобществление труда и его особенности в условиях совершенствования социализма». Вплоть до защиты докторской диссертации научная биография по elibrary не прослеживается.²¹ Саратовский филиал Плехановки впоследствии стал важным центром для вторичного «отмывания» диссертаций, то есть для спасения недобросовестных диссертантов от лишения ученых степеней (см. раздел «Позорные решения»²² на сайте «Диссернета»). В частности, огромную роль филиал сыграл²³ в попытках отбеливания репутации Стандартинформа²⁴.

Николай Петрович Гибalo²⁵ — глава костромской диссеродельной традиции. Его кандидатская диссертация — «Производственный коллектив и его роль в управлении социалистическим промышленным производством», докторская диссертация — «Повышение эффективности социалистического соревнования на основе развития внутриколлективных экономических отношений». На счету Гибalo — 13 случаев диссероделания.

Директор Юридического института ПГУ (Пензенского государственного университета) Гошуляк Виталий Влади-

19. URL: https://dissernet.org/organization/discouncil/d_212_261_01.

20. URL: <https://dissernet.org/person/DolgijVI>.

21. URL: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=313183.

22. URL: <https://dissernet.org/revocation-of-degrees/shameful-decisions>.

23. Гельфанд М. С. Метаплагиат // Троицкий вариант — наука.

10.06.2019. № 281. С. 7. URL: <https://www.trv-science.ru/2019/06/metaplagiat/>.

24. Абалкина А. А. Стандартинформ больше не по стандарту // Троицкий вариант — наука. 05.12.2017. № 243. С. 12. URL: <https://www.trv-science.ru/2017/12/standartinform-bolshe-ne-po-standartu/>.

25. URL: <https://dissernet.org/person/GibaloNP>.

мирович²⁶ защитил в 1984 году диссертацию «Деятельность Коммунистической партии Украины по привлечению рабочего класса к совершенствованию советского законодательства и укреплению правопорядка в условиях зрелого социализма». На его счету 18 фальшивых защит.

Видную роль в крышевании фальшивых диссертаций в Экспертном совете ВАК по экономике играл Мельников Александр Борисович²⁷. В личном качестве он причастен к 7 фальшивым защитам. Его диссертация — «Международная экспансия транснациональных корпораций как фактор обострения противоречий современного капитализма».

Статистика

В 1970-е и 1980-е годы по данным РГБ, 483 561 человек защитили диссертации. Из них 5602 стали диссероделами в 1990-е — 2000-е гг. Таким образом, по генеральной совокупности диссертантов вероятность стать диссероделом можно оценить как 1,2%. За тот же период 7021 человек защитили диссертации по специальностям «Диалектический и исторический материализм», «Теория научного социализма и коммунизма», «История Коммунистической партии Советского Союза». Из них 224 стали диссероделами в 1990-е — 2000-е гг. Поэтому для представителей идеологических специальностей вероятность стать диссероделом составляет 3,2%.

Другой способ проверить идеологические диссертации на токсичность — построить выборку тем по ключевым словам и проверить, сколько авторов этих диссертаций станут диссероделами. Были выбраны ключевые слова: *комсомол?*, *парти?*, *пионер?*, *материали?*, *атеи?*, *коммуни?*, *социали?*, *империали?*, *капитали?*, *маркс?*, *ленин?*, *энгельс?*, *большеви?*, *ВКП(б)*, *КПСС*, *ВЧК* (знак ? используется для любой последовательности символов); по этим ключевым словам в темах работ получена выгрузка — 26 074 диссертаций, защищенных в 1970–1980 гг., что соответствует примерно 25 500 персоналиям. После сравнения с базой

26. URL: <https://dissernet.org/person/GosulakVV>.

27. URL: https://dissernet.org/person/Mel_nikovAB.

персоналий «Диссернета» мы выяснили, что из них 913 авторов стали диссероделами в 1990–2020 гг. Это дает оценку вероятности для «носителя коммунистической диссертации» стать диссероделом в 3,6%, что в три раза больше средней вероятности по всем отраслям науки и хорошо согласуется с оценкой, сделанной другим методом в абзаце выше.

Выводы

Темы диссертаций ведущих диссероделов говорят сами за себя. Их невозможно отнести к науке; это — система предвзятой аргументации для обоснования заранее известного тезиса (например, превосходства социалистического строя над капиталистическим и т. п.). Мы показали, что вероятность для авторов диссертаций по идеологическим специальностям и лексикографически подобных диссертаций стать диссероделами примерно в три раза превышает такую вероятность для генеральной совокупности диссертантов.

Приведенные нами просопографические и статистические данные дают основание для формулировки гипотезы, что идеологические псевдонауки советского времени стали одними из тех зерен, из которых произросло диссероделание 2000-х — 2010-х гг. Полная проверка этой гипотезы требует анализа более полных данных и более аккуратного вычленения идеологической лженеуки из массива научных работ позднесоветского времени. Она также требует привлечения к анализу обширного корпуса журнальных публикаций позднесоветского времени. Однако уже имеющихся данных достаточно, чтобы считать саму постановку такой исследовательской задачи правомерной.

DOI: 10.55167/689032e7169d

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КУЛЬТУРОЙ

Материалы круглого стола «Что происходит с культурой после 24 февраля 2022 года» встраиваются в серию круглых столов Свободного университета, организованных в рамках международного проекта Scholars at Risk и решающих задачу промежуточного осмыслиения процессов в русскоязычной науке и соседних с ней сферах производства знания после перехода гибридной войны в Украине к фазе агрессивного вторжения.

В круглом столе, состоявшемся 15 июня 2023 года, приняли участие театральный критик Нина Агишева, выступившая на тему «Как война изменила русский театр», культуролог Ольга Рогинская с докладом «Теории перформативности и театральности» в аспекте их применения в пространстве повседневности, поэт и эссеист Катя Капович с наблюдениями о причинах и путях устранения монументальной пропаганды русской литературы в Украине, а также культуролог Ян Левченко с сообщением о состоянии российского кино до и после 24 февраля и отложенных перспективах изменений в этой отрасли.

Магистральный сюжет встречи гуманитариев, исследующих вопросы визуальности, игры и исполнительского искусства, оформился вокруг новой эмиграции и процесса ее неизбежного размежевания с теми, кто остался в России независимо от позиции, которую вчерашние и сегодняшние россияне занимают в отношении продолжающейся войны.

Ян Левченко

Добро пожаловать в Зомбилинд: российский кинематограф новой войны

Ян Левченко

Профессор Свободного университета, журналист медиагруппа Postimees, Таллинн)

Ключевые слова: кинематограф, сериалы, блокбастеры, авторское кино, российская культура, культурная политика, экономика культуры, пропаганда, идеология.

Аннотация: В статье рассматривается драматичный слом траектории российского кино, успевшей до 24 февраля 2022 года оформиться в историю успеха. Основная гипотеза состоит в том, что с учетом инерционного характера данной отрасли культурного производства кинематограф «подновленной» РФ лишь к концу 2023 года в полной мере обнаружит последствия перехода культуры в режим обслуживания террористического государства.

В 2022 году петербургская группа Tequilajazzz в лице своего лидера — бас-гитариста Евгения Федорова — переехала в Таллинн и сменила три последние буквы на русские «з». Рутинный парадокс эпохи зловещих перевертышей состоит в особом прочтении некогда яркой и стильной латинской литеры, на фоне которой русская буква внезапно превратилась если не в признак антиоенного языка, то по меньшей мере в инструмент дистанцирования от нынешней России. Для окружающего мира это советский зомби, вставший из гроба. Сам он, впрочем, убежден, что всего лишь поднялся с колен.

Кинематограф страны, ведущей захватническую войну, но не признающей ее таковой, еще с 2014 года включал в себя устойчивый сегмент пропагандистских произведений, которые не замечали кинокритики и неохотно смотрели зрители. Так, например, снятые в 2014 году образцы прямой антиукраинской пропаганды, такие как «Военный корреспондент» или «Русский характер», были сделаны по заказу телеканалов

и, будучи не сериалами, а кинофильмами по хронометражу, в кинотеатрах не шли, тогда как показатели их просмотров на «России» и «НТВ» недоступны. Одиозный «Крымский мост. Сделано с любовью» (2018) по сценарию Маргариты Симоньян при бюджете 154 245 687 рублей собрал в прокате 70 856 638, то есть принес убыток свыше 83 млн рублей¹. Фильм опытнейшего Рената Давлетьярова «Донбасс. Окраина» (2018) при бюджете 105 721 524 рубля принес вместе с зарубежным (СНГ) прокатом 21 616 406 рублей по курсу 62 рубля 60 копеек за доллар. То есть его чистый убыток составил 84 105 118 рублей. Минкульт РФ будто бы объявляет питчинг под негласным девизом: «Кто освоит больше государственных средств и принесет меньше прибыли».

Эти сокрушительные прокатные провалы усыпляли бдительность российской культурной публицистики, считавшей ниже своего достоинства обращать внимание на пропагандистские поделки, если их даже народ не смотрит. При этом упускалось из виду, что целевая аудитория подобной кинопродукции привыкла пользоваться пиратскими сервисами или же подключаться к дешевым *ivi.ru* и *more.tv*. Судя по комментариям на форумах и том же «Кинопоиске», люди активно потребляли эти произведения, хоть и журили их за низкий уровень. Что касается идеи дегуманизации населения бывших республик СССР, в первую очередь, расположенных на западных границах, то она встречала горячую поддержку в российских массах начиная, как минимум, с фильма «Брат 2». Автор этих строк прекрасно помнит овацию, которой в 2000 году зал кинотеатра «Кристалл-Палас» на Невском проспекте встретил фразу: «Вы мне, гады, еще за Севастополь ответите!».

После начала полномасштабного вторжения в Украину изменения в российской киноиндустрии были неизбежны. Однако особенность кинематографической отрасли состоит в ее крайне инерционном характере. За редкими исключениями летом 2023 года в российских кинотеатрах шли фильмы, производственный период которых, если и начался после 24 февраля

1. Здесь и далее данные приводятся на основании ресурса www.kinopoisk.ru, являющимся локальным аналогом базы IMDB.

2022 года, то в любом случае был запланирован раньше. В этом смысле такие масштабные и предсказуемо провальные фильмы, как снимавшийся летом 2021 года историко-пропагандистский «Нюрнберг» Николая Лебедева (вышел в марте 2023-го и собрал 317 391 768 рублей при бюджете в 674 300 000!), поучительны тем, какие акценты невольно расставляет в них новая эпоха.

Иногда ошибочно называемый «последним предвоенным», 2021 год был годом надежд и сюрпризов российского кино. От него не ждали «мирового прорыва», какие в свое время осуществили южнокорейская, румынская или «странная греческая» волны, так как сама структура киноиндустрии в 2010-е годы фундаментально изменилась. В частности, потеряло актуальность понятие «национального кино», ныне вынужденно возрождаемое в той же России по факту ее международной изоляции. И тем не менее, какой бы сейчас очевидной ни представлялась токсичность России начиная с аннексии Крыма, именно в период 2014–2022 годов российский кинематограф успешно врастал в мировой. Россияне научились делать востребованные сериалы для Netflix, если вести отсчет с таких позиций, как «Мажор» (2014) и «Метод» (2015). Это были тестовые покупки онлайн-сервиса, и они оправдали ожидания. *I was hanging around again and again* — так можно резюмировать комментарии к российской продукции, которую даже не собирались ассоциировать с действиями России в Крыму на Донбассе. Вскоре была снята «Спарты» (2016) и самое главное — «Эпидемия» (2019), которая очень подкупила интернациональную аудиторию тем, что не пыталась настойчиво продавать ей детали российской истории и политики, развертывая постапокалиптическую дистопию в категориях универсального сюжета².

Накануне большой войны «русские» (хотя война в Украине заставила, кажется, окончательно отказаться от некритического употребления этого термина) научились делать продукт, который может быть интересен кому-то за пределами русскоязычной аудитории не своей экзотичностью и отработкой

2. Kao A. Review: Russian show 'To the lake' entertainingly bolsters Netflix's pandemic era offerings // Cinema Escapist. 20 Oct 20. URL: <https://www.cinemaescapist.com/2020/10/review-to-the-lake-netflix/>.

стандартов «Толстоеевского», но лишь грамотно специализированной аранжировкой универсальных историй. Характерный случай — комиксовая вселенная «Майор Гром», первая полнометражная часть которой под названием «Чумной доктор» пророчески снималась накануне пандемии, была куплена все тем же Netflix и показана в 65 странах. В 2022 году вышел быстро снятый приквел «Трудное детство», на 2024 года запланирован выход «Игры». В саге о Громе важно, что она вырастает из графической субкультуры и гибко относится к реальности. Это такой же условный мир, сеттингом которого является Санкт-Петербург, что и в супергеройской вселенной Marvel, где какой-нибудь Нью-Йорк совершенно не обязан быть идентичным оригиналу. Там свои законы, к которым давно приучен зритель во всем мире. И режиссер франшизы Олег Трофим, записывающий видеоэссе о структуре собственных мизансцен и выпускающий душевые песни под псевдонимом Оленжон в коллaborации с «российским Coldplay» — группой Sirotkin, — отлично усвоил эти законы. Однако злая ирония состоит в том, что вся эта универсальность в современных реалиях лишилась остатков смысла.

Незадолго до полномасштабного вторжения в Украину Россия обратила на себя внимание и в сегменте среднебюджетного артхауса. 2021 год в этом смысле без преувеличений достоин отдельной книги, наподобие 1999-го³. В том году Венеция рукоплескала картине «Капитан Волконогов бежал» Натальи Меркуловой и Алексея Чупова, это продолжалось 8 минут, сколько идут финальные титры⁴. Там же хорошо приняли «Мама, я дома» Владимира Битокова — выпускника кабардино-балкарского курса Александра Сокурова. В Каннах финско-российская копродукция «Купе номер шесть» Юхо Куосманена получила Гран-при жюри, с призами уехали оттуда «Петровы в гриппе» Кирилла Серебренникова и «Разжимая кулаки»

3. Рафтери Б. Лучший год в истории кино. Как 1999 изменил все / Пер. с англ. А. Карташова, Л. Шерера. М.: Individuum, 2020.

4. Наташа Меркулова и Алексей Чупов: «Нас интересует пограничная полоса в человеческом сознании» // Proficinema. 24.09.2021. URL: <https://www.proficinema.com/interviews/detail.php?ID=343032>.

Киры Коваленко — еще одной ученицы Сокурова. «Межсезонье» Александра Ханта, взявшее приз в Таллинне, и «Герда» Натальи Кудряшовой, отмеченная в Локарно, достраивали ряд, изумляющий всех, кто привык к хроническому дефициту профессионализма в российском кино. Авторский кинематограф также перестроился на новый уровень непосредственно перед тем, как руководство страны принесло все ее достижения в жертву богу войны.

«Лебединой песней» этого многообещающего процесса стал фильм Натальи Мещаниновой «Один маленький ночной секрет», снимавшийся на стыке 2021–2022 годов и попавший в конкурс Роттердамского фестиваля, несмотря на пресловутый «кэнселинг всего русского», степень которого пропорциональна близости к границам России. Максимум, на что способно нынешнее авторское кино, чтобы показать хотя бы видимость независимости — это когда главный редактор журнала «Сеанс» Любовь Аркус распространяет созданный со своими и для своих метафильм «Балабанов. Колокольня, Реквием» (2023). Это кинематограф в режиме фатической функции коммуникативного акта⁵, подчеркивающий важность сообщения как такового: вот мы, «Сеанс», остаемся и работаем, где работали — то ли как «русский ковчег», то ли как башня из слоновой кости.

В 2022 году многое, что было связано с постсоветской инерцией затянувшегося промежутка, разлетелось вдребезги. Деятели культуры в основной массе остались в стране, ведущей агрессивную войну. Статистически невозможно, чтобы люди, имевшие в России очень хорошие перспективы до самого последнего времени, внезапно уехали в неизвестность. Кирилл Серебренников, уехавший сразу после освобождения из-под стражи и успевший получить необходимые дивиденды от этого решения, или Чулпан Хаматова, которую приютил в своем театре хорошо чувствующий конъюнктуру Алвис Херманис, не могут служить примерами для других, кто не имеет сопоставимых связей на Западе. При этом если театр еще может

5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М.: Прогресс, 1975. С. 197.

функционировать там на русском языке, будучи заведомо камерным явлением, то кино в эмиграции проблематично. Пусть 100 лет назад какие-то примеры еще были возможны, хотя и просуществовали они очень недолго⁶, тогда как нынешнее устройство индустрии изначально блокирует появление каких-либо анклавов, которые могли бы снимать за границей русскоязычное кино.

В России в поле публичной работы остаются те, кто сделал выбор в пользу сделки, от которой уже не отмыться. Но это и неважно, если жить одним днем. Тем более, что опыт почти безболезненного превращения советской элиты в российскую после демонтажа Советского Союза вселяет надежду. Люди, ныне связавшие себя сотрудничеством с нынешним руководством по факту работы в России, рассчитывают, что даже в случае скорой смены режима, прекращения войны и начала политических реформ им ничего не грозит. Разве что кто-то засветился в производстве не просто пропагандистских, но нарочито человеконенавистнических фильмов с финансовым участием Евгения Пригожина — «Солнцепек» (2021) или «Лучшие в аду» (2022). Хотя в свете неудавшегося военного мятежа в конце июня 2023 года людей, в том или ином качестве сотрудничавших со структурами ЧВК «Вагнер», могут ждать самые серьезные проблемы как раз при правящем режиме.

Об этих весьма специфических военных боевиках стоит сказать отдельно. Они претендуют на выражение особой, не во всем совпадающей с линией власти позиции, в которой совмещаются противоположные понятия «военного братства» и циничного профессионализма. Первый из фильмов рассказывает историю бывшего «афганца», волей случая оказавшегося водителем «скорой помощи» в Луганске 2014 года и наблюдающего неприглядную «правду войны» (террор со стороны Украины, которую инструктируют западные военные). Картина находится в одном ряду с вышедшими в том же (!) году боевиками по сценариям все того же Владимира Измайлова, такими как

6. Подробнее: Нусинова Н. И. «Когда мы в Россию вернемся...» Русское кинематографическое зарубежье 1918–1939. М.: НИИ киноискусства, Эйзенштейн-центр, 2003.

«Турист», «Гранит» и «Шугалей 3»⁷, где на материале разных африканских стран рассказывается о работе российского спецназа. Параллельно фестивальным успехам кино России 2021 года активно обрабатывало определенный зрительский сегмент, приучая к войне, ведущейся «альтернативными» методами на чужой территории.

Второй фильм, снятый летом 2022 года на натуре разрушенного города Попасная Донецкой области и выложенный в сеть уже в октябре, представляет собой чистый шутер. Это кино без protagonистов, без драматургического конфликта, без мотивации действия и выводов, способных пролить свет на причины и последствия происходящего. Таков избранный авторами прием, как свидетельствует находящийся в позиции внутритеатрового комментатора герой Алексея Кравченко — профессионал войны, перекочевавший сюда из «Солнцепека» и по пути сокративший эмоциональный диапазон. Это чистый человек-функция под стать «желтым» и «белым», которые в фильме неизвестно почему убивают друг друга, демонстрируя, что у современной войны нет никакого смысла, кроме нее самой. Именно это обстоятельство позволило ведущему телеканала «Дождь» Алексею Коростелеву (который в декабре 2022 года отличится неаккуратными формулировками и будет уволен с канала) всерьез назвать фильм, снятый на деньги Пригожина, «антивоенным»⁸.

Упрощение, по пути которого идет российское военное кино на примере этих экстремальных боевиков, неизбежно и по идеологическим, и по финансовым резонам. В условиях военной экономики, как бы государство ни пыталось их замаскировать, такие «пеплумы», как «Нюрнберг», можно только

7. Шугалей — фамилия реального социолога, которого Пригожин нанимал для исследований в африканских странах и который действительно угодил в тюрьму в Ливии. Из этой истории нанятые Пригожиным кинематографисты сумели выжать целых три серии франшизы. В роли «социолога» в этом проекте снялся известный по ролям бандитов и близких им сотрудников полиции Кирилл Полухин.

8. См. сюжет в эфире «Дождя» от 18 октября 2022 года. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T9K8UiJQKzg>.

закончить. А такие картины, как начавшая сниматься именно в период развязывания масштабной войны историческая драма Андрея Смирнова «За нас с вами» могут реализоваться только за счет репутации постановщика и выйти только на стриминговых сервисах, дабы избежать излишнего внимания в актуальных условиях. Уж слишком очевидны, во всяком случае, уехавшим критикам, параллели между 2023 и 1952 годом, когда происходит действие картины, являющейся референсом к «Хрусталев, машину!» Алексея Германа-старшего⁹. О данных проката тут речи не идет — вне зависимости от перспектив нынешней России такие фильмы оркеструют конец определенной эпохи.

При этом ситуация с кинопрокатом в России пока не дает оснований для тех опасений, которые высказывались весной 2022 года в связи с постепенным уходом из страны крупных зарубежных кинокомпаний. Инерция в этом поле особенно велика. Не стоит сбрасывать со счетов и параллельный импорт через страны Центральной Азии вроде лояльного России и очень платежеспособного Казахстана. Наконец, расцвели так до конца и не забытые практики нелегальной дистрибуции. По сути дела, Россия вновь становится той «пиратской бухтой», о чем в расширенном, спроектированном на все государство значении писал уже более года назад публицист Иван Давыдов¹⁰.

Согласно ежегодному отчету исследовательского департамента прокатной компании «Невафильм», российский прокат прошлого года не почувствовал заметных перемен. Снижение прибылей на 4–6 процентов весной 2022 года выправилось до 2 процентов к началу текущего года¹¹. Еще никогда россий-

9. Долин А. «За нас с вами» Андрея Смирнова — фильм о жизни коммуналки накануне смерти Сталина // Медуза. Истории. 7.06.2023. URL: <https://meduza.io/feature/2023/06/07/za-nas-s-vami-andreya-smirnova-o-zhizni-kommunalki-nakanune-smerti-stalina>.

10. Давыдов И. Пиратская бухта. Специфика понимания свободы в современной России // Republic. Власть. 18.05.2022. URL: <https://republic.ru/posts/103925>.

11. Отчет распространяется в виде защищенного PDF-файла в случае его заказа на сайте компании: <https://research.nevafilm.ru/research/research-news/view/russian-cinema-marke-1>.

ские фильмы не приносили такую прибыль. Зритель идет на российское — и потому что уже привык смотреть в среднем качественный продукт на родном языке, и потому что работает идеология «осажденной крепости», где «весь мир против нас, а нам все нипочем», и потому что присутствие зарубежной продукции в кинотеатрах снизилось, несмотря на пиратские уловки. Наконец, «золотые сны» кино — проверенная стратегия развлекательной индустрии тоталитарных режимов, что отчетливо просматривается в истории советской и нацистской комедии, итальянском «кино белых телефонов»¹² и т. д. Это узнаваемый косплей правил советского проката.

Яркий пример успеха развлекательного фильма в современных российских условиях — «Чебурашка» Дмитрия Дьяченко, выпущенный компанией «Централ Партнершип» 1 января 2023 года. Его прокатные показатели впечатляют. Огромный бюджет 850 000 000 рублей многократно окупился, поскольку фильм собрал в прокате рекордную сумму, к июлю 2023 года превысившую 6,5 млрд рублей.

Этому феноменальному результату способствовали разные факторы, из которых главный — стремление зрителя к эскапизму. При этом по антуражу фильм совершенно не новогодний, его действие развертывается в фантастичном Сочи в разгар курортного сезона. И даже это совершенно неважно для восприятия внесезонной и вневременной истории, предлагающей зрителю путешествие в невозможную Россию, созданную в официально заблокированных, но активно используемых Инстаграм-аккаунтах звезд путинской России и подражающей этим звездам публики.

Место и время действия — принципиальное «нигде и никогда». Это мир советского ретро с этикеток современных российских дизайнеров, подражающих нижегородскому

12. Cinema del telefoni Bianchi — период в кинематографе фашистской Италии (1936–1943), названный по присутствующим в кадре белым телефонным аппаратам, являвшимся в те годы признаком высокого общественного статуса. Фильмы Марио Камерини, а также ранних Витторио де Сика и Луиджи Дзампа как раз propagандировали социальную иерархию и всячески «лакировали» действительность.

художнику Валерию Барыкину, которому 10 лет назад первому пришло в голову объединить стили американских pin-up magazines 1940-х годов и советской «Книги о вкусной и здоровой пище». Тут и мотороллер «Муравей», и машина «Иж», известная как «Каблук», и ларек с мороженым из сталинского ЦПКиО, и конструктивистская вилла а-ля Корбюзье. Тут есть частный бизнес — конкурирующая с шоколадной фабрикой крохотная лавка в советском по экстерьеру и ядовитом по цветокоррекции курортном городе. В нем живут персонажи истории, продаваемой как «добрая сказка». Она и воспринимается как таковая на фоне происходящего и внутри того горизонта ожиданий, который сформирован культурой деструктивной ностальгии, уже не менее двух десятилетий определяющей массовое потребление в России.

Крокодил в этой истории превращается в человека — старого садовника Гену, который случайно обретает Чебурашку, хотя, в отличие от оригинального сюжета, совершенно этого не жаждет. Здесь вообще все строится на насилии, преодолении себя и встрече со своим «я» путем страшных мучений. Как это распространено в массовой экранной продукции РФ, в фильме «Чебурашка» персонажи говорят на повышенных тонах, их нормативным состоянием является взвинченность и заведомая неприязнь к окружающим, а реакции ненависти являются естественными, как бы стартовыми — для того, чтобы затем подвергнуться поучительной коррекции, «исправиться» и стать «добрьми». Фильм в целом работает как своеобразная анестезирующая терапия, его социальный заказ для современной России аналогичен тому, который выполняла в нацистской Германии музыкальная комедия «Девушка моей мечты» (1944, Георг Якоби) с Марикой Рёкк — главным секс-символом немецкого мира тех лет.

Российского зрителя должна, например, развлечь сцена апельсинового дождя, наносящего ощутимый урон городу — так или иначе она намекает на бомбардировки городов Украины и преобразует этот новостной шум в гротескный комедийный прием. Совершенно поразительна сцена с мальчиком в ракете, где оставленный без внимания ребенок взлетает в бутафорском летательном аппарате, который должен взорваться салютом

из шоколадных брызг. Создатели фильма, по всей вероятности, совершенно не задумываются, насколько расчеловечена аудитория, которую они конструируют.

Показательно, что тот же самый Дмитрий Дьяченко не-задолго до «доброго» «Чебурашки» снял менее лицемерный «таежный триллер» «Бешенство», который вышел в прокат 23 февраля. Режиссерам, работающим в так называемом коммерческом мейнстриме, подвластны любые жанры, на которые есть бюджет. В 2025 году выйдет сказочная картина Дьяченко «Финист — первый богатырь». Это название не может не напомнить о позорном суде «за оправдание терроризма» над режиссером Евгением Беркович, поставившей спектакль по пьесе «Финист — ясный сокол» обвиняемой по той же статье Светланы Петрийчук.

В настоящее время российский кинематограф демонстративно выбирает линию отказа от прямого пропагандистского прессинга, который происходил синхронно с успехами российского авторского кино незадолго до вторжения в Украину. Настало время углубления сходства с советским кино, которое лишь изредка позволяло себе открыто и заостренно выступать против козней «мирового империализма». Чтобы люди продолжали ходить в кино и приносить деньги как производителям, так и в виде налогов — воюющему государству, требуется создавать «красивые», «зрелищные» и «позитивные» истории. Тогда как фильмы типа «Русский крест» Эдуарда Боякова с Михаилом Пореченковым, разыгрывающие затертую карту «загадочной русской души», способны собрать в прокате менее 15 млн рублей — примерную стоимость недорогой квартиры в Москве. Российская киноиндустрия сокращается сообразно экономии военного времени, но ее реальная динамика с начала войны станет ясна лишь к началу 2024 года.

DOI: 10.55167/6677cfo2df27

Как война изменила русский театр

Нина Агишева

Кандидат филологических наук, театральный критик,

29 марта 2023 года актер Русского драматического театра в Улан-Удэ Артур Шувалов на поклонах после спектакля с красноречивым названием «Театр.Изнанка» вскрыл себе вены в знак протеста против позиции нового главного режиссера, поддерживающего агрессию России против Украины. До этого артист отказался выступать перед российскими военными и сорвал флаг с буквой Z с фасада театра. Так многочисленные случаи цензуры, давления власти на театральных деятелей, выступающих против войны, и откровенных репрессий обернулись первой кровью. Не привычным на подмостках клюквенным соком — кровью уже настоящей.

Как и настоящими, совсем не сценическими страданиями. В мае 2023 были арестованы замечательно талантливые режиссерка (так она сама себя называет) и поэтка Женя Беркович и писательница и драматург Светлана Петрийчук. Им предъявили обвинение в «оправдании терроризма» за спектакль «Финист Ясный Сокол», поставленный в 2020 году и получивший две «Золотые маски»! Запись его есть в YouTube, и каждый желающий может убедиться, что речь там о несчастных обманутых женщинах, которые дорого заплатили за то, что стали жертвами вербовщиков ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), и отправились в Сирию. В основе пьесы — протоколы допросов этих уехавших за тридевять земель в поисках счастья Марьушек (пьеса стилизована под фольклор) — и как раз разоблачает и осуждает терроризм в любых его проявлениях. Все профессиональное сообщество было оскорблено не только произволом власти, но и вопиющим непрофессионализмом заказной судебной экспертизы. Между тем и официальная поддержка известных деятелей искусства, и лучшие адвока-

ты не смогли добиться изменения условий содержания двух молодых женщин — суд отказал им в домашнем аресте, они были оставлены в СИЗО. Обеим грозит реальный срок по совершенно надуманному, не имеющему под собой никаких оснований обвинению. Так знаменитое театральное дело Кирилла Серебренникова, когда мы обживали помещения Мещанского и Бауманского судов в Москве, продолжается судилищем над Беркович и Петрийчук — друзья и сочувствующие пишут им письма, ходят на заседания и продолжают надеяться на здравый смысл. Цель этого нового театрального дела, конечно, — запугать все театральное сообщество, чтобы оно не позволяло себе даже намека на свободное и честное высказывание.

Тех, кто знаком с историей отечественного театра, это не должно удивлять. Вся наша театроведческая юность прошла под знаком душераздирающих писем Всеволода Мейерхольда о пытках в сталинском застенке (он был расстрелян 2 февраля 1940 года), людоедской истории закрытия театра Александра Таирова (режиссер сгорел от смертельной болезни и душевного недуга вскоре после того, как в мае 1949-ого опустил занавес своего театра навсегда). А расстрел на Бутовском полигоне актеров и режиссеров московского латышского театра «Скатуве» 27 декабря 1937 года? Судьба Леся Курбаса, создателя знаменитого украинского театра «Березіль», расстрелянного в урочище Сандармох 3 ноября 1937 года? Великий Соломон Михоэлс, раздавленный грузовиком по приказу НКВД 13 января 1948 года? Вспоминать бы об этом почеще нам, завсегдатаям прекрасных международных фестивалей NET (Новый европейский театр) и «Территория», на которые в Россию приезжали хэдлайнеры мировой сцены, и мы думали, что так будет всегда. Теперь только и остается, что мучительно размышлять: неужели эти переполненные залы, весь этот небывалый взлет отечественной сцены в десятых годах нового века никого ничему не научили? И в чем виноваты мы сами, если допустили — я уж не говорю о страшной, неправедно развязанной путинской властью войне — но и ничем не прикрыты гонения на любимое искусство? Как будто время повернулось вспять.

Театр — это пророческий, особый вид искусства. Вот лучший, на мой взгляд, спектакль позапрошлого московского сезо-

на «Костик» режиссера Дмитрия Крымова по чеховской «Чайке». Вместо знаменитого монолога про львов, орлов и куропаток из пьесы Треплева — Нина произносит там текст речи Егора Жукова на памятном всем, кто тогда еще не уехал из России, суде. А отставник Шамраев в самом начале спектакля просто-таки зачитывает «Основы государственной культурной политики России»: у нас мол особый путь, великая культура, не запад, упаси Боже, а главная задача — не допустить девальвации общепринятых ценностей. И как же органично ложатся эти тексты на знаменитые чеховские реплики! Надо ли говорить, что финал спектакля — в точном соответствии с первоисточником — знаменовал полное поражение молодых и жаждущих перемен Нины и Костика. Их опрокинуло цунами торжествующего казенного искусства, они жертвы аркадиных и тригориных: ее ждет наркотическое забвение, а его — выстрел из знаменитого ружья. Аншлаги, восторги критиков — и... недопущение этого спектакля до участия в главном национальном театральном конкурсе «Золотая маска». Он снят с репертуара. Все это произошло из-за антивоенной позиции режиссера, который уехал из России. Стало известно и о том, что из конкурса «выпал» еще один фаворит сезона — спектакль «Жизнь и приключения Тристрама Шенди, джентльмена», который режиссер Борис Павлович поставил в Театре имени Ленсовета. Это скорее всего месть за его же прекрасную «Юдифь» — моноспектакль украинской артистки Катерины Таран. И вопросы у меня только к уважаемым членам жюри той, уже прошедшей «Маски» — не стыдно вам было оценивать спектакли в отсутствие лучших и присуждать награды? Не честнее было бы если и не отказаться от участия в «Маске», то хотя бы не назначать победителей? Потому что все это пирровы победы и пирровы победители в нынешней ситуации.

Только факты

Возможно, мне возразят — но ведь никого пока не убивают, как при Сталине, правда? Только цензура. Не только! Вал самых разнообразных репрессий против лучшего и самого интересного, что есть сегодня на российском театре, столь впечатляющ,

что когда я стала просто выписывать факты, они заняли половину тетради. Спасибо сайту журнала «Театр», скрупулезно ведущему хронику войны против сцены в том числе. Спасибо режиссеру Никите Бетехтину, составляющему свою летопись отечественного театрального коллаборационизма.

С недавних пор находится под домашним арестом бывший директор Новосибирского театра «Красный факел» Александр Кулябин, отец всемирно известного режиссера Тимофея Кулябина, работающего ныне за границей. Это родство и стало причиной того, что против него возбуждено уголовное дело о растрате денежных средств в особо крупном размере (лишение свободы на срок до десяти лет). От заключения в СИЗО его — пока — спасло только поручительство видных российских театральных деятелей. А вот режиссер Всеволод Лисовский, автор замечательных экспериментальных спектаклей в Театре.doc и на многих других площадках, дважды лауреат «Золотой маски», целый месяц отсидел в Сахарово (это отделение полиции хорошо знакомо всем правозащитникам). Повод: проект под названием «Театр переходного периода» — пьесу Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи» предполагалось играть в подземных переходах. Возможно, на правоохранителей так подействовало само название. Его задерживали два раза, в отделении он читал «Государство» Платона. Но третьего ареста решил не ждать, в марте уехал из России. Сегодня говорит, что оптимальное занятие для эмиграции — это «разработка технологий и практик, которые позволяют реализовать какое-то индивидуальное сопротивление с минимальным риском и вовлечение в орбиту такой деятельности все новых и новых людей».

О намерении уехать Лисовский заявил прямо во время судебного заседания — ему никто не стал препятствовать. И это важная особенность нынешней ситуации: складывается впечатление, что власть заинтересована в том, чтобы как можно больше мыслящих талантливых людей, выступающих против войны, уехало из России. В семидесятые годы прошлого века им чинилось много препятствий: страна в то время еще как будто стеснялась того, что из нее хотят убежать. СССР еще пытался сохранить некий имидж в глазах зарубежных соседей — сейчас

понятие стыда отсутствует на государственном уровне. Снявши голову, по волосам не плачут — да и можно ли еще делать хорошую мину при плохой игре, когда полмира, если не большая его часть, уже знает твою истинную цену.

Сегодня из России уехали те, кто представляет цвет отечественной режиссуры: Дмитрий Крымов, Кирилл Серебренников, Юрий Бутусов, Римас Туминас, Миндаугас Карбаускис, Тимофей Кулябин, Максим Диденко. К ним можно добавить имена режиссеров Семена Александровского, Александра Молочникова, Марфы Горвиц, драматургов Михаила Дурненкова и Саши Денисовой, художницы Ксении Перетрухиной. Это далеко не полный список. Разгромлены, уничтожены коллективы, на чьих сценах шли лучшие постановки последнего времени и которые наиболее активно работали в направлении актуального театра, делали наш театр конкурентоспособным в мире, — я имею в виду ГогольЦентр и Центр имени Мейерхольда. Не говоря уже о том, что это были самые посещаемые московские площадки, воспитавшие целое поколение умных и понимающих зрителей. Многие из которых тоже, увы, уже не в России.

Наступление безумной власти идет по разным направлениям. Самое главное — последовательно убирать с афиш имена тех, кто выступил против войны, или вообще снимать их спектакли. Доходит до смешного: в программке спектакля Художественного театра «Лес», поставленного Серебренниковым и вот уже почти двадцать лет собирающего неизменные аншлаги, вместо фамилии режиссера значится — Режиссер. То же самое в крымовском «Сереже» на той же сцене. А в Башкирском академическом театре драмы не стали заменять имя автора пьесы на «Драматург», а просто убрали из репертуара спектакль «Зулейха открывает глаза» по роману Гузель Яхиной. Также поступил и Театр Ермоловой, сняв «Текст» Максима Диденко по роману Дмитрия Данилова — а вскоре социальные сети облетела фотография, где руководитель театра Олег Меньшиков подписывает договор о творческом сотрудничестве со Следственным комитетом РФ. Сотрудники СК вообще судя по всему большие театралы — новый 102-й сезон в московском Театре Вахтангова открывал председатель комитета соб-

ственной персоной. Он наградил директора Кирилла Крока ведомственной медалью «350 лет Петру Великому» (недоработка: Петр-то как раз пытался прорубить окно в Европу, а не заколотить его досками) и призвал артистов не быть «ни пятой, ни шестой колонной».

Как это всегда и бывает при диктатуре, нашлись сотни желающих донести и потребовать проверки. Например, проверки на пропаганду ЛГБТ — эта участь постигла детский спектакль «Принцесса и Людоед» в Новосибирском «Первом театре». Поводом послужило то, что в одной из сцен Принцессу играет актер, а не актриса. Причем все это происходит сегодня, когда современный театр уже давно вышел на новый уровень осмыслиения гендерных и прочих проблем! Спектакль режиссерки Полины Кардымон — о ее перформансах критика писала много и страстно, увидев в них многообещающее новое направление, — немедленно сняли с репертуара.

В ход вовсю идут шантаж и угрозы. Когда артисты Дмитрий Назаров и Ольга Васильева были уволены из чеховского МХТ, прошла информация, что их художественному руководителю Константину Хабенскому сказали: «Или увольняй эту пару, или призовем на украинский фронт двадцать семь твоих сотрудников». Хабенский выбор сделал, и назад пути уже нет. Назаров, прослуживший в Художественном более двадцати лет, опубликовал на своем YouTube-канале свое стихотворение «Новая реальность», где есть такие строки: «В загонах ваших свищет выюга, в кормушках жалкие обедки, а вы кусаете друг друга, а надо грызть клыками клетки. Покорность вбили нам по гlandы...»

Метаморфозы случаются на глазах. Для театральных людей нет ничего удивительного в том, что Владимир Машков первым повесил на здание своего театра (Театра Олега Табакова между прочим) огромную букву Z или в том, что говорит депутат госдумы Дмитрий Певцов. Про их «патриотизм» по государственным лекалам все давно известно. Он, кстати, хорошо сегодня оплачивается: именно Машков и его гастроли в Херсонесе со спектаклем «Страсти по Бумбарашу» получили самый большой театральный грант этого года. Но вот другая картина, из недавнего прошлого: арестован Серебренников,

и в возбужденной толпе молодежи перед ГЦ на улице Казакова стоят двое. Это Евгений Миронов и Чулпан Хаматова — они зачитывают свое обращение в поддержку опального режиссера. Миронов сразу после начала войны подписал и заявление деятелей театра, осуждающее российскую агрессию. Где эти двое сейчас? Чулпан Хаматова — актриса Нового Рижского театра, она уехала сразу и бесповоротно — «нечем дышать». Евгений Миронов побывал в Донецке и Мариуполе, принял на сцене Театра Наций коллектив из Донецка, а фонд Евгения Миронова передал Мариупольскому драмтеатру оборудование на 8 млн рублей. Да-да, тому самому, где прятались от обстрелов и погибли сотни невинных людей. Мне страшно даже подумать о том, чем угрожали Миронову, большому русскому артисту. Или он «спасал» свой театр? Или сам заставил себя изменить взгляды? Не сомневаюсь, что когда-нибудь будет написана трагическая история русского Мефисто.

Не сомневаюсь я и в том, что руководителю питерского Большого драматического театра Андрею Могучему было сказано прямо: или поддержки СВО, или лишишься поста. Он выбрал второе — и получил вал поддержки от критики и товстоноговцев, включая великого Олега Басилашвили, но это ничего не изменило. Больше Могучий своим театром не руководит. И показ великолепного спектакля Могучего «Сказка о потерянном ангеле» уже был отменен на питерских гастролях Театра Наций. Да и как его можно показывать, когда там играет — играла — Лия Ахеджакова! Ее, как известно, уволили из «Современника», сняв ее единственный и любимый зрителями спектакль «Игра в джин», а сегодня Лилю обвиняют в... измене родины (теперь за это дают пожизненное). Делает это еще один печально известный депутат госдумы Виталий Бородин. Запомним это имя. Мы вообще ничего не забудем, будьте уверены.

Вот снова питерская история. 9 мая 2023 года Роспотребнадзор опечатал Малый драматический театр Льва Додина — без преувеличения лучший российский театр сегодня! Все прекрасно поняли, что дело не в двух оставленных не там где положено швабрах — проблема в антивоенной позиции главного режиссера, который еще в феврале 2022 года написал президенту: «Сегодня, когда над нашими головами вместо голубей

мира летают ракеты ненависти и смерти, сказать могу только одно: остановитесь!». И еще — в принципиальной позиции первого актера театра Данилы Козловского. В конце концов Данилой и пришлось пожертвовать: театр отделался штрафом в 15 тысяч рублей после того, как Козловский решил уйти в отпуск «по личным обстоятельствам» до конца 2023 года. Очевидец рассказал мне о первом после закрытия спектакле МДТ — это были «Братья Карамазовы» — зрители устроили нескончаемую овацию, кричали «мы с вами!», некоторые плачали. Нет, не зря власть так боится театра — и подвергает его гонениям больше, чем какой-либо другой вид искусства.

То, что происходит с зачисткой театрального поля в столицах, более-менее у всех на виду. Но сколько безвестных жертв на провинциальной сцене, какие драмы разворачиваются там! Кемеровский журналист и театральный критик Андрей Новашов приговорен к 8 месяцам исправительных работ за «фейки». Уволена директор новосибирского «Первого театра» Юлия Чурилова. В «экстремизме» обвиняли драматурга из Нижневартовска Алексея Житковского. Неизвестна судьба знаменитого фестиваля «Ново-Сибирский транзит», детища театра «Красный факел» и Александра и Ирины Кулябинах. Закрыли свой театр по идеологическим причинам создатели независимого камерного коллектива «Театр.Арт» в Казани.

Всех подобных фактов, конечно, не перечислить. И главное — «самое ужасное уже свершилось, все боятся всего», как написала критик и редактор Петербургского театрального журнала Марина Дмитревская. Впрочем, один Дон Кихот, бессстрашно вынувший из ножен свой картонный меч и замахнувшийся им на дракона, все же нашелся. Это все тот же замечательный артист Данила Козловский, написавший развернутый ответ своим обвинителям — доносчице-красной шапочке Яне Поплавской и Виталию Бородину — и даже пригрозивший им судебными исками. Там были такие строки: «Мне не хочется опускать руки, я не собираюсь сдаваться, и пока это возможно, продолжу и дальше работать в своей стране». Прекрасный Данила. Не получилось.

Новые катакомбы или эмиграция

Поразительно, но, как и в предреволюционные годы в царской России, живой, подлинный театр из больших сцен постепенно уходит сейчас в малые пространства. Так уже было: вспомним вахтанговскую Третью студию с их знаменитым спектаклем «Сверчок на печи» или воспетую Ахматовой «Бродячую собаку» и «комнатный театр» Бориса Пронина. Накануне первой мировой войны только в Москве и Петербурге одновременно поднимали занавес более ста двадцати театров миниатюр и кабаре! Именно там откровенно говорили о наболевшем. 1917-ый год смел эту творческую волну как будто ее и не было. Но ведь революции в нынешней России пока еще нет, правда? А цензура усиливается. Поэтому на вопрос, возможны ли сегодня в российском театре спектакли с внятным пацифистским высказыванием, уволенная директор новосибирского «Первого театра» Юлия Чурилова отвечает так: «Думаю, нет. Количество цензуры и самоцензуры не позволит этому случиться. Но вернутся, уже вернулись эзопов язык, советские театральные практики. Театральные деятели еще будут гордиться: какую фигу в кармане мы тогда всем показали!».

Одной из ведущих фигур театральной Москвы до своего ареста была именно никогда не работавшая на больших сценах Женя Беркович, создательница независимого театрального проекта «Дочери Сосо», приемная мать двух девочек-подростков. Ее спектакли «Считалка», «Черная книга Эстер», «Наше сокровище» и другие еще, кажется, идут в Москве — их обсуждают все, билетов не достать. В интервью *Forbes Woman* Женя сказала: «Мне кажется, я нужна здесь. Я понимаю, что могу дать здесь, и я не преувеличиваю свою значимость. Вот мы делаем спектакли, которые не смогут прозвучать ни в каком другом месте. Кто-то должен быть здесь. В конце концов, через 20–40–60 лет нам придется снова разговаривать с миром. Кто-то должен быть здесь, чтобы потом сказать: „Мы были с вами“». Цену этой благородной позиции в сегодняшней России мы уже знаем.

Спектакли Жени шли (так хочется написать — идут) в том числе в «Пространстве Внутри», созданном архитекто-

ром Олегом Карлсоном на задворках бывшего ГогольЦентра. Сегодня здесь показывают свои работы как изгнанные из государственных театров и запрещенные, без определенного места прописки актеры и постановщики, так и, например, Антон Федоров, один из самых интересных новых режиссеров, недавно ставший главрежем новосибирского «Старого дома» (интересно, надолго ли). В его абсурдистском спектакле «Где ты был так долго, чувак?» Роза Хайруллина играет новую российскую скрепу — Чебурашку. Он, правда, уже отсидел на зоне. Там эвфемизмы: вместо слова война — «why not? why now?». Там многое закодировано, спрятано в изощренных приемах — но главное — настроение времени передано абсолютно точно: от беспросветного ужаса жизни до «если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день».

Так и будет: пока абсурдистов не запретили, как когда-то Хармса и обэриутов, они будут давать прибежище честному и мыслящему театру. Эстетическая сторона вопроса вообще не очень интересует власть: ей важна политическая благонадежность. Ярчайший пример — творчество Константина Богомолова, главного режиссера Театра на Малой Бронной. Думаю, что его умозрительный, все выворачивающий наизнанку и надо всем стебающийся театр по определению не может нравиться чиновникам от культуры, но режиссер еще до войны выбрал «верный» курс, поддержав Собянина. А недавно сфотографировался рядом с забубенным пропагандистом Дмитрием Киселевым: его театр и медиагруппа «Россия сегодня» договорились об информпартнерстве. То есть рупор лжи будет «информировать» бывший эфросовский театр о том, что происходит на белом свете. И ведь ни один мускул у Богомолова не дрогнул — улыбается на фото как ни в чем не бывало. Лояльность власти сегодня дорого стоит, поэтому пока эта самая власть закрывает глаза на рискованные эксперименты Богомолова в Пермской опере — в Москве, надо сказать, он таких скандальных спектаклей себе не позволяет. Что будет завтра, никто не знает. Вот уже Юрий Соломин грозит судом и уголовными преследованиями тем, кто «передергивает» русскую классику — пока над этим смеются, но мы и над неудавшимся

критиком Еленой Ямпольской смеялись, а она уже возглавляет комитеты в думе.

Еще один важный путь русского театра сегодня — театр в изгнании, эмиграция. Уехали-то ведь лучшие. Конечно, им очень непросто: драматическое искусство как никакое другое связано с родным языком. И вовсе не все такие отважные, как Чулпан Хаматова, которая всерьез учит латышский и даже уже подготовила на этом сложном языке две роли. Проще режиссерам: Кирилл Серебренников выпускает в Европе одну премьеру за другой, как будто наверстывает упущенное в период своего вынужденного молчания. Огромной радостью для всех стал спектакль Дмитрия Крымова «Фрагмент» в Клайпедском городском театре. Он хоть и идет на литовском (с английскими субтитрами), но ясно показывает: и режиссер не сломлен, находится в прекрасной форме, и все лучшее из своего театра он перенес на европейскую сцену. Это фантазия на тему третьего акта «Трех сестер» — о пожаре, катастрофе — но и о том, где можно найти утешение. Очень русский получился спектакль.

В Берлине в Театре Максима Горького Максим Диценко поставил спектакль «Последнее слово» — это выступления в суде женщин, которых судили по политическим мотивам, от Аллы Гутниковой до Саши Скочиленко и участниц Pussy Riot. Композицию создала тоже живущая теперь в Берлине Анна Наринская, а сыграла всех героинь Алиса Хазанова. В Лондоне с успехом идет спектакль Диценко «Белая фабрика» по пьесе Дмитрия Глуховского (еще один эмигрант!), а в Вильнюсе — «Розенкранц и Гильденстэрн мертвы» Юрия Бутусова. Артур Соломонов с разными актерами (и даже неактерами, в Риге в его пьесе играли журналисты) показывает в разных городах и странах свой политический фарс «Как мы хоронили Сталина», вызывающий сегодня неподдельный восторг русскоязычного эмигрантского зала. С сольными интересными программами выступают Чулпан Хаматова, Анатолий Белый, Александр Филиппенко. Некоторые актеры ГогольЦентра тоже уже не дома — но когда я спрашивала у них о перспективах создания нового русского театра в изгнании — в том же Берлине была после революции масса небольших русских театров, там выступала и знаменитая качаловская группа, отколовшаяся от Художе-

ственного во время гражданской войны, — поняла, что подобные перспективы пока весьма туманны. Особенно сегодня, когда по понятным причинам и русский язык, и русское искусство токсичны и нежелательны во многих странах.

…А пока имеем разгромленный и мучительно выживавший театр в России. Вот ценное фб-свидетельство коллеги, которая в Москве: «Сколько ни хожу в театр сейчас, вижу разряженный воздух, растерянный текст… Все спектакли, поставленные сейчас, последние месяцы, неважно плохие или не очень, не знают, с кем и зачем разговаривают, нет связи со временем. Адрес утерян. Больше никакое обожаемое русским театром «вообще» не работает».

А если не «вообще» — то о войне, о бессмысленных жертвах, о неправедных судах и сталинских сроках инакомыслящим — то есть о том, что запрещено.

Будем честны: тотальная зачистка отечественной сцены создала небывалые раньше возможности для тех, кто еще вчера был неконкурентоспособен и возмущался, что о их работах не пишет критика и их не приглашают на фестивали. Вот уж этих людей военный социальный лифт вознесет высоко — уже возникают новые театральные издания и ставятся спектакли на патриотические темы. В Москве назначаются новые главреды, ничем интересным себя не проявившие, — как Антон Яковлев в Гоголевском театре и Анатолий Шульев в Вахтанговском. Правда, судя по всему, век патриотических постановок не будет долгим. Например, не наблюдается аншлагов на «Живых и мертвых», поставленных Полиной Агуреевой на сцене уничтоженного ГогольЦентра, — теперь это театр имени Гоголя. Эту громко распиаренную постановку — «там не будут играть актеры, которым стыдно, что они русские» — администрация стыдливо ставит в афишу раз в месяц.

Заказ на имперскую риторику и антизападничество выполнен. Из международного (прежде всего европейского) контекста русский театр удален хирургическим путем. Таким же образом власть пытается лишить его совести. Что дальше? А дальше все будет зависеть, конечно, не столько от усилий театральных людей, сколько от общественно-политической ситуации в самой России. От исхода войны. Нам же остается

только верить, радоваться успехам друзей за рубежом и подлинным театральным мгновениям на отечественной сцене. Во всяком случае пока что там еще работает великий Лев Додин со своими актерами. А еще — читать стихи. Например, Веру Полозкову: «мой спичечный театр. бумажный мой венец. сад памяти моей, которому я нужен».

DOI: 10.55167/be2d16885b44

Теории перформативности и театральности: реактуализация в современных арт-практиках и пространствах повседневности

Ольга Рогинская

Кандидат филологических наук, культуролог, специалист по театральным и перформативным практикам; работала на факультете гуманитарных наук и в Школе дизайна НИУ ВШЭ (Москва), там же руководила бакалаврской образовательной программой «Культурология», была куратором магистерской программы «Театр и перформанс» (до апреля 2022 г.); сейчас живет в Таллинне (Эстония)

Ключевые слова: культура соприкосновения, перформативность, перформанс, акция, коммуникация, повседневность

Аннотация: Новая («после 24.02.2022») реальность в своих перформативных аспектах (остраненное переживание места, времени, вещей и слов (или их отсутствия и нехватки)) размывает границы между повседневным действием и художественным жестом, превращая ее новых агентов одновременно в исполнителей и зрителей, живущих в режиме перманентного (само)наблюдения и сетевой (по преимуществу) автофиксации. Начавшаяся как подчеркнуто и принципиально событийная, как история (возможных) стремительных действий и поступков и одновременно прямой, категоричной, подчеркнуто адресной, «горячей» коммуникации, эта история все больше и больше замедляется в своем развитии, предлагая новую перформативную оптику, которая предполагает обращение к «теплой» энергии недейственности (претерпевания, аскетства, терпения, выкорчеванности), многовекторности и размытости адресации, несовершенства и слабости как ценности и права.

В современной политической и культурной ситуации (обозначим так период от 24 февраля 2022 года до текущего момента) остро наступной, необходимой и актуальной в своей принципиальной незавершенности и длительности оказывается задача уточнения и тотальной перенастройки и пересборки собственной персональной идентичности в режиме интенсивной, экзистенциально заряженной коммуникации и автокомму-

никиации. Эта задача (миссия?) объединяет, пожалуй, в первую очередь тех, чья профессиональная и общественная деятельность предполагает выход в публичное измерение и при этом (в отличие от медиаперсон и профессионалов, использующих традиционный набор HR-практик в выстраивании публичного имиджа) в наибольшей степени продуцирующих рефлексивность, спонтанность, искренность и чувствительность в своих публичных (по большей части сетевых) выступлениях и проявлениях, имеющих ярко выраженное речевое и текстовое самовыражение — а именно интеллектуалов и художников. Полтора года войны оказались для этой группы временем, вместившим в себя проживание (реальное или воображаемое, вне зависимости от реальной готовности и возможности) ситуаций (не)бегства, (не)отъезда, (не)переезда, (не)возвращения. Смена жизненного и профессионального контекста, новый нетуристический (эмигрантский) опыт, встреча и столкновение (или их перспектива) с новыми языками и культурами... Начавшаяся как подчеркнуто и принципиально событийная, как история (возможных) стремительных действий и поступков и одновременно прямой, категоричной, подчеркнуто адресной, «горячей» коммуникации, эта история все больше и больше замедляется в своем развитии, предлагая новую перформативную оптику, которая предполагает обращение к «теплой» энергии недейственности (претерпевания, аскетства, терпения, выкорчеванности), многовекторности и размытости адресации, несовершенства и слабости как ценности и права. Новая реальность в своей перформативной (с обостренным, болезненным, остранным, аффективным переживанием места, времени, вещей (или их отсутствия и нехватки)) наполненности, вдобавок ко всему, размывает границы между повседневным действием и художественным жестом, превращая ее новых агентов одновременно в исполнителей и зрителей, живущих в режиме перманентного (само)наблюдения и сетевой (по преимуществу) автофиксации.

В качестве примеров-аргументов к обозначенным тезисам я обращусь к описанию и анализу нескольких культурных событий, состоявшихся в Эстонии весной-летом 2023 года, а также к фрагментам личного повседневного опыта послед-

него времени. Пограничное по отношению к России положение, географическая близость войны в Украине, постсоветский синдром, внутриполитические проблемы сосуществования эстонского и русского языков и их носителей как обладателей непересекающихся и противоположных по своему смыслу объемов исторической памяти — все это усиливает и усложняет характерную для европейского коммюнити ситуацию встречи и необходимости взаимодействия субъектов различной персональной и коллективной идентичности с подвижными (мерцающими) значениями категорий вины, жертвенности, ответственности. Идея партиципаторности¹, пожалуй, самая влиятельная в области современных художественных практик первых десятилетий XXI века, предполагающая добровольное и созидательное участие (!) в межкультурном диалоге, оказалась слабоработающей и дискредитирующей саму себя: неготовность и неспособность к диалогу оказались настолько велики, что любое выражение своей позиции (самой разной степени категоричности и последовательности) вызывает аффективно-заряженные реакции несогласия и невротически-истеричной ненависти со стороны аудитории. Партиципаторный жест регулярно оборачивается агрессией в восприятии адресата, будь то художественное высказывание или пост в соцсетях. Одновременно так долго числившиеся в современной культуре в качестве главных ресурсов романтической, постромантической и авангардистской культурных парадигм провокация, шок и ирония абсолютно утратили свой действенный характер и превратились в изысканные винтажные виньетки «искусства выходного дня».

Первый пример, который достоин внимания и анализа в обозначенном контексте, — нарывские перформансы весны 2023 г., реализованные уличным художником и перформером Вованом Каштаном. 14 апреля 2023 года, в Страстную пятницу

1. Клер Бишоп определяет партиципаторность как практическую реализацию идей участия и коллаборации, как «расширенное поле постстудийных практик», где «люди являются ключевым художественным медиумом и материалом, как в театре и перформансе» (Bishop K. Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства. М.: V-A-C press, 2018. С. 9–10).

цу (а время в этом перформансе рассчитано по календарю) на месте памятника-танка в Нарве Вован, цитируя российского пропагандиста Владлена Татарского, наносит граффити с надписью: «Всех победим, всех убьем, всех, кого надо, ограбим. Все будет, как мы любим». «Моя акция — это симуляция альтернативного развития истории с эмоциональным включением аудитории», — сказал тогда Каштан в интервью газете *Rus. Postimees*². 8 мая 2023 года (дата снова значима!) в Нарве перед зданием бывшего ДК имени Герасимова (запущенным образцом сталинской архитектуры) появилась надпись «Дети». Это должно было вызвать ассоциацию с разбомбленным зданием театра в Мариуполе, хотя Каштану и не удалось снять надпись перед ДК с дрона для достижения полного эффекта узнавания мариупольской истории.

Обе акции вызвали сильнейшее напряжение, раздражение и отторжение со стороны как эстонских русских, так и представителей власти, реализовав классический закон перформативного действия, сформулированный Эрикой Фишер-Лихте через метафору «петли обратной реакции». Беспощадно и безупречно умные в своей лаконичности акции Каштана, построенные на приеме реконтекстуализации, — классический жест одинокого художника, потерявшего веру в диалог и в людей, отказывающегося от диалога (в силу его невозможности) и констатирующего затяжной и непреодолимый характер своего конфликта с непросвещенным обывателем (и просвещенной властью). Интересна работа автора с текстом и языком: он выбирает для своих акций медийно значимые фрагменты языка эпохи войны и, перемещая их в новый контекст и в новое место, заставляет их работать метафорически, тем самым лишая субъектности публику, эти акции так или иначе воспринимающую.

Другие возможности — по сравнению с акционизмом и перформансом — есть у современного театра, все еще и несмотря ни на какие культурные открытия и сдвиги, регулярно

2. URL: <https://rus.postimees.ee/7756024/eksklyuziv-ya-ubil-v-sebe-hrista-i-soznalsya-v-chuzhom-prestuplenii-avtor-skandalnoy-nadpisi-v-narve-o-prichinah-ee-poyavleniya> (проверено 24.07.23).

настигавшие его на протяжении эпох режиссерского и пострежиссерского театра, продолжающего работать с историей (в обоих значениях этого слова), характером и речью в ее диалогическом измерении.

Так, спектакль латвийской театральной компании KaltZ по пьесе Ивана Вырыпаева «Солнечная линия», написанной по мотивам ковидного карантина, с осени 2021 года игрался по-русски, а в январе 2023 вышел на латышском языке. При этом работающие в нем актеры являются носителями различной языковой идентичности: родной язык актрисы Марии Данилюк — русский, а актера Андриса Булиса — латышский. Соответственно, как в русской, так и в латышской версиях в спектакле есть персонаж, говорящий на своем родном языке, и второй персонаж, говорящий на языке выученном, пусть и хорошо. В зависимости от того, на каком языке играется спектакль, эти ипостаси (персонаж — уверенный «носитель языка» и персонаж, говорящий на выученном неродном языке) оказываются переходящими. Эти перформативные эффекты, уловимые на уровне произношения, интонации, жестикуляции и вообще языка тела, к счастью, не были вычищены продюсером и постановщиком Евгенией Шерменевой, а, напротив, стали неотъемлемой частью спектакля, усилив и усложнив заложенную еще в пьесе Вырыпаева тему непонимания, а точнее — неполного понимания, недопонимания, невозможности понять и стать понятным другому, дополнив ее констатацией неразрешимости заявленных противоречий и конфликтов. Более того — и, пожалуй, уже в дополнение к смыслу пьесы — отказ от постановки «правильных» голосов и интонаций приобретает в спектакле важное этическое значение, давая и персонажам и зрителям право и возможность — быть не до конца (или вообще не быть) ясным, «четким», правильным, внятным... Право на несовершенство и свободу³.

3. Ср.: «...Мне всегда были подозрительны стандартизованные и академические формы говорения и пения... я...работал с шершавыми, необученными, содержащими дефекты, мягкими, неровными, едва слышными голосами; с голосами молодыми и старыми, с голосами курильщиков и некурящих; с голосами, которые никогда не кричат, редко восклицают, мало поют, по большей части

Любительский молодежный спектакль по «Буре» Шекспира участников театральной студии Елены Скульской «Поэтическое содружество», сыгранный в Таллинне весной-летом 2023 года, весь строится на соединении разных культурных и языковых пластов — так, как они и существуют в сознании подростка, будучи не до конца понятыми, освоенными, а в большинстве своем просто услышанными, прочитанными, подсмотренными и — (часто метонимически) себе присвоенными. Именно в молодежном любительском театре оказалось возможным реализовать такую глубокую и высокую гуманистическую идею: о праве каждого на не(до)различение смыслов, контекстов, о праве на метонимию и на отказ от предписанных нам практик ответственного суждения и интерпретации. Отсутствие нормативных предписаний и рестрикций в процессе погружения в те или иные историко-культурные контексты при декларировании важности и ценности самого внимания, обращения к другому и иному, потребности в всматривании и наблюдении, дает в этом спектакле удивительный эффект: высокая культура и графоманство, любительство и мастеровитость существуют в настолько мощных отношениях взаимозаменяемости и неразличимости, что заставляют пересмотреть и сам взгляд на культуру как систему⁴.

Важно заметить, что все приведенные примеры подразумевают интенсивную авторскую рефлексию над возможностями современного языка в его «пользовательском измерении» и выражаемыми им неполными и неточными смыслами и чувствами и в определенном смысле перезагружают романтическую идею о невыразимости, обнаруживая в ней ресурс освобождения от навязанной нам идеи тотального долженствования

говорят; но никогда не с гладкими голосами, а с голосами, которые в первую очередь — своеобразны» (Геббельс Х. Своеобразные голоса. К работе над *I went to the house but did not enter* // Геббельс Х. Эстетика отсутствия. Тексты о музыке и театре. М., 2015. С. 89).

4. URL: <https://rus.postimees.ee/7773135/intervyu-v-plenu-vremeni-v-glazu-buri-elena-skulskaya-o-sekretah-professionalizma-lyubitelskogo-teatra>.

в отношении рецептивных практик, когда вероятность недопонимания оборачивается виной искажения смысла⁵.

По сути, объединяющий всех нас сегодня опыт новой жизни «после 24 февраля» можно описать через метафору новой Вавилонской башни как сосуществования различных уровней и разной глубины коммуникации во всей ее многовекторности и разнонаправленности. В связи с этим к примерам из художественных практик хотелось бы добавить наблюдения над перформативными аспектами повседневных практик изучения новых (или перезагрузки старых, когда-то и в другом контексте изучаемых) иностранных языков, не говоря уже о вольном и невольном остранении родного (в нашем случае — русского) языка, совсем иначе функционирующего в новых географических и политических контекстах. Как и в какой степени, изучая новые языки, мы их апроприириуем или колонизируем? Является ли это условием уважения к чужой культуре? Или в то же время и ее культурного захвата? Как меняется наша персональ-

5. Ср.: «Исследования культурных взаимодействий, какой бы метод при этом ни был использован — сравнение, соположение, выявление параллелей, что, в свою очередь, требует также серьезного теоретического осмыслиения, — как правило, грешат излишним вниманием к замкнутости, закрытости культурных полюсов, каждый из которых обладает будто бы своей национальной идентичностью. На самом деле далеко не все возможно сравнивать и не все сопоставления имеют под собой почву. Возможность сравнения определяется существованием некоего общего фундамента, забытого, часто сознательно вытесненного, терпеливая реконструкция которого также может стать центральным предметом культурного трансфера <...> Переданное сообщение должно быть переведено с языка культуры исходящей на язык культуры усваивающей. Это семантическое присвоение глубинным образом изменяет объект, переходящий из одной системы в другую. Тем не менее в данном случае мы не будем говорить об утрате. Интерпретация Канта академическими философами Третьей республики не становится менее интересной и не должна рассматриваться как искажение оригинала от того, что они, сделав из немецкого философа выразителя светской республиканской морали, интерпретировали его не так, как это делали их немецкие современники» (Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 38, 60).

ная идентичность в ситуации смены контекста пользования родным языком? Как примириться с невозможностью (по тем или иным причинам) полноценного освоения новых языков, насколько это ущемляет нас в наших возможностях и потребностях основательной коммуникации?

Я приехала в Эстонию из России весной 2022 года и изучаю эстонский язык (начальный уровень) в онлайн-группе. Группа полностью состоит из украинских и русских женщин (гендерная монолитность — интересный и, вероятно, законо-мерный факт), оказавшихся в Эстонии в течение последних полутора лет. Преподает начальный уровень русская эстонка с родным русским языком и приобретенной специализацией «преподаватель эстонского языка». Некоторым образом внешняя причина, объединившая всех участников данной группы, работает как освобождающий и гармонизирующий механизм, что дополнитель но усиливается и уточняется благодаря онлайновому формату нашей групповой работы. Регулярность коллективных встреч, решение общей — внешней по отношению к ситуации личных трагедий и перипетий — задачи без излишнего (тактильного, пространственного) приближения друг к другу способствуют естественному объединению, которое отнюдь не является ни хрупким, ни случайным... Автоматически возникшее отсутствие ситуации обязательного, рамочного проговаривания сущностных вещей оказывается поразительно и неожиданной продуктивной, создавая условия для рабочей и светской коммуникации, предполагающей и внимание к другому, и соучастие, и внимание к личным деталям, и неизбежное в зум-общении вглядывание в другого крупным планом... Параллельно прямым задачам этого языкового курса, возник и успешно реализуется продолженный (в каком-то смысле делегированный) перформанс по исследованию прочности и ценности метонимических связей и создания хорового (полифонического) комьюнити.

В нашей новой реальности оказались подорванными (в силу катастрофичности большинства нынешних биографических траекторий) привычные нам основания и установки: на партиципаторность, соучастие, эмпатию, «новое этическое» суждение как минимум. Новая культурная ситуация актуали-

зирует идею соприкосновения как неполного участия. Соприкосновения часто и по преимуществу — невольного, механического, метонимического. Отсутствие дома, потеря привычного и выстраданного (наработанного, заслуженного) «своего» и соприкосновение (часто маркированное как «нелегитимное») с другим, снова оборачивающимся «чужим» в самых разных обликах: равнодушным чужим, или враждебным и ненавидящим тебя чужим в ответ на твое подвижничество). Кажущаяся хрупкость и неотменимая прочность тех метонимических связей, которые возникают в нашей новой жизни, — это и есть наша новая реальность. Так и назовем ее: культура соотнесенности и контекстуальности. Культура соприкосновения.

Библиография

- Бишоп К. Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства. М.: V-A-C press, 2018.
- Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М.: Канон-плюс, 2015.
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

DOI: 10.55167/775921566eod

Хроники этой войны

Катя Капович

Литература не аполитична, она никогда не стоит в стороне от дел государственных, она тем или иным способом занимает позицию. Особенно она затачивает свой клинок в эпоху мировых бед. Мы живем в неслыханное время, когда страна-агрессор под названием Россия пытается утопить в крови молодое Украинское государство. Смотреть на это безучастно просто невозможно, каждый день сердце разрывается на сто кусков от вида разрушений, от того, что в Украине гибнет под обстрелами и бомбёжками мирное население. Каждый день мы читаем списки убитых бойцов, защитников Украины. Я иногда подолгу смотрю на вывешенные в новостных каналах портреты, пытаюсь запомнить лица, скорблю и сокрушаюсь что память слаба, что невозможно запомнить черты этих прекрасных лиц. Да, я не в Украине, я эмигрантка, но Украина в эти дни во мне. Мандельштам когда-то писал: «Мне боль придает одержимость и силу...». Он имел в виду свою поэзию, которая защищала истинные ценности. Литература не всегда говорит истину в лоб. Она не действует по принципу: «Утром в газете, вечером в памфлете». В своем докладе я попыталась проанализировать особенности поэтического высказывания, при помощи которого литература выстраивает «ценностей незыблемую шкалу». В своих антивоенных стихах я неизменно пытаюсь делать то же самое. Они мое свидетельство не на небесном, а на земном суде, который, я верю будет в скором времени. При помощи них я хочу дотянуться до сердец моих украинских друзей и читателей и сказать: «Я слышу вашу боль, я с вами, родные!»

Ребята славные, военные поэты,
из чести из любви земной замес,
ещё не знающие, что вы часть легенды,
храни вас Бог и украинский лес!
Лихая выпала вам мужеская доля:
не женщин — автоматы обнимать
и спать одетыми на краешке у поля,
как будто поле — белая кровать.
Как будто звезды всех любимых очи,
так пусть же не молчит язык любви,
ваш украинский, тёплый и молочный —
все точки расставляющий над «i».

О юноши военного пошиба,
пишите перед боем, словно встарь,
в окопах и в землянках там, где липы
тяжёлый осыпают календарь.
Пишите в столбик в кожаных блокнотах
о лепете листвы, ночной воде,
всё в этом мире сохранит природа —
истец и обвинитель на суде.

Семья отца из Украины родом,
где жили все единой слободой,
я океан пересекла по водам
оставила всё это за спиной.
Шли годы, мчались осени, и стужа
с газонов состригала ноготки,
когда беда пришла по наши души,
я вспомнила селенье у реки.
Зима была подобна чёрной мессе,
трагически звучал сосновый бор,
отец ушёл и следом мать, как если б
обратно переехали в наш двор.
У серого стального океана
испуга разрывалась пелена,
и вдоль залива над водой стеклянной
мне вертолёт хрипел: «Война, война».

Ночь и фонарь по центру круга,
где синевою снег глубок,
уснула жизнь, свернулась мука
котёнком в шёлковый клубок.
В ночи твой номер набираю,
чтоб поболтать, как жизнь назад,
когда был мир, и шли трамваи,
и в мире дети шли в детсад.
Теперь я набираю номер,
с мобильником рука дрожит.
— Алло, ты жив? — Ещё не помер, —
знакомый голос говорит.
Мы одноклассниками были,
потом ты в — Киев, я — в Тагил,
писали письма и звонили:
— Алло, жива? Острил, смешил.
Что приключится, друг, со мною?
Пройдёт любовь, придут слова.
А у тебя вся с сединою,
вся с сединою голова.

Вот ты пишешь: «Совсем за окном стемнело».

А читается, что ты так мало ела,
целый день из дому не выходила,
потому что сирена так страшно выла.

Как же сдержанна женщина в мире этом
в выражениях ужаса, страха, боли.

Мне б представить тебя под погасшим светом
со стучащим в окно — что там? — снегом, что ли?

Как надела то, что в ту ночь наделось,
что в комоде из чистого там осталось,
чтобы, если что... Дальше не осмелюсь.

Андромедова дальше в мозгу туманность.

Перемыла посуду, поставила чайник,
озарил свет конфорки лицо и память.

Разве трудно представить? Вот чайник, тальник
за окном. Ты представь! Не могу представить.

Одному П.

Достало до кишок: они не виноваты,
такими сотворил их одномерный мир
в отчизне болтовни и Оливье-салата,
мороженого — как его — Пломбир.
Легко судить-рядить из вашей заграницы,
талдычит в новостях сутяга-журналист,
он по-над бездной, он сумел там пригодиться.
Достало до кишок, в которых он, как глист.
Я вышла из рядов примерных послушаек,
где чуть не отдала в последний год кранты,
а ты жевал траву с ответственных лужаек
и гранты получал, и говорил мне: ты.
Напрасно по ночам под музою елозишь,
плохи твои стихи, имперский золотарь!
Не говори мне «ты», я здесь тебе не кореш,
и русский у меня совсем другой словарь.

Спасибо, жизнь, за одиночество,
что я хожу в твоём пальто,
что малой каплей камень точится,
что есть твой запад и восток,
твой юг и север с красным тальником.
Спасибо, жизнь, за недолёт,
за то, что друг с ручным фонариком
ночь в Киеве переживёт.

Как там, в отечестве? Да так, всё то же пьянство,
молчание, глядение в экран,
Подобострастное тупое панибратство,
и вдаль идёт все тот же караван.
А что до той войны, так отродясь воюем,
тот Грузию смиряем, то Беслан,
куем металл, что разлить по пулям,
и вдаль идёт все тот же караван.
Дорога дальняя, ждёт дома жар-девица,
сидит беремена, на стенке таракан.
И, как сказал поэт: «Всё повторится».
И вдаль пойдет солдатский караван.

Как мир ни полон злой беды,
а всё же длит простые будни,
в нём кран дроблением воды
надёжно числит нам секунды.
В ворота входит пышный клён
в своём багряном одеянье,
весь разряжён, как Фон Барон
и с синей сойкой на кафтане.
Течёт тумана молоко
бульваром медленным, старинным.
Вот так бы жить легко-легко,
клин вышибать гусиным клином.
Он поднялся под небеса,
тень на речную гладь наводит,
а я гляжу во все глаза,
и боль проходит, боль проходит.

В эти месяцы страшной войны
все любимые разлучены,
время — вечностью стало на Гринвиче,
широта с долготою горят,
на кресте наших координат
полыхают небесные тысячи.

Речи носит лишь ветер-шельмец:
«Я убит за родимый Донецк
разрывною гранатой в дозоре».
«Я полёг в Мариуполе в ров,
захищая пространство дворов
возле самого синего моря».

Голоса, голоса, голоса...
И, когда закрываешь глаза,
всё равно их отчётливо слышишь:
«Я — пилот, я сгорел в вышине,
передайте отцу и жене».
И то дышишь, то снова не дышишь.

Второе пришествие

Двадцать четвертого по февралю,
вставляли шею в узкую петлю,
белело тело на столбе дорожном,
и темнота была подобна ножнам.

В неё запихивали наугад
канавы, блиндажи, обломки хат,
фонарный столб с ещё живущим телом.
Так люди занимались добрым делом.

Потом они пришли в квадрат двора,
и в ножички играли до утра,
кому-то в бок, кому-то прямо в сердце.
Орали бабы, плакали младенцы.

Внизу происходил великий грех,
А тот, кто на столбе, смотрел поверх,
вздувались очи от бессильной муки,
и целовали прямо в губы мухи.

Он уходил из царства злых теней,
на свете не было лица темней,
и видел он во все концы земли
сплошную тьму, сплошные феврали.

Внутри убитого такая тишина,
голубизна и вышина такие,
такая бесконечная весна,
что даже нет по жизни ностальгии.
Глаза его открыты в небосвод,
похожий на простой рыбаккий невод,
пусть золотая рыбка приплывёт,
желания исполнит как умеет.
Растормошит мужчину за плечо
расскажет сказку, пустоту латая.
Был счастлив он. Не надо ничего,
оставь его в покое, золотая.

Песенка дворовая, херовая,
кваканье, мяуканье и вой,
из тебя не выброшу ни слова я,
потому что нету ведь другой.
Так давай, родимая, рассказывай
про ночные булки фонарей,
в коммуналке скрип двери несмазанной,
как вернулся дед из лагерей.

Ездили с пустыми шароварами
инвалиды, мутные глаза,
и без рук. Их звали самоварами —
эх, доска, четыре колеса!
Полетели вдаль шестидесятые,
и — привет родным дворам-колам,
дворнику с садовою лопатою,
инвалидам всем на Валаам.

На трибунах лица, шапки, кителы,
урожаев полные поля,
и умом больным телезрители
любовались звездами Кремля.
Был асфальт расчерчен на квадратики,
и «хотят ли русские войны», —
мы теперь узнали всё на практике
и мы тоже сделались больны.

Год написан буквой Зет,
захожу в клозет,
стопке резаных газет
говорю привет.

В свете лампы Ильича
светится моча.
Кто избрал, блин, стукача,
мразь и палача?

Вылетает жизнь в трубу,
буква V на лбу,
и спешит солдат в семью
в цинковом гробу.

Мы больше ничему не верим,
живем, как в клетке с диким зверем,
где сторож запер ворота,
мычим, кудахчим и мяучим,
взываем к небу, к синим тучам
затем, что совесть нечиста.

Мы были море, нынче — лужа,
талдычим: будет много хуже,
в душе, как бане, несвежо.
Опять к отцу приходит кроха:
«Скажи, отец, зачем всё плохо
и скоро ль будет хорошо?»

Тот хмуро головой качает...
Пойди пойми, что означает,
когда мужчина средних лет
глядит бессмысленно на сына.
Устал от мыслей? Или стыдно?
Или затем, что счастья нет?

Портрет тирана

У главнокомандующего России флюс,
ботокс вытек, из носа висит сопля,
сам он прячется в бункере, потому что трус,
трусы первыми бегут с корабля.

Иногда он вскакивает: «Полный вперёд!»
Только это всего лишь плохой фасад,
потому что набитый ватою рот
напоминает сильней всего голый зад.

Я скажу вам один мировой секрет:
вытек ботокс и мозг вместе с ним до дна,
«Я — Земля», — говорит он. Ему в ответ
отвечают с земли: «Да пошёл ты на!»

Без нагнетания вины,
а просто так спроси себя:
какого чёрта мы нужны,
когда в огне горит земля.

Мужчина на траве лежит,
с ним рядом дочка со щенком,
и слышен голос: «Он убит»,
и ждёт она, что встанет он.

Такие, Господи, дела:
тела, тела, тела, тела.
Пока дойдёшь здесь до угла,
там смерть пришла, и жизнь прошла.

«День был весенний, хороший,
выла сирена в округе
только два раза из рощи», —
пишет подруга в фейсбуке.

«Похоронили соседку,
сердце её подкачало,
в холмик поставили ветку», —
пишет она из подвала.

«Господи, в чём мы виною?
Нас убивают. Дай силы.
Город сравняли с землею», —
пишет она из могилы.

Украинская мадонна

Отбывают поезда,
направленье — никуда,
время с белого листа,
совесть на ветру чиста.

В этой жизни без гроша
мать качает малыша,
мать качает малыша:
«Спи, усни, моя душа!»

Голос женщины охрип,
с ней реве та стогне Дніпр,
дом разгромлен, муж погиб,
и над головою — нимб.

Украина, март

Женщина тащит рюкзак,
ужас в застывших глазах,
мальчик ведёт двух собак,
сумка и скрипка в руках.

Катит мужчина тележку
в старом пальто нараспашку,
в ней всё лежит вперемешку:
Библия, вещи, дворняжка.

Бабка и внучка Натаха
тянутся в поле пологом,
виснет шлагбаум, как плаха, —
с Богом, любимые, с Богом!

Мерзнет старик в одеяле,
хутор его разбомбили.
Что он бормочет в печали?
«Лучше б лежать мне в могиле!»

Это уже, извините,
что-то за гранью сознанья.
Снега бесцветные нити
видят они на прощанье.
Труп, у дороги сидящий,
тут в двадцать первом столетье,
лучше расскажет, чем ящик,
что происходит на свете.

В эти месяцы страшной войны
все любимые разлучены,
время — вечностью стало по Гринвичу,
широта с долготою горят,
на кресте наших координат
полыхают небесные тысячи.

Речи носит лишь ветер-шельмец:
«Я убит за родимый Донецк
разрывною гранатой в дозоре».
«Я полёг в Мариуполе в ров,
защищая пространство дворов
возле самого синего моря».

Голоса, голоса, голоса...
И, когда закрываешь глаза,
всё равно их отчётливо слышишь:
«Я — пилот, я сгорел в вышине,
передайте отцу и жене».
И то дышишь, то снова не дышишь.

В квадраты застывшего календаря
влетает простуженный мартовский ветер,
и до смерти верится в то, что не зря
живём мы на свете, живём мы на свете.
Выходим на улицы — маленький труд,
под небом стоят плотно сжатые сотни...
Пускай никого-никого не убьют
в моей золотой Украине сегодня!

Я выросла в поселке на Донбассе,
мы там играли в бывшую войну,
средь чёрных шахт по кучам шлака лазя —
дай снова в штольню памяти взгляну!

На месте том, где находилось сердце,
давили вишню, и пятно на вид
напоминало рану. Лето, детство,
и чей-то звонкий голос: «Он убит!»

Потом мы выходили из завала,
убитые с живыми шли домой,
но жив под сердцем тот кусок металла
и он морочит пулево стальной.

Мне видится: лежу средь старой штольни
с раздавленною вишней на груди.
Я маленький солдат со взрослой болью...
О, Украина-родина, прости!

И мысленно входишь ты в те времена,
где пули заместо дождей,
где падает бывшего дома стена,
где женщины прячут детей.

Где девять отцу и где матери семь,
и кружится аэроплан
со свастикой на фюзеляже над всем,
где поезд идёт в Киргизстан.

Вновь в аэроплане убийцы лицо,
течёт тонкой струйкой огонь.
Не курицы ль раньше здесь было яйцо,
что с детства глядим это сон?

Земля Украины в кольце чёрных войск,
снаряды летят сверху вниз
на Киев, на Харьков, Ивано-Франковск,
и некому молвить: «Проснись!»

К Украине

Вот одним дан приказ убивать,
а другим — только не умирать,
зубы стиснуть, дома защищать,
выговаривать «блядь».

Пусть стоит над землёй этот крик —
у войны свой язык.
От мирян до военных твоих,
Украина, останься в живых!

Зло есть зло, а добро есть добро.
Всё другое старо.
Расползается крови пятно.
Оставайся в живых всё равно.

В день шестидесятый войны
«В Украине солнечно», — пишут друзья.
Перерыв в боях, пересвист весны,
в теплых парках лежит на траве роса.
В теплых скверах запахли омелы, сныть
на четвертый день у войны в краю,
люди едут на рынок еды купить,
человек должен есть и кормить семью.
Человек должен облако в небе зреть
после ночи в метро, после бомб в окне.
Человек говорит: «Ты сдавайся, смерть!» —
в день четвертый в захватнической войне.

Пусть однажды безызвестно стину,
истрепавши поминальный креп,
только дай взгляну на Украину,
на освобожденный синий Днепр.
Налюбуюсь на родные лица,
храм Софии к небу по пути,
редкая отчаянная птица,
долетевшая до середи...

Пусть подождёт с цветением апрель,
пусть к женщине не подойдет мужчина,
не ляжет с ней в нагретую постель
и не положит тёплых рук на спину.
Пускай она побудет без прикрас,
со скатерти сметёт рукою крошки,
где каждый час на свете битый час,
и так резки ночные неотложки.
Мир ждал весну, а получил войну,
чтоб вздрагивать в ночи при каждом звуке,
расколотую эту тишину
вновь склеивать потом, изрезав руки.

Тот дом, где я росла, где был вишнёвый сад
в станице Ливенка, где было солнце в мире,
в тридцатый день войны разбил российский ГРАД,
сравнял с землёю все его стены четыре.

Там лишь чернеющих обломков скучный вид,
нет окон, полных солнечного света.
Теперь в моем саду лежит, как рыба-кит,
здесь неуместная сгоревшая ракета.

Кусками льда вода белеет на пруду
из детского совсем простого пазла —
так память пробует заполнить пустоту
и собирает по частям пространство.

Чего добился ты, убийца-бомбардир?
Ты только разломал фасад моей станицы,
ты стены разбомбил, но есть небесный мир,
в нём всё любимое в пространстве дней хранится.

Когда мы победим, а мы ведь победим,
восстанет белым дом под черепичной крышей,
и это знает сад, и деревом одним
уже готов цвети и губы kleить вишней.

В последнем решительном акте трагедии «Лир»
Шекспир описал наш с тобою обманутый мир:
свои оказались чужими, и зло беспощадно,
один лишь безумец глаголет высокую правду.
Его понимает один героический шут,
отчаянный комедиант и считатель минут.
Наш мир, словно Лир, умирает. Тащите пятак!
Мы думали: сказка. А вышло всё именно так.

Вот грохочет самолёт, крутится нелепо,
дайте Украине быть, защите небо!

На вокзал спешит народ, нам родной издревле,
дайте Украине быть, защите землю!

Вот грохочет миномёт, вот летит граната,
вот играет музыкант Лунную сонату.

В мир врывается весна, после будет лето,
дайте Украине быть, защите это!

Всё другое на потом, зарубите что ли:
«Ще не вмерла України і слава, і воля».

Что сделала, война, ты с добрым миром
в прекрасных украинских городах?
Дома достались сквознякам и дырам,
которые поют на всех ветрах.

И снова толпы к шумному вокзалу
спешат, спешат, штурмуют поезда,
и умывается водою талой
в большой реке весенняя звезда.

Прощанье тем пронзительней, что трели
приносит ветер огненной судьбы:
всё пение магической свирели,
всё звук военной золотой трубы.

И так они сплелись сегодня плотно,
что силу эту не переломить:
Украина будет от врагов свободна,
Украина будет, будет, будет жить.

Малая родина, опустошенная жизнь,
запорошённая пеплом, такая родная,
ныне и присно своей пешеходке приснись —
все виноградные дворики пересчитаю.

По разноцветному городу утром пройдусь
мимо огромного парка, ворот вернисажа,
мимо распахнутой лавочки, где мы арбуз
вместе с отцом покупали и ели на пляже.

Что там за девочка ходит по пояс в реке?
Видно, она увела меня вслед собою.
Здесь поседевшая женщина в жгучей тоске
в ванной у зеркала спорит до хрипа с судьбою.

Нам странно эти времена запомнятся,
нерадостным молчанием заполнятся,
количеством желтеющих окурков,
хождением вдоль сонных переулков.

В закатной спальне трафаретом дерева
оттенками чего-то тускло-серого,
тяжелым ходом начатого года,
молочной полосою самолёта.

А чем ещё заполнятся они?
Домашним рукодельем, как попыткою
за штопкой старой белой простыни
заштопать жизнь льняной суровой ниткою.

Потом мы посидим до темноты.
Окончен день. На плитку чайник ставится,
конфорка вроде голубой звезды,
и лишь война так долго не кончается.

Я им говорю: «Нет, нельзя убивать людей!»
Они отвечают: «Никто их не убивает!»
Я им говорю: «Вот трупы детей, матерей!»
Они мне в ответ: «Ну, мало ли, тоже бывает!»

Война, говорю, преступленье, убита страна,
разрушены жизни, простые жилища разбиты,
бесчинствует мразь, мародерствует в мире шпана,
насилуют женщин и девочек ваши бандиты.

Я им говорю, говорю, говорю: «Это мрак!»
Они же в ответ пожимают крутыми плечами,
и крестятся на крестовину окна только так,
и Пасху встречают награбленными куличами.

Там, где река вскипает от огня
и взрывы разгоняют птичий стаи,
там каждый человек — моя родня,
сегодня я другой родни не знаю.

Там мой отец стране угля давал,
рвал шашки с динамитом под землёю,
там я пацанкой лазила в завал
с другою малолетней ребятнёю.

Ну что ж, пойдём по пояс в лопухах
вдоль длинного дощатого забора,
там мать стоит в испуганных слезах
и в дом меня ведёт для разговора.

Мы медленно проходим по двору
протоптанной в густой траве дорожкой,
я ей клянусь: вовеки не умру,
я буду в этом мире осторожна.

«Поэтом будет, — говорил отец, —
Смотри, как складно сказывает басни!
Хоть мать бы пожалела наконец!»
Да я, да что, оправдываюсь разве?

Ах, милые, кто знал в пылу игры
из нас, детей бессмертного детсада,
как будем защищать свои миры
одной семьёй — поэты и солдаты.

Давай всё по порядку, Бога ради!
Шиповник, прислонившийся к ограде,
и допотопный поезд на путях.
Истёршуюся эту киноленту
прокручивает память беззаветно
ночному кинозрителю в летах.
Три фонаря на грязном полустанке,
похожие на белые поганки,
вагонный чай, дорога впереди,
усталые нахмуренные лица,
хорошего пути, как говорится,
хорошего, любимые, пути!
Поехали же! Поле, плёс, болотце.
На голубой сетчатке остаётся
запас живых картин накоротке,
подлесков в переменчивом убранстве —
так у приютских в знак о вечном братстве
навек татуировка на руке.

Дай опишу весь маршрут:
громко стучат барабаны,
школа, потом институт,
в жизнь мы пошли, как бараны.
Как остригали на фронт
мальчиков, как на курорт.

Как из Афгана дружок
в цинковом гробе приехал.
Зал-ресторан, пляшет «Жок»
и в телевизоре Пьеха.
В семидесятых отказ,
как приглашение на казнь.

Вспомнить бы лучшее в ней.
Пусть перечислит эпоха,
где я жила меж теней,
дней, где мне не было плохо.
Спит там любовь моя с краю,
пледом его укрываю.

Главного не утаю:
злую советскую жижу,
клинику, суд и статью,
и как из клиники вышла,
как я листовку пишу.
Что я пишу? Ненавижу.

Ночь. Я твержу имена.
Где-то война в мире бледном,
там запишите меня
в нём иностранным агентом.
Спросят меня: «Вы доцент?»
Я иностранный агент.

Дело было ввечеру,
дятел молотил кору,
муж читал свой интернет
и вздыхал: «Какой-то бред!»

Дочь смотрела в телефон,
говорила папе в тон:
«Папа, им ведь отомстят!»
За окном горел закат.

Там темнели провода,
и, как будто сквозь года,
в них плыла одна звезда
в мир, убитый навсегда.

В дверях хэллоуинская тыква,
и в доме гостей, что семян,
откуда-то Галка возникла,
с вещами таша чемодан.
Она обнимает гитару,
стакан поднимает с вином
и сладостным взглядом гетеры
обводит мужчин за столом.
С какого пришла она света?
В степях Украины село.
На босых ногах ее кеды,
из юбки колено бело.
Не тыквой ли, что превратилась
в карету, попала сюда?
В глазах расстоянья на вырост,
дни, месяцы и города.
Над всей круговою порукой,
над общим столом, чёрт возьми,
над смертью, войной и разлукой
одно до-ре-ми. До-ре-ми.

Можно я попрошу, чтобы там, куда тихо иду,
был бы лес на ветру, чтобы ивы стояли в пруду,
чтобы гуси, как гусли, гудели,
чтобы звук неустанно летел далеко и держал на лету
то, что в жизни возвыщенно пели.

Можно дать мне по сторону ту простодушный пейзаж
леса, крыши, камышей, как простой карандаш,
дачных домиков их необстроганной дранки.
Не кончается это, продолжается, чтобы на глаз
узнавание было, опять приводил бы в экстаз
мир, который я видела раньше с изнанки.

Можно мне там со всеми своими огонь развести,
посидеть у огня, чтобы яблоко света в горсти,
перегуды гусей над долиной, звёзд цветные отточья,
приснопамятный дым — всё, что было при жизни в чести,
ну, а ежели нет, то позволь мне весенней долиной брести,
и спасибо за всё, и спокойной всем ночи.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Хроники Свободного университета

Часть 6

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, член управляющей коллегии Свободного университета

В конце мая 2022 года Россия объявила, что откажется от Болонской системы высшего образования, которая подразумевает уровневую подготовку специалистов. Одна из причин такого решения — нежелание иностранных работодателей признавать российские дипломы. Но пока чиновники решались, Болонская группа сама исключила оттуда Россию.

Свободный университет объявил, что остается в Болонской системе, и мы начали готовить наши программы к лицензированию именно по ее стандартам.

Морально первый военный семестр был очень тяжелым. Часть наших преподавателей покинула Россию. Их надо было трудоустраивать и помогать им выживать. Началось великое переселение журналистов — в России массово закрывались/блокировались/запрещались свободные медиа. Люди выезжали целыми редакциями. Это становилось все труднее делать, поскольку одна за другой для россиян закрывались границы европейских стран. На глазах и очень быстро раскручивался маховик репрессий. Продолжались увольнения преподавателей и разрушение высшей школы. А наш университет работал. Ценность онлайн-образования, независимого от границ и цензуры, проявилась со всей полнотой. Мы невольно стали лидерами. А значит, должны были показывать пример остальным.

Весной 2022 года под лозунгом #StandwithUkraine мы объявили набор на 14 онлайн-курсов для учеников старших классов, которые были вынуждены покинуть свои дома и школы.

Сегодня все люди доброй воли вносят свой вклад в то, чтобы остановить войну. Наша работа — учить людей. Мы выступаем волонтерами и хотим делиться своими знаниями со школьниками. Мы верим, что хорошее образование — это шаг к свободной и мирной Европе.

Мы свободные профессионалы.

Мы говорим, преподаем и пишем на разных языках.

Наши курсы не дублируют и не заменяют национальные школьные программы и уроки, не готовят к выпускным и вступительным экзаменам. Мы продолжаем традицию малых факультетов, предлагающих старшеклассникам попробовать себя в качестве будущих студентов.

Свободный Университет объединяет преимущественно русскоязычных преподавателей, ЖИВУЩИХ ПО ВСЕМУ МИРУ.

Свободный Университет никогда не получал никакой государственной поддержки и не связан с официальными образовательными программами ни одной страны...

— так звучало объявление на сайте университета.

И школьники пришли. Очень разные и из разных мест. Одни слушали наши курсы из бомбоубежищ в украинских городах, другие из временного жилья в своих новых странах, куда они переместились вместе со своими родителями. Вырванные из привычного мирного быта, оторванные от друзей, эти ребята были растерянными, но очень серьезными и очень хотели учиться.

Вот эти курсы:

Практическая поэтика

История современности

Введение в экономику

Почему нам интересно читать книги и смотреть фильмы

Введение в историю, или «Чем может быть полезна история современному человеку?»

English literature in English: Shakespeare's Hamlet

Основы обществоведения

Введение в историю кино

Теория литературы

History of the book

Основы аргументации

Критическое мышление

Логарифмические и тригонометрические уравнения и неравенства
Город как текст

Языками для сдачи работ по окончании курсов были объявлены русский, украинский и английский.

Наш профессор Ася Штейн так описала свой курс «Практическая поэтика»:

Ямбы, хореи, эпитеты, метафоры... а ведь есть еще всякие метонимии, синекдохи, амфибрахии... Все эти слова навевают тоску уныние и полное недоумение: а зачем вообще всё это знать человеку и, тем более, школьнику? Наш курс не только поможет разобраться, что же означают на самом деле все эти загадочные слова из школьного учебника литературы, но и понять, что читать стихи — это совсем не скучно, что анализировать их весело, а писать собственные — несложно и интересно. В наше сложное время поэзия может стать мостиком взаимопонимания и дружбы, поэтому на нашем курсе мы будем разбирать стихи как по-русски, так и по-украински.

К августу 2022 года у нас наконец, заработал новый сайт. Старый, сделанный наспех и «на коленке» в сентябре 2020 года уже не обеспечивал всего функционала университета и его новых объемов. Мы готовились к осеннему набору. Несмотря на тяжесть обстановки у нас были большие планы. Во-первых, мы собрали полную двухлетнюю магистерскую программу по публичному. Собирали и оттачивали мы ее больше года. Собирали лучших преподавателей, рассчитывали и модифицировали. Получилось круче, чем это было в московской Вышке. И все потому, что мы могли позволить себе междисциплинарность, которой так не хватает в стационарных вузах. Для обострения и уточнения юридической оптики мы привлекли политологов, политических географов, юристов из других отраслей и кратно увеличили объем преподавания теории и практики местного самоуправления.

Во-вторых, мы обновили и усилили программу медиашколы. Кюлле Писпанен, декан Медиашколы Свободного университета:

В этом году мы решили запустить уже большую двухгодичную магистерскую программу Медиашколы. Да, это более длинный и тернистый путь, но зато слушатели получают полную программу обучения сравнимую с любым хорошим журфаком, но где сейчас те журфаки?! А у нас есть все, что понадобится журналисту, весь инструментарий, прикладные навыки. Знаете, какой главный отзыв наших слушателей первого набора? Вы за два месяца дали знаний и пониманий больше, чем я получил за 5 лет обучения на журфаке таком-то.

Я дико горжусь тем, какой коллектив преподавателей удалось собрать за год существования Медиашколы.

Очень благодарна всем, кто понимает, что сейчас это практическое единственное свободное от политики «партии» учебное заведение, и что начинающим журналистам надо помогать, ведь больше им пойти некуда. Переживаю за студентов, которые в мотивационных письмах писали — мы разочаровались в журналистике, помогите полюбить ее обратно, надеюсь, у нас это получается. Спасибо Свободному Университету что поверили в меня и дали шанс снова полюбить журналистику)).

Ольга Романова, профессор Медиашколы:

Ровно год назад я начала читать лекции в Медиашколе Свободного Университета. Я осознанно взяла курс «Журналистская этика», поскольку никогда не любила этот предмет. Если честно, то учебники по журналистской этике всегда мне напоминали проповедь, написанную старшим бухгалтером колхоза имени Лопеса де Вега. Слишком скучно, слишком очевидно, слишком далеко от реальности. А главное — жизнь меняется быстрее, чем пишутся учебники.

Поэтому курс как-то сам собой назвался «Новая журналистская этика».

Курс из десяти лекций дался мне очень тяжело. Нет очевидных ответов на очевидные вопросы. Мы искали их вместе со студентами. И, кажется, нашли. А еще по итогам занятий я обрела нескольких прекрасных сотрудников в свои проекты, связанные с медиа.

Не буду рассказывать, что изменилось за год. Не то, чтобы этика пошатнулась — зашатался весь мир. И уже с новыми слушателями мы ищем ответы на новые этические вопросы.

Интересно: то, что было найдено год назад, сейчас воспринимается едва ли не как аксиома. Разбирая с новыми слушателями прошлогодние кейсы, слушатели кивают — ну да, всё понятно и очевидно.

Так-то сейчас. А год назад мы нашупывали ответы, ориентируясь на весь предыдущий журналистский опыт. И ведь нашупали.

А еще мы создали новый факультет «Свободные курсы Свободного университета», в котором собрались творцы — писатели, поэты, режиссеры, драматурги, артисты, музыканты. Объединившись, они образовали потрясающую атмосферу нового. Факультет начал развиваться. Мы также приступили к разработке концепции бизнес-школы.

Ну и новых курсов у нас накопилось много.

Несмотря на войну, а, может, и вопреки ей, приток новых преподавателей увеличился. И все же было тревожно — сколько студентов придет к нам в новых условиях?

Юлия Горбатова:

Какой бы мрак ни наступал отовсюду, наш Свободный Университет старается светить. В этот раз мы запускаем 81 курс.

7 сентября 2022 Кирилл Мартынов написал на свой странице в Фейсбуке:

Через шесть часов закончится набор на осенний семестр Свободного университета.

Два года назад нас было 20 человек, решивших преподавать своим студентам, несмотря ни на что — когда во время локдауна Высшая школа экономики «оптимизировала ППС» и выкидывала нас на улицу. Это был большой подарок, потому что, конечно, не знаю, что было бы 24 февраля со мной, если бы я был доцентом со стажем в 15 лет в любимом университете, мог бы и испугаться.

Теперь нас 150, только в этом семестре заявлены 75 курсов, а также две двухлетние программы для журналистов и юристов.

Модель прежняя: мы площадка для тех, кто хочет учиться и уметь это делать хорошо, и если официальные университеты в России больше невозможны, то будут такие как наш: летучие, вольные, партизанские.

Просто мы очень любим свое дело.

Какие цели преследует Свободный университет? Во-первых, делать качественное образование без цензуры и поддержать тем самым студентов и преподавателей, спасти то, что осталось от российской академии для будущего — если не рабочие места для всех, то хотя бы мозги и волю.

Во-вторых, стать хабом, соединяющим наших студентов и преподавателей с мировой наукой в условиях, когда РФ занята самоизоляцией. Мы стали единственным академическим центром, связанным с Россией, выступившим против войны в полном составе.

В-третьих, мы будем создавать правозащитный центр, направленный на систематическую помощь людям, связанным с высшим образованием в РФ и подвергающимся преследованиям.

Наконец, мы ведем сложные переговоры о лицензировании наших программ в Европе. То, что год назад было скорее пожеланием, теперь необходимость, и мы это сделаем.

Итак, в сентябре 2022 года мы объявили 95 учебных курсов. И тревожились зря, потому что получили 6200 мотивационных писем от студентов.

Андроник Арутюнов, кандидат физико-математических наук, профессор школы точных наук:

7 сентября 2022 года. На курс линейной алгебры (скучная нудятина) я получил 157 заявок. И с ужасом думаю о том, сколько я получу заявок на зимний [курс] теории вероятностей (который молодёжный и популярный).

С этого мы начинали. А ещё у нас тогда было 20 курсов, планов громадьё, оптимизм и отсутствие каких-либо выстроенных процессов, и, если быть честным, сильное подозрение что проект скоро увянет, потому что вообще непонятно что и как делать. Но мы справились!

Теперь у нас только в Школе Точных Наук 19 курсов, а вообще у нас 75 курсов, две двухгодичные программы (и это ещё не всё даже на этот семестр!), журнал, издательство (с уже изданными книгами), развитая инфраструктура и функционирующая внутренняя структура. И главная стратегическая проблема — как нам организовывать набор в ситуации, когда у нас курсов будет больше сотни, как нам формировать новые учебные программы и тому подобные проблемы роста. И есть уверенность, что справимся!

А мимо по-прежнему бродят всякие рыла и рассказывают о том, что «да кому вы нужны», и «какая-то подозрительная организация». А больше всего я ржу от комментариев в духе «а от чьего имени они там договоры заключают»?

Идите, дорогие комментаторы, своей дорогой! Свободный Университет не просто жив, но и активно растёт и развивается. Никто не знает, как оно будет через пару лет, конечно, но этот проект уже состоялся.

Он же 16 сентября 2022:

Закончил читать мотивационные письма и разослал ответы: согласия и отказы. Так что если вы — ага, то загляните в почту, и, если там нет ответа (и он не попал в спам или что-то типа того), дайте знать пожалуйста.

Кстати, о самих письмах и о том, что я там вычитал. Вообще я бы сказал, что чтение мотивационных писем — это та ещё «энциклопедия русской жизни», хотя точнее было бы сказать «русскоязычной». Заявки прислали и из РФ, и из Белоруссии, и из Украины (что особенно ценно, на самом деле). Много заявок от эмигрантов как недавних, так и уехавших давно.

Очень много заявок из российской провинции: Сибирь, Урал (например, несколько заявок из Томска). Есть занятная заявка из (не поверите) Мексики. Так что с точки зрения географии мы вышли далеко за пределы Москвы и того информационного пузыря, с которого когда-то начинали.

Люди пишут... Пишут иногда сухие письма: профессия, потребность. Часто жалуются, что в университете им или плохо преподавали, или плохо мотивировали. Многие люди с биологическим или ИТ-образованием жалуются, что им линейную алгебру не преподавали вовсе, хотя она им оказывается необходимой. Некоторые пишут чуть ли не автобиографии. Особенно меня впечатлила история одного парня, который хотел стать дипломатом, но в результате разочаровался и в дипломатии, и в государстве, и в своём образовании и сейчас меняет профиль. Впечатлили истории от нескольких человек, в которых они рассказывали о своих жутких проблемах с финансами и просто невозможности получить нормальное образование в университете (к вопросу о бесплатном образовании, ага).

В общем учиться к нам пришёл настоящий русский мир, а не из телевизионных лубков. Молодые (и не очень) люди, с раз-

ными судьбами, разными специальностями, разными географическими координатами которым очень нужны знания и не очень нужны формальные корочки. И это огромная радость и большая ответственность. Постараюсь соответствовать.

Ирина Алебастрова, доктор юридических наук, профессор Свободного университета 15 сентября 2022:

Прочитала более 140 мотивационных писем в нашу магистратуру «Публичное право» Свободного университета. Теперь предстоит осуществить отбор лучших. Это будет очень непросто сделать, ибо почти все письма свидетельствуют об авторах как о ярких, зрелых, глубоких, мыслящих и неравнодушных личностях. Но написать я хотела не об этом. Знаете, что чаще всего упоминается в качестве мотива, побудившего соискателя податься на нашу программу? Необходимость подготовиться к демократизации нашей страны, чтобы не упустить очередной шанс. Разными словами данный мотив упоминается более чем в половине обращений. Лично меня это не то чтобы удивило, скорее я, как неисправимый оптимист, воодушевилась (весьма, впрочем, робко, но и это дорогое стоит): «саду цвесь?..»

Любовь Борусяк, кандидат социологических наук, профессор Свободного университета 10 сентября 2022 года:

Получила мотивационные письма — заявки на участие в курсе Свободного университета. Надеялась, что их будет мало, не люблю отказывать. Да и была гипотеза, что в новой ситуации интерес к учебе несколько охладел. Когда поглядела на число файлов с мотивационными письмами, слегка похолодела (хотя куда уж холодеть в моем морозильнике, где даже коты не хотят утром вылезать из-под одеяла) — заявок около ста. Такого никогда не было.

Занята основной работой, пишу отчет, но понимаю, что все это предстоит прочитать и сделать выбор. Даже страшно становится, как в этом разобраться и правильно набрать курс. Конечно, хотелось бы никого не обижать, но они же у меня каждую неделю эссе пишут, я умру, если придется такой объем читать. В общем, радует, что интерес к Свободному университету растет, но и сильно пугает это число заявок.

Татьяна Сотникова (Анна Берсенева), профессор Свободного университета:

Учебный год начинается для меня замечательным событием: я рада и горда, что присоединилась к команде Свободного Университета — Free Moscow University. Вы только посмотрите, какие люди там преподают! Невозможно не гордиться тем, что ты работаешь вместе с ними. Я буду читать курс, который хотела читать всегда: «Русская проза новейшего времени (1990-е — 2020-е годы). Авторы и тренды». Жизнь моя сложилась так, что я оказалась прямо в центре этой самой прозы новейшего времени, причем в нескольких ролях — автора, критика, преподавателя, рецензента самотека в крупном издаельстве, и это еще не все. И мне всегда было жаль, что та картина современной русской литературы, которая у меня при этом сложилась — разумеется, субъективная, но ведь другой она и быть не может — только при мне и остается. Ну вот теперь я постараюсь представить ее всем, кому это интересно.

Ася Штейн, профессор Свободного университета, преподаватель мифологии:

Сегодня я начала третий академический год в Свободном Университете. На мой курс по хеттской мифологии пришло больше сорока мотивационных писем. И почти всех желающих я взяла. Я снова не спала ночь и снова боялась первого занятия. Но все получилось замечательно. Не потому, что я отличный преподаватель, а потому, что у меня отличные студенты. Я надеюсь, что вместе мы снова пройдем этот путь и снова узнаем что-то новое о текстах.

В октябре наши профессора Ася Штейн и Андрей Десницкий переехали в Вильнюс...

Жить спокойно и размеренно — явно не стиль Свободного университета.

Заявление Ученого Совета Свободного университета

Призываем к международной
академической солидарности в защиту
Андрея Заякина и Леонида Гозмана

31 августа 2022

29 августа 2022 года в Москве были задержаны наши коллеги — ученый и журналист Андрей Заякин и политик, про-

фессор Свободного университета Леонид Гозман. Андрей Заякин отправлен под фактический домашний арест, ему грозит до восьми лет тюрьмы. Гозман, уже находящийся под подпиской о невыезде по другому уголовному делу, арестован судом на 15 суток и отправлен в спецприемник.

Заякина обвиняют в том, что он два года назад перевел 1000 (тысячу) рублей в Фонд борьбы с коррупцией, объявленный «экстремистской организацией». Гозмана обвиняют в том, что он сравнил Сталина и Гитлера: соответствующую запись нашли в его социальных сетях за 2020 год.

Очевидно, что оба обвинения — противоправны. Наших коллег преследуют за политическую деятельность: Леонид Гозман много лет выступает с конкретной критикой российского режима и его политики удушения демократических свобод. Андрей Заякин — как ученый и создатель проекта «Диссернет» — много лет борется с plagiatом, наносящим колоссальный ущерб и науке, и всему российскому обществу.

Мы понимаем, что наши слова о недопустимости преследования людей за их убеждения едва ли приведут к немедленному снятию с Андрея Заякина и Леонида Гозмана противоправных обвинений. И все-таки мы требуем этого. Мы просим помочь и от международного академического сообщества. Давайте вместе вызволять из неволи людей, борющихся за права человека и за настоящую науку.

*

Утром 21 сентября в телеобращении Владимир Путин объявил «частичную мобилизацию» в России...

Курсы, объявленные в сентябре 2022 года

Школа Точных Наук

1. Climate Studies

Александра Гордей

Магистр физики океана и атмосферы МФТИ; участница научно-исследовательских рейсов в Арктике и Антарктиде; сотрудница института океанологии им. П. П. Ширшова РАН

2. Базовая органическая химия*Валерия Андреева*

Химик. Аспирант в Leiden Institute of Chemistry, Нидерланды.
ESR (early stage researcher) фонда Марии Кюри

3. Алгоритмы и структуры данных*Денис Крахмалев.*

Java-разработчик, аспирант МФТИ

4. (Ир)рациональность? Краткое введение в поведенческую экономику*Егор Бронников*

Экономист, магистрант Университета Уtrecht, приглашённый магистрант Университета Тилбурга, приглашённый исследователь Венского Университета

5. Биогеография*Игорь Жирков*

доктор биологических наук

6. Общая география*Леонид Перлов*

Учитель географии высшей категории, почетный работник общего образования России

7. Математическая статистика*Максим Скрябин*

Кандидат физико-математических наук, доцент практики Университета ИТМО

8. Общая алгебра*Никита Монченко*

Сотрудник Центра фундаментальной математики МФТИ (кафедра высшей математики)

9. Макроэкономика*Николай Кульбака*

Кандидат экономических наук

10. Введение в экономику*Татьяна Червенко*

Кандидат экономических наук

Цех философии и религиоведения

11. Социально философские основы цифрового капитализма*Александр Климович*

Кандидат философских наук. Научный руководитель в Laboratory Digital Economy and Society

12. История иудаизма: другое чтение

Александр Львов

Кандидат исторических наук, антрополог

13. Байесовская эпистемология

Виктор Горбатов

14. Августин

Константин Бандуровский

Кандидат философских наук, независимый исследователь,

15. Испанская мысль

Роман Устяняев

Философ, МА университет Комплютенсе, Мадрид

16. Аналогия сущего

Руслан Лошаков

Доктор философских наук

17. Философия свободы

Михаил Юданин

PhD по философии от университета штата Джорджия, США

18. Введение в современную социальную философию,

или «Что там после постмодерна?»

Самсон Либерман

Кандидат философских наук, доцент Казанского Федерального Университета, автор тг-канала «Локус»

Цех политологии и права

19. Судебная лингвистическая экспертиза

Елена Новожилова

Филолог, магистр права член Палаты судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)

20. Безусловный базовый доход

Андрей Авдеенков

Философ, политолог

21. Правосудие переходного периода (Установление мира и правосудие)

Наталья Кантович

юрист

22. История международных отношений

Олег Белкин

Кандидат исторических наук, доцент

23. Проектное и случайное в генезисе РФ — российская система как политическая импровизация

Глеб Павловский

Политолог

24. Авторитарные выборы

Дмитрий Гончаров, доктор политических наук, профессор епархии политологии и международных отношений НИУ ВШЭ, СПб

Сергей Шпилькин, независимый исследователь выборов

25. Права человека. Трудные вопросы

Дмитрий Дубровский

Кандидат исторических наук

26. Государство и общество в Латинской Америке

Татьяна Ворожейкина

Политолог, специалист по междисциплинарным сравнительным исследованиям отношений государства и общества в России и в странах Латинской Америки

27. Основы англо-американской теории права /

Fundamentals of Anglo-American Legal Theory

Анна Лукина (на двух языках)

Магистерская программа «Публичное право»

I. Обязательные дисциплины:

- **Конституционное право. Углубленный курс**
Елена Лукьянова, доктор юридических наук
- **Конституционные ценности. Коллективный курс**
Ирина Алебастрова, доктор юридических наук; *Елена Лукьянова*, доктор юридических наук; *Дмитрий Дубровский*, кандидат исторических наук, научный сотрудник СЕЕЛИ Institute; *Елена Абросимова*, доктор юридических наук, заведующая кафедрой коммерческого права и основ правоведения МГУ; *Илья Шаблинский*, доктор юридических наук; *Глеб Богуш*, кандидат юридических наук, приглашенный исследователь Уппсальского университета (Швеция)
- **Права человека. Пропорциональность и балансирование. Практикум по ограничению прав**
Татьяна Храмова, кандидат юридических наук
- **Федерализм и политическое пространство. Специфика России**
Дмитрий Орешкин, российский политический географ, кандидат географических наук; *Ирина Бусыгина*, док-

тор политических наук, кандидат экономических наук, профессор; *Наталья Зубаревич*, доктор географических наук, профессор

- **Конституционное правосудие**

Ольга Кряжкова, кандидат юридических наук; *Евгения Нефедьева*, исследователь в области конституционного и международного правосудия, практикующий юрист

- **Актуальные проблемы избирательного права и избирательного процесса современных государств**

Евгений Порошин, специалист по избирательному праву, практикующий избирательный юрист; *Сергей Шпилькин*, независимый исследователь выборов, физик, специалист по избирательной статистике

- **Парламентаризм и основы законотворчества**

Елена Лукьянова, доктор юридических наук; *Илья Пономарев*, политический деятель, депутат Государственной думы V и VI созывов

- **Муниципальная демократия: современные проблемы реализации и границы конституционно-правового регулирования**

- **Сравнительное конституционное право (вертикальная компаративистика)**

Екатерина Мишина, кандидат юридических наук

- **Проблемы и тенденции развития современного международного публичного права**

Глеб Богуш, кандидат юридических наук, приглашенный исследователь Уппсальского университета (Швеция)

II. Дисциплины по выбору:

- **Частноправовые начала в публичном праве: проблемы разграничения и синтеза с точки зрения теории и философии права**

Артем Никифоров, специалист по праву в сфере ИТ/ИР, философии интеллектуальной собственности, магистр частного права РШЧП

- **Конституционно-правовые механизмы обеспечения социальной солидарности (альтернативный**

курс конституционного права)

Ирина Алебастрова, доктор юридических наук

- **Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации**

Илья Шаблинский, доктор юридических наук, член

Московской Хельсинкской группы

- **Основы права ЕС**

Елизавета Сапончик, LL.M, PhD candidate, юрист адвокатской фирмы Bird&Bird, Мюнхен

- **Правовой анализ ситуаций нарушения прав человека на основе подходов международных органов по защите прав человека**

Мария Воскобитова, кандидат юридических наук, директор программ Американской ассоциации юристов

- **Психология политики**

Леонид Гозман, кандидат психологических наук

- **Политическая конкуренция. Теория и практика электоральной инженерии**

Александр Кынев, кандидат политических наук

- **Узнать и понять общество: социологические исследования для юристов**

Любовь Борусяк, кандидат экономических наук

- **Права человека в контексте биополитики**

Татьяна Храмова, кандидат юридических наук

- **Академические права и свободы**

Дмитрий Дубровский, кандидат исторических наук, научный сотрудник CEELI Institute

- **Уголовная политика**

Дмитрий Гурин, юрист European Prison Litigation

Network, старший юрист Центра защиты прав человека «Мемориал», эксперт Совета Европы

- **Современные правовые основы организации местного самоуправления: доктрина и практика**

- **Экономические (хозяйственные) основы организации местного самоуправления: проблемы правового регулирования**

Филология и науки о культуре

28. Раннее христианство

Андрей Десницкий

доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

29. Актуальный исторический дискурс и поэзия: документ, гротеск, вымысел в русской поэзии XX века

Анна Клятис

доктор филологических наук, приглашённый исследователь Иерусалимского университета

30. Хеттская мифология

Ася Штейн

преподаватель мифологии и семиотики Лицея 1553 им. Вернадского, Москва

31. Языковые политики и масс-медиа поздней советской и постсоветской эпохи

Гасан Гусейнов

доктор филологических наук

32. Проблематика гендеря в неподцензурной советской литературе и искусстве

Максим Лепехин, PhD программа факультета славистики TU Dresden

Юлия Подлубнова, кандидат филологических наук, преподаватель Уральского федерального университета, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

33. Древнегреческий с нуля

Михаил Белянин

Специалист по древним языкам

34. История советской литературы

Наталья Громова

Историк литературы, писатель, член ПЭН клуба, Москва
Отделение визуальных и перформативных искусств

35. Национальный театр в XX веке. Еврейский театр в России — Габима и ГОСЕТ

Елена Тартаковская, PhD (Theatre Studies), Израиль

Василий Щедрин, PhD (Modern Jewish History), профессор еврейской истории, Университет Квинс, Канада

36. Введение в раннее русское кино

Анна Ковалова

историк кино, филолог, кандидат филологических наук,

ассоциированный сотрудник Европейского университета
в Санкт-Петербурге, Россия

37. Раннее русское кино: история, поэтика, иконография
Анна Ковалова

историк кино, филолог, кандидат филологических наук,
ассоциированный сотрудник Европейского университета
в Санкт-Петербурге, Россия

**38. Экранная образность в современном кино- и теле-
фильме**

Валерий Балаян

Кинорежиссер, радиожурналист, сценарист документаль-
ного кино

39. Системы искусства

Оксана Саркисян

Куратор и критик современного искусства; преподаватель
школы МАРШ

**40. Человек музыкальный: история музыкального искус-
ства от неандертальца до Романа Сладкопевца**

Мария Остроухова

Оперная певица

41. Введение в историю европейской музыки 17–18 веков.

Как научиться слушать и понимать музыку барокко

Александра Маглеванная

Музыкант (виола да гамба)

Отделение антропологии и этнографии

**42. Введение в теорию и практики гуманитаризма: Бла-
гие намерения и гуманитарная ответственность**

Елена Черепанов

Доктор психологии, профессор Высшей школы психологии
и консультирования (Кембриджский колледж, Бостон)

43. Человек и война

Полина Жеребцова

Писатель-документалист, поэт, художник

44. Romani studies (цыгановедение)

Марианна Сеславинская

PhD (Cultural Studies), член европейского цыгановедческого
академического сообщества

**45. Особые пути» России и Германии в XX веке: параллели
и контрасты. Цикл лекций**

Леонид Люкс

Профессор истории, главный редактор журналов «Форум но-

вейшей восточноевропейской истории и культуры» и «Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte»

46. Введение в транскультурные исследования

Роман Цибулев

MA in Transcultural Studies и PhD Candidate в Heidelberg

Center for Transcultural Studies, Heidelberg University

Свободные курсы Свободного Университета

47. Творческая мастерская режиссера Владимира Мирзоева. Искусство кино: режиссура и драматургия

48. Образ Сталина в мировой литературе. Авторский курс

Дмитрий Быков

Писатель, публицист

49. От телевидения к YouTube, от программы к блогу.

Имеет ли журналист право на свой особый взгляд?

Владимир Мукусев

Журналист, Россия

50. Техника речи — голос, дикция, интонация. Развитие коммуникативных возможностей

Мстислав Пентковский

Театральный режиссер, педагог по сценической речи, руководитель Студии ораторского искусства и публичных выступлений «ВО ВЕСЬ ГОЛОС» (www.golos.ru), Латвия

51. Графический дизайн

Татьяна Сиротинина

Дизайнер, художник, руководитель корпоративных мероприятий и брендинга, Россия

52. Как написать хорошую курсовую, магистерскую и кандидатскую гуманитарную диссертацию?

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, профессор, Латвия

53. Поэтический мастер-класс с Катей Капович

Катя Капович

Магистр литературы, лауреат Премии Библиотеки американского Конгресса

54. Человек или животное: как врожденные и приобретенные признаки работают на благо или во вред особи, сообществу, виду

Максим Гольдштейн

Профессиональный педагог, EdD в научном образовании

55. Русская проза новейшего времени (1990-е — 2020-е годы). Авторы и тренды

Татьяна Сотникова

Кандидат филологических наук, писатель (литературный псевдоним — Анна Берсенева)

56. Ознакомительный актёрский курс «Рождение Нового» (работа по методу Михаила Чехова)

Олеся Савченко

Режиссёр, исследователь и педагог актёрского мастерства по методу Михаила Чехова, член Ассоциации Михаила Чехова (USA, MICHA)

57. История музыки

Евгений Скурат

58. Художественный текст как источник политического анализа

Илья Шаблинский

доктор юридических наук

59. 1914: Всечеловечество — Первая мировая война и Европа

Петр Сафронов

Философ, независимый исследователь

Исторический цех

60. Демидовы и российское государство

Алексей Мосин

Доктор исторических наук, председатель Уральского отделения Археографической комиссии РАН, председатель Екатеринбургского общества «Мемориал» (признано в России иностранным агентом)

61. Революции достоинства

Елена Галкина

Доктор исторических наук, независимый политический аналитик, политический консультант

62. Основы научных реконструкций прошлого

Игорь Данилевский

Доктор исторических наук, профессор

63. Транспортные коридоры России

Николай Кульбака

Кандидат экономических наук

Медиашкола

Обязательные курсы

1. Журналистская этика

Ольга Романова

Журналист, правозащитник, автор ЮТ канала

2. Как работают СМИ

Дмитрий Бутрин

Коммерсант-Ъ, заместитель шеф-редактора

3. Fundamentals of Media Security

Maria Ordzhonikidze, director of the Justice for Journalists

Foundation, sociologist, intelligence, and security specialist

Shahida Tulaganova, director and producer, winner of numerous awards, including Courage Under Fire by International

Documentary Association (IDA), Veteran War Correspondent *Svitlana Valko*, founder of the human rights organization Truth Hounds, field worker, organizer of hundreds of field missions to conflict zones, physical safety trainer, coordinator of projects to protect human rights defenders and journalists at risk

Mikhail Sinitsa, psychotherapist, employee of the Center for Psychosocial and Medical Rehabilitation of Victims of Torture, which works with victims of violence from the security forces and persons who have suffered traumatic stress during military conflicts

4. Информационный поиск и верификация информации в современной медиасреде

Илья Бер

Фактчекер, основатель и главный редактор «Проверено.

Медиа»

5. Аргументация для журналистов

Юлия и Виктор Горбатовы

Курсы по выбору

6. Политический язык и современные СМИ

Гасан Гусейнов

Доктор филологических наук

7. Критика и журналистика в сфере культуры

Юлия Бедерова

Музыковед, музыкальный критик, обозреватель газеты

«Коммерсант-Ъ» и радио «Культура», координатор Ассоциации музыкальных критиков (АМК), редактор альманаха

Московской филармонии «Меломан», куратор лабораторий

и образовательных программ по академической музыке
и театральной критике

**8. Построение общественных кампаний и гражданских
объединений в современных условиях в РФ**

Александра Крыленкова

Общественная деятельница, правозащитница, основательница нескольких гражданских движений, руководительница Инициативы помощи активистам «Открытое пространство»

9. Создание и продвижение канала на YouTube

Светлана Гуляева

креативный продюсер

10. Журналистика с гендерной линзой

Лола Тагаева

Журналист, бывший редактор «Дождя» и РБК, организатор Moscow MaleFest и Moscow FemFest, ведущая подкаста «Она сказала, он сказал»

**11. Интерактивный тренинговый курс по спортивной
журналистике: спортивный репортаж, новости, интер-
вью)**

Кирилл Набутов

Ведущий спортивных программ

**12. Техника речи — голос, дикция, интонация. Развитие
коммуникативных возможностей** Мстислав Пентковский
Режиссер

**13. Методы и инструменты для расследований по откры-
тым источникам**

Александр Мальчевский

Независимый специалист в области OSINT, корпоративной разведки, противодействия отмыванию доходов и расследований преступлений в сети. Группа анонимных OSINT-специалистов из разных стран

14. Сторителлинг

Валерий Панюшкин

Писатель, журналист

15. Мастерская расследовательской журналистики

Александрина Елагина

Шеф-редактор Полит.ру, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ

16. Война и медиа

Аркадий Островский

Журналист The Economist, а прежде — Financial Times.
Финалист Пулитцеровской премии, лауреат Orwell Prize
17. От журналистики к документальному кино

Роман Супер

Журналист, документалист

18. Экономическая и финансовая журналистика

Александр Коляндр

В прошлом журналист бизнес-отделов BBC и Wall Street Journal, ныне банковский аналитик

19. Правовая основа журналистской деятельности

Анастасия Буракова

Юрист, правозащитник, основатель проекта «Ковчег»

20. Работа в поле

Василий Полонский

Журналист («Дождь», «Новая газета»)

21. Работа редактора в СМИ

Сергей Соколов

Заместитель главного редактора «Новой газеты»

22. Введение в политическую журналистику в эпоху войны

Кирилл Мартынов

Главный редактор «Новая газета — Европа»

23. Разговаривать умеют все, но это неправда. Курс о том, что такая коммуникация в медиа. И чем отличается хорошая от плохой

Анна Качуровская

Журналист (Коммерсант-Ъ, Сноб, Радио Свобода и др.).

Работа на управляющих должностях, связанных с коммуникациями (Московский зоопарк, МПГУ, Политехнический музей)

24. Фриланс и мультимедийная журналистика

Нигина Бероева

Журналист «Дождь»

25. Правовые стандарты в области свободы слова: опыт Европы, тенденции регулирования, цензура

Галина Арапова

Медиаюрист, директор Центра защиты прав СМИ, эксперт Совета Европы, член экспертной группы при Представителе ОБСЕ по свободе слова (первый российский юрист, признанный в России иностранным агентом)

26. Психоанализ и культура. Психотехники образов и письма

Елена Фанайлова

Журналист Радио Свобода, поэт

27. Свободная журналистика XXI века

Георгий Урушадзе

Журналист, продюсер, издатель, до весны 2022 — генеральный директор российских литературных премий, лауреат премий «Ревизор» и «Серебряный лучник»

28. Как работает Медиазона

Сергей Смирнов

Главный редактор «Медиазоны»

29. Введение в журналистику данных

Арнольд Хачатуров

Отдел данных «Новой газеты»

30. Продюсирование и ведение авторского подкаста

Алекс Дубас

Теле- и радиоведущий, писатель, основатель компании «Фабрика Подкаста»

31. Практика иллюстрирования текста

Татьяна Сиротинина

Дизайнер, художник, руководящий менеджер по рекламе и маркетингу

32. Репортажная журналистика: от питча до выпуска

Анастасия Лотарева

Специальный корреспондент ВВС, ведущая подкаста «Давай голосом» про самые важные репортажи и расследования о России

Открытые лекции

- *Дмитрий Муратов* — главный редактор «Новой газеты»
- *Катерина Гордеева* — журналист, автор YT-канала «Скажи Гордеевой»
- *Илья Красильщик* — журналист, издатель «Служба поддержки»
- *Таня Фельгенгауэр* — журналист «Эхо Москвы»
- *Лика Кремер* — создатель студии подкастов «либо-либо»
- *Михаил Зыгарь* — писатель
- *Наталья Синдеева* — владелица ТК «Дождь»

- *Андрей Горянов* — главред русской службы BBC
- *Таисия Бекбулатова* — главред «Холод»
- *Филипп Дзядко* — создатель проекта «Арзамас»

Природа человека как предмет нового междисциплинарного курса

Макс Гольдштейн

Кандидат педагогических наук, профессор Свободного университета

...Вы спросите меня: чем велик человек? Тем, что создал вторую природу? Что привел в движение силы почти космические? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно во Вселенную? Нет! Тем, что несмотря на все это, уцелел и намерен уцелеть далее...

А.и Б. Стругацкие

Аннотация: Курс «Природа человека», появившийся в программе Свободного университета (СУ) летом 2022 г., был предложен слушателям в течение осенного и весеннего семестров 2022/2023 учебного года. В основу курса взяты знания из эволюционной и нейробиологии, этиологии, социобиологии и антропологии, когнитивной психологии и других наук. Эти знания и соответствующие исследования помещены в исторический и культурный контекст эволюции человечества за последние несколько миллионов лет. В каждом из двух семестров слушателям были предложены пятнадцать двухчасовых семинаров в Zoom, с последующими дебатами. Созданный для целей коммуникации в группах телеграм-канал помогал инициировать и поддерживать обмен информацией и мнениями между всеми участниками курса. Представлены логистика построения и краткое описание программы курса, а также основные результаты и выводы, полученные на основе анализа семинаров, изученных материалов и вклада слушателей. Данная работа, без сомнения, должна быть интересна широкому кругу, как специалистов-антропологов, так и преподавателям, работающим в междисциплинарных областях знания, связанных с изучением человека.

Введение

Идея курса появилась в середине 2022 года, в разгар боевых действий России против Украины, и во многом была инспирирована этой войной. Меня занимал вопрос: как образованные люди, с багажом и памятью событий XX века и часто вспоминающие о них, способны к ничем не объяснимым поступкам и парадоксальным действиям, таким как развязывание войны?

И сейчас, во время этого конфликта, многие из нас отмечают, что разительно изменилось и наше отношение ко многим вещам и людям, а также сам характер общения с людьми. Человек, способный на масштабное творчество и созидание, также способен и на масштабное разрушение. Что это говорит о человеке? Каков он, и какова его истинная природа?

Я составил программу, которая как нельзя лучше подходила для списка Свободных курсов СУ, и уже в сентябре 2022 года курс был предложен слушателям в программе университета. После отбора из 84 заявок, набралось 56 слушателей. Их география была представлена в диапазоне от Калифорнии до Новосибирска.

Я сразу решил, что курс будет междисциплинарным, и мне понадобится привлечь массу литературы, обзоров и интервью для ответа на вопрос о природе человека. Мне и моим слушателям в процессе понадобилось синтезировать знания многих дисциплин, связанных с изучением *Homo sapiens*, от генетики до когнитивной психологии.

Слушателями курса были представители различных областей знания: биологи, психологи, социологи, экономисты, юристы, и даже математики. Занятия проходили еженедельно в Zoom, и были построены по модели семинарского занятия в ВУЗе, когда к занятию слушателям предлагаются ряд вопросов для обсуждения и соответствующую литературу, а затем на уроке преподаватель делает небольшое вступление и дает обзор темы, после чего студенты приступают к обсуждению.

Главной особенностью этого курса явилось то, что человек служит не только многосторонним объектом, но и субъектом собственного изучения. Нам, представителям этого вида, предстояло рассмотреть и проанализировать биологические особенности, работу мозга, образы мысли, социальное устройство и модели поведения *Homo sapiens*, то есть самих себя. И как бы ни льстила нам мысль о том, что человек — это уникальный биологический вид, на две головы превосходящий весь окружающий его мир, приходится смириться с непреложным фактом, что человек — всего лишь один из множества видов на этой планете, который продвинулся в эволюционном развитии настолько далеко, что стал, в числе прочего, опасен для самого

себя и для окружающей его среды. Отдельные науки о человеке уже накопили немало информации о функционировании мозга и психологии поведения, о культурном наследии и социологии групп. Однако связать эти науки в целостное и последовательное учение о природе человека еще предстоит.

Обоснование курса

Ниже следующие тезисы помогли мне организовать и контекстуализировать курс:

- 1. Человек — это, прежде всего, биологический вид, продукт эволюционного развития животного мира.** Наше устройство определяется генами наших прямых предков, с одной стороны, и многообразными условиями окружающей среды, с другой. Какие-то характеристики достались нам от далеких предков; какие-то из них мы не в силах изменить, а другие берем от окружающего мира и перерабатываем.
- 2. Эволюция способствовала стремительному росту объема мозга у человека.** Это важное преимущество обеспечило ему господство в производстве орудий труда и преобразовании зоны его обитания, в изобретении огня и освоении членораздельной, многофункциональной речи. Все эти факторы в совокупности способствовали быстрому продвижению *Homo sapiens* вверх по эволюционной лестнице, что привело к успешному распространению его по всем материкам и завоеванию обширных ареалов обитания.
- 3. Освоение речи, безусловно, сопутствовало социализации человека, образованию более сложных и иерархически выстроенных сообществ.** Культурная (когнитивная) революция (около 70 тыс. лет назад) проявила в том, что человек стал обладать знанием, способным быть переданным потомкам, овладевать искусством и, в дальнейшем характеризовалась появлением цивилизаций и социальных институтов.
- 4. Религия, культуры и подобные социальные институты** про-поведовали, что **человек обладает почти верховной властью и что природа, и вообще окружающий мир,**

должны быть ему подчинен. Быстрое развитие производительных сил почти не оставило сомнений в том, что человек способен преобразовать и подчинить себе остальную природу. Чего стоит одно только мичуринское высказывание начала XX века: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача».

5. К середине XX века человечество осознало губительность потребительского подхода к окружающему миру. Появилась наука «социобиология», которая утверждала, что **человек находится в одном эволюционном ряду с другими высшими животными**, и его поведение необходимо объяснять его эволюционным прошлым. А также то, что любые поведенческие и социальные характеристики человека находятся в ряду с другими, универсальными качествами животного мира.
6. Разрушительные войны прошлого, и особенно XX века, должны были выработать в человечестве иммунитет против развязывания новых масштабных войн. История должна была научить человека уважать разность мнений, культур и способов жизни, инаковость вкусов и предпочтений. Казалось бы, после Второй мировой войны модернизм в виде глобального взаимопонимания и сотрудничества взял верх над архаикой узко-национальных, обособленных представлений о культуре, развитии общества и отношениях между людьми. Однако факты новейшей истории говорят нам, что **человек по-прежнему находится в плену этнических, националистических, изоляционистских предрассудков, которые определяют его деструктивное поведение.**

Исходя из вышеперечисленных тезисов, главные вопросы, на которые предстояло ответить настоящему курсу, могут быть сформулированы следующим образом:

1. **Какие неотъемлемые характеристики человека как вида и социума определяют modus operandi современной цивилизации?**
2. **Возможно ли такое устройство человеческого общества, в котором люди смогут направить все свои**

способности и весь свой опыт на развитие общества, совершенствование вида и помочь другим людям?

Нам предстояло проследить эволюционное прошлое человечества в ряду с его ближайшими родственниками-приматами, и исследовать формирование филогенетических признаков, определяющих вид *Homo sapiens*. Мы намеревались раскрыть как можно больше составляющих признаков биологического и социального поведения, а также максимально выявить мотивы и движущие силы такого поведения.

Построение курса и тематический план

Курс «Природа человека» предлагался дважды, в осеннем и весеннем семестре 2022–2023 учебного года. Он был расписан на 15 еженедельных двухчасовых семинаров по ZOOM, в ходе которых преподаватель сперва проводил вводную 10–15 мин лекцию, а затем им инициировалось обсуждение тем, объявленных заранее. Слушатели активно участвовали в обсуждениях, задавали и отвечали на вопросы, дискутировали и дополняли.

Набор слушателей на курс осуществлялся по предварительным заявкам, присланным через Свободный университет. На первый курс пришло 84 заявки, из которых было отобрано 62. В числе критериев отбора были следующие факторы: а) наличие самого базового научного образования в одной из областей, связанных с человеком; б) проявленная мотивация. На второй курс было отобрано 28 заявок из 36.

Формат проведения регулярных занятий по Zoom, очевидно, еще недостаточно обкатанный. Как и у прочих онлайн-форматов занятий, есть вопросы посещения, открытия-закрытия окошек, поднятия руки и прочих факторов, связанных с психологией личности и ее поведения в онлайн-группе. Кому-то некомфортно участвовать с включенным видео. Кто-то не желает привлекать к себе внимание. Помимо прочего, в ходе течения семестра происходил и естественный отсев слушателей.

Ниже представлены темы, предлагавшиеся к обсуждению на семинарах курса. Необходимо учитывать, что некото-

рые темы ввиду их популярности и/или по усмотрению преподавателя, освещались в течение двух занятий.

1. **Происхождение человека. Генотип и фенотип.** Поведение, необходимое для выживания — ознакомимся с трудами Дарвина, Менделя и более поздних исследователей (синтетическая теория эволюции). Разберемся, как именно происходит наследование признаков, а также как и почему они закрепляются и развиваются в поколениях.
2. **Поведение человека.** Формирование фенотипа и фенотипических признаков как формы поведения индивидов и групп. Вклад генов и среды в формирование личности.
3. **Эволюция мозга. Нейробиология.** Как всего за несколько миллионов лет объем мозга человека вырос в три раза и какие условия внешней среды этому способствовали. Мозг и передача сигналов. Коммуникация в человеческом обществе.
4. **Психология личности и группы.** Воззрения на различные психологические теории.
5. **Природа агрессии.** Как развивалась и видоизменялась агрессивная натура древнего человека. Рассмотрим различные виды животных и племена человека и попытаемся понять, чем все-таки обусловлена внутривидовая агрессия.
6. **Племена и сообщества. Почему общества развиваются по-разному?** Как жизнь в племенах проявляла и укрепляла признаки и поведенческие паттерны, приобретенные эволюцией. Рассмотрим цивилизации *Homo sapiens* на протяжении последних 10–12 тыс. лет и попытаемся выявить устойчивые модели развития. Почему некоторые династии длились тысячелетиями, а некоторые вспыхивали и гасли. Рассмотрим некоторые антропологические работы.
7. **Человек в авторитарных и в демократических обществах.** Каковы взаимоотношения индивидуумов между собой и с властью имущими? На чем держатся эти социумы. Кланы и партии. Что предлагает современная социология для описания моделей общественного устройства.

8. Почему мы видим одни и те же вещи по-разному?

Почему иногда мы даже с близкими друзьями и в семье имеем не только разные взгляды на вещи, но и разные вкусы и предпочтения? Можно ли объяснить эти различия разной генетикой и/или условиями окружающей среды?

9. Сотрудничество или обособленность в будущем.

Способны ли социумы примириться с «инакостью», индивидуальностью каждого и объединить усилия для помощи друг другу и совместному процветанию? Или же «сильные мира сего» всегда будут стремиться доминировать над «слабыми». Или возможен третий вариант — разделение государств на сферы влияния и полное обособление одного от другого. Что подсказывает нам природа человека?

Профиль слушателей и формирование интереса к курсу

Как уже было упомянуто, среди слушателей наблюдалось крайне большое разнообразие профессий и специальностей, но подавляющее большинство из них всё же было связано с гуманитарными областями. Несколько биологов в каждой из групп помогали разобраться с основами биологической систематики, физиологии и нейробиологии. Однако, хотя на курсе мы коснулись и серьезных научных трудов, где, например, определялись ассоциации и высчитывались степени корреляции признаков, в основном семинары касались знакомства с основными положениями и теориями в биологии, психологии, социологии и других науках. Мы могли осмыслить и проанализировать их как в более теоретическом, так и прикладном смыслах. К такому более общему сопоставлению фактов из разных наук, на мой взгляд, склонны как раз представители гуманитарных профессий. На курсе оказались психологи и политологи, менеджеры программ, и вообще слушатели с междисциплинарным взглядом на вещи. Именно этот взгляд крайне важен для формирования более полной картины и ответов на главные вопросы, которые были поставлены перед слушателями.

В ходе ознакомительного Zoom слушатели делились своим опытом и обозначали сферы заинтересованности, связанные с курсом. Параллельно высказывались мнения о проблематике курса и предложения по поводу подходов к изучению человека. Вот некоторые выдержки из высказываний слушателей:

- «Нельзя говорить, что человек произошел от обезьян. Он — животное в том же ряду обезьян, с теми же самыми принципами физиологического и социального устройства. Мы не различимы ни биологически, ни через формы нашего поведения».
- «Человек носит в себе сознание превосходства над животными, это особая форма дискриминации, когда принцип „нам всё можно“ вызывает серьезные вопросы объективного рассмотрения сути вещей».
- «Видоспецифические характеристики человека формируются именно социальной жизнью, а не тем, что ему повезло родиться *Homo sapiens*».
- «Нам необходимо постоянно и серьезно думать о том, как организовать свою деятельность так, чтобы не навредить как окружающему нас миру, так и самим себе».

Многие из означенных комментариев слушателей определили и то, что во втором семестре данный курс поменял название с «Человеческое и животное в нас» на «Природа человека», так как последнее название не противопоставляет нас другим организмам, а заставляет разобраться в самих себе.

Ход семинара и наблюдения в процессе курса

Взаимодействие между участниками семинара осуществлялось на постоянной основе через телеграм-чат, в котором обсуждались как текущие вопросы к ближайшему семинару, так и более общие вопросы, относящиеся к теме «человек». Преподаватель назначал тему ближайшего семинара, давал вопросы и материалы к подготовке в собственном телеграм-канале, где у студентов не было возможности комментировать или добавлять контент.

Надо отметить, что преподаватель старался не модерировать обсуждения в телеграм-чате, хоть они могли и уходить

в сторону от темы ближайшего семинара. Единственное чего не допускалось — это грубость и оскорблении. В остальном же предполагалось, во-первых, что свободное мыслеизъявление больше раскроет потенциал слушателей и развернет их креатив. А во-вторых, и это, пожалуй, главное в педагогическом смысле — идеи, возникавшие в процессе такой дискуссии в чате, часто ложились в основу дополнительного обсуждения на последующих семинарах. Ни один вопрос, ни одно замечание обычно не является ни глупым, ни иррелевантным. Однако они могут задать новый тон, обозначить новую перспективу рассмотрения предмета. И поскольку объектом нашего изучения является ЧЕЛОВЕК, сам диапазон человеческой мысли тоже предмет изучения!

Будет корректным сказать, что обсуждения в телеграм-чате и на семинарах являлись единым смысловым и учебным пространством. Материал, предлагаемый преподавателем в телеграм-канале, дополнялся материалом, предлагаемым слушателями, и это расширяло тематику обсуждения. В частности, разговор о психогенетике как области на стыке психологии и генетики, был инспирирован слушателями.

Помимо непосредственно тематики курса, мы уделили время обсуждению методологии науки в целом и подходам к формированию знания в разных дисциплинах. Ведь междисциплинарный курс требует выработки явного и недвусмысленного отношения к информации, складывающейся из научной литературы, популярных книг и трудов и, наконец, предлагаемой в интернете. И если строгое научное знание основано на Научном методе исследования, включающем тестирование, проверки, верификацию и т. п., то гуманитарное знание может быть основано на накоплении информации, например, на case studies, где каждый случай может быть индивидуальным и не вписываться в «общее правило». Два важных критерия для определения отношения к такой информации были подчеркнуты в ходе семинара:

1. важно понимать контекст изучения: парадигмы, теории, господствующие воззрения в той или иной области. Они

- определяют характер данных, основу рассмотрения — то, что в англоязычной литературе называется **framework**;
2. при работе с информацией важно оценивать ее достоверность и правильность, необходимо верифицировать источники и сами методы получения такой информации.

Излишне говорить, что политическая конъюнктура в разных странах способна поменять фокус, заменить и даже исказить основы знания. Это очень часто связано с господствующими консервативными или, наоборот, либеральными течениями. И сама наука также не статична, она все время получает новые знания и оперирует новыми понятиями. А с третьей стороны, общества меняют акценты. И самое интересное для нас в этом курсе является то, что ЧЕЛОВЕК находится в эпицентре таких изменений, то есть наше знание о человеке динамично, и для того, чтобы получить всеохватывающее представление о его природе, необходимо учитывать и принимать различного рода воззрения.

Формат курса позволил в заключительный день каждого из двух семестров провести дебаты по следующим тезисам:

1. Изучение человечеством собственной истории предотвратит его от повторения ошибок прошлого. Мы достигнем мира, и не будет войн.
2. Искусственный интеллект — это благо для будущего человечества!

Большинство слушателей успешно приняло участие в дебатах. Слушатели были разделены на две группы, каждая из которых имела возможность подготовить аргументы и выступить с ними. Преподаватель следил за тем, чтобы каждая группа получила равное время и возможность представить свои доводы.

Основные результаты и выводы

В течение двух семестров данного курса состоялось обсуждение обширного набора тем, связанных с природой человека. Современные знания из различных сфер деятельности, связанных с человеком, были подготовлены, препарированы и подвергнуты основательному междисциплинарному анализу участниками семинара. Особое внимание было уделено

но тому, чтобы сравнить данные научных изысканий, а также общетрадиционных представлений о человеке с тем, что мы наблюдаем в реальной жизни. Иными словами, одной из задач было поверить теорию практикой. Как уже было отмечено, слушатели курса обладали многими профессиональными знаниями в биологии, социологии, нескольких областях психологии, включая когнитивную, и т.д. Некоторые являлись профессиональными журналистами и имели опыт освещения тем, связанных с курсом. Всё это дало крайне положительный стимул беседам и обсуждениям, поиску наиболее правильных формулировок, а также выводам и выявлению важных практических рекомендаций для специалистов в области антропологии и смежных наук.

В качестве результативной части семинаров, я приведу несколько примеров обсуждения и дискуссий, проливающих свет на те или иные вопросы тематического плана.

1. В чем принципиальное отличие человека от других видов животных?

Человек прошел 6-миллионнолетний путь эволюции от общего предка с человекообразными обезьянами. В течение этого пути троекратно увеличился объем его головного мозга. Ему удалось освоить огонь, членораздельную речь и создать культуру и религии, которые определяли направление социальной жизни племен, социумов, а затем и государств. Человек совершил стремительный интеллектуальный скачок. Он распахал земли, создал цивилизации и приспособил к себе окружающую среду, уничтожив или кардинально преобразив при этом значительную ее часть.

Вместе с этим, биологически человек не сильно изменился. «Он находится в эволюционном ряду с другими высшими животными. Поэтому комплексно понять его социальное поведение можно только в контексте эволюционного развития и закрепления унаследованных генов от предков» [1]. Ему характерны большинство из паттернов поведения, присущих животным. Они включают в себя формирование дружеских связей, и кооперацию, защиту территории, как пример группового поведения, и многочисленные примеры неприятия

и агрессии, которая проявляется на различных уровнях взаимоотношений, от межличностных до межгосударственных. И, несмотря на разительные отличия в интеллектуальных способностях между человеком и другими животными, несмотря на накопленный опыт осмысления и оценки собственных действий, он проявляет клановую и социальную нетерпимость, гомофобию, да и просто пренебрежение к базовым правам другого человека, нарушая *Декларацию прав человека*, сформулированную и подписанную подавляющим большинством наций в середине XX века.

Следовательно, существуют в природе человека разительные противоречия и нестыковки, которые заслуживают тщательного осмысления и анализа. Этому анализу уделено больше внимания в разделе социальных особенностей человека.

2. *Nature or Nurture?* Что нас формирует — гены или окружающая среда? На этот крайне интересный и важный вопрос мы давно пытаемся получить ответ

Психологические характеристики человека — элементы фенотипа — являются сложной производной генотипа, внешней и внутренней индивидуальной среды и набора эпигенетических факторов, влияющих самым непосредственным образом на экспрессию генов [2]. Это не просто формула суммы факторов, влияющих на то, какими характеристиками будет обладать тот или иной человек, а выражение крайне комплексной природы человека, несводимости его свойств даже к бинарному взаимодействию гены — *окружающая среда*. Мы представляем из себя гораздо больше, нежели гены наших родителей, взращенные в определенной среде. Это касается подавляющего большинства характеристик человека. И это знание наносит достаточно серьезный удар по детерминизму тех, кто желал бы определить человека как плод той или иной совокупности генных признаков и влияния тех или иных условий среды.

3. Социальные особенности человека. Взаимоотношения внутри вида

Более пристальный взгляд на социальное устройство человека и на характер взаимоотношений между людьми позволяет увидеть некоторые довольно общие признаки поведения особей, которые не могут быть объяснены имеющимся генетическим разнообразием человека. К таким признакам относится формирование больших сообществ. Тяготение человека к таким сообществам «объясняется его уникальной верой в “воображаемые вещи” — богов, деньги, права человека — в социальные конструкты, являющиеся фикциями» [3].

Согласно Харари, три важнейших революции человечества способствовали этому. Первая, **когнитивная** революция, около 70 тыс. лет назад привела к зарождению культуры. *Homo* от других приматов отличала не сама коммуникация, которая присутствует и у птиц и млекопитающих, а именно наличие членораздельной речи. С ее помощью мы начали по-другому мыслить, общаться, передавать информацию и обучать новые поколения и т. д. Появился язык абстракций, язык вымысла — и он позволил человеку не просто отдаваться игре воображения, но делать это всем коллективом. Мы научились сплетать общую для всех мифологию о предначальных временах и националистические мифы современных государств. Затем уже появилась религия сообществ, мораль и т. д. Но именно общая мифология наделила сапиенсов небывалой способностью к гибкому сотрудничеству в больших коллективах. В результате когнитивной революции сапиенсы начали объединяться в более крупные и стабильные группы.

Вторая революция — **аграрная** — произошла около 12 тыс. лет назад, когда человек распахал огромные пространства земли и стал оседлым. Мы можем говорить о начале современной цивилизации, земледелии, строительстве и масштабном освоении ресурсов в пределах зон заселения. Вдобавок можно выделить **научную** революцию — около 500 лет назад — эпоху открытий, завоевание европейцами американского континента, а также быстрого роста научных изысканий и появления объективной науки. Наконец, **индустриальная** революция

середины 19-го столетия обеспечила бурный рост производительных сил, агломерацию поселений и значительное уплотнение людей в городах. Человек радикально поменял окружающую среду. Вместе с тем появился и значительный объем знаний о самом человеке, его психологии и социуме, в котором он существует.

Культурное развитие человечества сопровождалось совершенствованием орудий труда и большей эффективностью освоения, чтобы не сказать разрушения, природных ресурсов. Однако характер взаимоотношений в социумах по большому счету оставался неизменным вплоть до XVII–XVIII веков. Проявлялись все те же архаичные признаки агрессивного доминирования в группах, агрессия при защите территории, создание национально-этнических анклавов и идеологии, пропагандирующих образ соседних племен и государств как вражеских. Характер же самих государств оставался большей частью монархическим, где крайне узкая группа лиц принимает решения о политике и функционировании государств. Неудивительно, что значительную часть времени народы проводили в войнах и выяснении отношений.

В современном мире отчетливо выявляется противоречие между развитием человеческой культуры, которая должна быть динамичной по сути своей и требует поддержания контакта и интенсивности обмена между поселениями и странами, и тенденцией к защите групповых, национальных, этнических и прочих интересов в силу архаичного, даже биологически обусловленного характера эволюции человека. Это крайне важное противоречие может также быть идентифицировано как конфликт между модернизмом и консерватизмом, постиндустриальной глобализацией и национальным обособлением.

Казалось бы, современная цивилизация, испытавшая ужасы двух мировых войн, должна осознать, что путь конфронтации ведет в тупик. Войны должны признаваться неприемлемыми, а территориальные и ресурсные приобретения, завоеванные силой, должны считаться недействительными и сопровождаться международным осуждением.

4. Врожденная агрессивность человека и поиски механизмов сдерживания

Пожалуй, наиболее разрушительной характеристикой человека является его неконтролируемая агрессия. Именно поэтому агрессии было уделено на курсе особое внимание. Проявления агрессии были рассмотрены с нескольких сторон. Нейробиологическая составляющая агрессии хорошо выявлена за последние десятилетия, и идентифицированы отделы и функции мозга, отвечающие за нее. Лимбическая система, представляющая более древний участок головного мозга, взаимодействует с эволюционно молодой и чрезвычайно развитой у человека корой головного мозга. В этом взаимодействии сплетены эмоции и реакции, анализ и оценка ситуации, поиск быстрых решений и копившееся непонимание и раздражение. Анализ работ этологов, психологов и нейробиологов позволил нам сформулировать несколько основополагающих принципов, относящихся к характеристике агрессии:

1. агрессия — это фундаментальный инстинкт;
2. она имеет корни в социальной природе человека;
3. агрессия направлена чаще на представителей своего вида, за исключением особей, с которыми установлена идентичность;
4. агрессия тем выше, чем меньше социальных контактов у особи;
5. она плохо осознается и не всегда адекватно оценивается;
6. агрессия в обществе противопоставляется морали.

Работы К. Лоренца, Р. Докинза, Ф. Вааля, Р. Сапольски и других убеждают нас в том, что агрессия — логичный образ действия, базовый инстинкт для выживания вида. Сапольски, например, утверждает, что нам внутренне присуще насилие и ненависть. Причем наличие ненависти мы оправдываем тем, что она направлена против «зла». Лоренц отмечает, что «разумная, но нелогичная человеческая натура заставляет две нации состязаться и бороться друг с другом, даже когда их не вынуждает к этому никакая экономическая причина; она подталкивает к ожесточённой борьбе две политические партии или

религии, несмотря на поразительное сходство их программ всеобщего благополучия; она заставляет какого-нибудь Александра или Наполеона жертвовать миллионами своих подданных ради попытки объединить под своим скипетром весь мир» [4]. Однако мы хорошо знаем и о тормозящих механизмах, которые сдерживают агрессию у различных общественных животных, о поведенческих табу внутри одного вида. Таким же тормозом является и социальное сдерживание агрессии у человека. Практики такого сдерживания варьируют в различных культурах, от «выкутивания трубки мира» до законодательного формирования институциональных норм о толерантности к другим культурам, религиям и образу жизни.

Заключение

Человек, по его собственному разумению, самое высшее достижение эволюции на Земле, но, разумеется, не последнее слово. Развитие человечества будет продолжаться. Мы наблюдаем разнонаправленные тенденции технологического развития, от ускоренного техногенного и цифрового прогресса до консервативных призывов остановить, пересмотреть и даже пустить вспять итоги научного прогресса. Это побуждает нас более основательно изучать биологию и гуманитарные дисциплины и прислушаться к выводам относительно новой науки *социобиология*, открывающей свежий взгляд на место человека в биосфере.

Девиз и принцип существования *E pluribus unum* означает «из многих единое». Современная наука укрепляет нас в мысли, что все мы созданы разными, у нас имеются различия, иногда принципиальные, в мышлении и взглядах, на философию и религию, на то, как нам дружить и как выстраивать отношения с коллегами по работе. Но несомненным является то, что человечество обладает богатым и уникальным сплавом генетических и поведенческих характеристик, талантов и способностей, стремлений и потенциалов. Таким человечество сделала природа. И это и есть природа человека! Наша задача — как можно глубже осознать этот потенциал и направить его на мирное созидание.

Конрад Лоренц, знаменитый ученый, основатель этологии, отмечал, что человек, может быть, единственный вид,

который обладает воодушевлением, силой духа и энтузиазмом, которые проявляются во время борьбы за социальные ценности и культурные традиции. Хотелось бы надеяться, что человек задействует свои самые высшие чувства и силу духа для гармоничного развития и мирного существования с себе подобными.

Литература

- Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis.* Harvard University Press, 1975.
Tуходеев О. Н. Основы психогенетики. М.: Изд. Центр «Академия», 2011.
Harari Y. Sapiens: A Brief History of Humankind. Random House, 2015.
Lorenz, Konrad Z. On Aggression. New York: Harcourt, Brace & World, 1966.
-

Max Goldshteyn, Prof. of Science Education

Abstract: A new semester-long course “On Human Nature” was developed for Free University / Briva Universitate in the Summer of 2022. It was offered to students twice, in the Fall 2022 and in Spring 2023 semesters. The course is based on the teachings of evolutionary biology, neurobiology, ethology, sociobiology, anthropology, cognitive psychology, and other disciplines. The historic and cultural context of humanity over the last few million years is considered. The course was taught by ZOOM and was comprised of fifteen two-hour seminars. Debates were organized and conducted after each semester. A telegram channel and a chat created for communication among the students helped to launch and maintain discussions relevant to the course. The rationale and brief description of the course are given, as well as the main results and conclusions pertinent to the study of course materials and students’ contributions are presented. The article should be of great interest to all scholars and teachers, especially those working in multidisciplinary areas of knowledge related to human studies.

Гасан Гусейнов: Мыслить точно

Диляра Тасбулатова

Что такое образование и что под этим словом подразумевается? О парадоксах образования мы поговорили с профессором, доктором наук, филологом Гасаном Гусейновым, человеком, классически образованным.

Мастодонт

В последнее время, образованный человек (ну, в классическом почти смысле этого определения) становится уже чуть ли не мастодонтом: вот как вы, например. Почитывая ваши посты в соцсетях, я прихожу в ужас, многое не зная. А ведь есть еще пострашнее меня, хе-хе. Хотя, судя опять-таки по соцсетям, даже поверхностно осведомленные люди, особенно старшего поколения, читали и то и это, неплохо ориентируются, например, в литературе. Да и в кино тоже. Реже — в музыке, но и такие попадаются. Другой вопрос, что они часто задают странные вопросы, постоянно уходя в сторону. Так вот. Что я, собственно, хотела спросить: как строить образование, как научить хоть каким-то навыкам мышления? И могут ли знания привести к самостоятельному мышлению? Иначе образование, так получается, нечто мертвое, как запертый склад, набитый бесполезными знаниями о том, о сем? Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь?

— Вы знаете, чем дальше, тем больше я понимаю как раз пробелы в собственном образовании: спонтанно возникающие принудительные ассоциации мало помогают осмыслить новизну момента. В этом, мне кажется, и состоит главная загвоздка.

1984

Не поняла, если честно.

— Ну как? Толку-то, что большинство слышали о «1984» Оруэлла, но не помнит об одном из прообразов этой книги — замятинском «Мы»? Получается, что критическое осмысление текущего момента подавляется поверхностной ассоциацией:

зачем думать дальше, если всё уже было, если нам всё уже предсказали?

Например, некоторые помнят название книги Андрея Амальрика «Просуществует ли СССР до 1984 года?» Однако тогдашнее предсказание, хоть оно и сбылось к концу восьмидесятых, — но сбылось-то совершенно не по тому сценарию, который предписал историю великий диссидент? Вообще для критического самообразования нужна когорта авторитетных учителей. Но, заметьте, авторитет настоящего учителя держится не на всеобщем признании этого аксакала, а, скорее, на статусе изгоя.

Потому что в авторитарном обществе авторитетны как раз гонимые или люди не на стражне — то есть носители, если угодно, тайного знания. Таковы были «властители дум» советского времени. Но от них же шла и опасность кружковщины и междусобойчика: вместо открытых споров велись какие-то малопонятные убаюкивающие разговоры. Окрепло религиозное мракобесие, презрение к социальности, и «общее дело» образования оказалось подорвано изнутри. На это стоит смотреть глазами Варлама Шаламова — как лагерь ничему хорошему научить не может, так и подполье. ..

Книга Петра Григоренко «В подполье можно встретить только крыс» опять-таки важнее, чем «1984». Это доказывает и только что вышедшая великолепная книга Маши Карп об Оруэлле. Исследовательница двадцать лет над ней работала, как будто ждала момента предельного социального разложения... Именно «Оруэлл» Маши Карп может быть одной из опорных точек общественного самообразования. Простите за такой дробный ответ на вопрос об образовании. В условиях распада или ненадлежащей работы государственной машины и государственной системы образования приходится комбинировать самообразование с поиском иногда случайных и неожиданных авторитетов в доступных научных областях.

Многознание уму не научает

Наоборот: ответ не дробный, а как раз касающийся многих, так сказать, аспектов. Быка за рога, надо же! Но я вот что еще хотела спро-

сить (готовилась же). Что можно было бы почерпнуть из принципов средневекового образования? Иди образования времен античности? Учили ли раньше лучше, нежели сейчас?

— Традиционные общества в целом намного более репрессивны, чем находящиеся в состоянии самокритичной перенастройки демократические государства. Если базовая ценность — сохранение традиции и экспансия цивилизации, то и система образования затачивается под конкурентную среду, в которой высшие классы намного требовательнее к своей молодой поросли. Почему так ценилось ораторское искусство? Потому что давало возможность человеку представлять знание своего времени и представлять себя самого на какую-то политическую роль. Но в условиях, когда политика придавлена, от этой схемы остаются рожки да ножки. На вершине власти может находиться бессловесная корпорация, а камуфлировать ее деятельность берутся бойкие телеведущие с языком без костей, которые взвинчивают общество приемами, так сказать, черной риторики — самой примитивной манипуляцией. Сверху — корпорация людей дела, прокручивающих свои делишки, под ними — бойкие краснобаи, может быть, даже и вполне образованные. А уже под этими — все остальное общество. Точнее, уже не общество, а подвергнутая грубой манипуляции среда. Внутри этой среды вызывают удивление люди, даже весьма прилично образованные, которые идут на сделку с начальством. Это говорит только об одном: само по себе «многознание уму не научает», хорошее образование прекрасно может уживаться с самыми отвратительными формами подавления и развращения общества.

Трещина расширилась

Откуда берутся образованные люди в стране, которая вот уже сто лет, по сути, равнодушна к знанию как таковому? Или это не так? На преодоление?

— Советское время нельзя назвать временем «равнодушия к знанию». Это не так. Вся номенклатура наук (за вычетом психологии и богословия, которые заменялись в СССР «научным коммунизмом» и санпросветработой) все-таки была

совместима с мировой. Вот почему тотчас после распада СССР и даже чуть раньше американская академия легко забрала себе сливки физиков-математиков и «засекреченных ракетчиков». Даже многие гуманитарии пригодились в США и отчасти в Западной Европе, и какое-то время это вполне доброкачественное знание работало на оставленную метрополию, влияло на систему образования. Но потом трещина расширилась. Оставшиеся в РФ люди остались в том числе и просто по инерции, больше из патриотических, чем из академических соображений. Сейчас одни люди получают хорошее образование, чтобы вырваться из страны, другие — чтобы сеять разумное, доброе, вечное там, где родились и выросли. Третья — из общих соображений безотносительной ценности хорошего образования. «Наука не простая вещь, и общественная наука в том числе, — это гранит, и его надо грызть молодыми зубами», — эти слова Троцкого остаются в силе до сих пор. Но в советское время их так и не поняли, а вот на Западе лозунги Троцкого как раз материализовались, правда, в сочетании с традициями свободных искусств и наук, и образовательный западный мейнстрим в целом стал левым, социальным, даже неомарксистским. А советская система усохла в своей патриархальности. Сейчас противостоят друг другу критические западные теории, идеи социального демократического государства, прав человека, поиска новых форм образования и жизни — с одной стороны, и — изоляционизма — с другой.

Равноправие с учеником

Давало ли средневековое образование и образование эпохи Ренессанса более полную картину тогдашнего мира нежели сейчас, когда все секулярно?

— Мы не можем сравнивать тысячелетие многопланового развития европейских систем образования с несколькими десятилетиями российской академической жизни. Даже история одного английского университета больше и многообразнее по части свободного развития идей и научных методов, чем все, что получилось в 19-20 веках во всей России и в СССР. Это кому-то может быть очень обидно, но нужно смотреть правде

в глаза: система, выстроенная на мании контроля над обществом, мании ограничения прав и свобод гражданина ради непонятного, не может быть иной.

Можно ли научить мыслить, причем неординарно? Или это свойство чуть ли не генетическое, вопрос когнитивных способностей?

— Можно, но ради этого учитель должен быть готов к равноправным отношениям с учеником, понимать, что следующее поколение растет для того, чтобы вытеснить твоё с кафедры. Репрессивная сексистская геронтократия, что-то блеющая о традиционных ценностях, сама не верит ни в какую неординарную мысль, потому что смертельно боится свободы.

Нужно ли быть демократичным — учить всех одинаково, не учитывая интеллектуальных способностей, надеясь пробудить в студенте или ученике школы тягу к знаниям?

— Учить всех одинаково невозможно, но равный доступ к образованию должен быть у всех. Не уверен, что это можно назвать демократичностью. Аристотель считал, что человеку свойственны две тяги — к истине и к подражанию. Знание тут лишь путь к истине, а не сама истина. Поэтому тягу к знаниям развивать не нужно, а тягу к истине — обязательно. К знаниям как к инструменту власти, подавления, террора некоторые люди тянутся с младых ногтей. Таких людей лучше было бы от тяги к знаниям как раз отваживать. Не лишая их при этом гражданских прав, но, повторюсь, — отваживать.

Репертуар античности

Как преподаватель античной культуры и ученик Тахо-Годи, считаете ли вы знание античности необходимым всем? Что именно оно дает? Многие ведь относятся к этому как к архаике?

— Античность дает каталог образов и репертуар приемов, с которыми легче путешествовать во времени и пространстве Европы, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки, где много выходцев из Европы. Если занимаешься гуманитарными науками, хорошо понимать, как менялись представления об античности и об отдельных авторах в науке.

Я читала, что в мире людей с высшим образованием (еще ведь и важно его качество) всего 8 процентов. Опасно ли это для цивилизации? Хотя я понимаю, что дураков полно и среди условно образованных, дипломированных людей.

— Так ведь и у людоедов бывает высшее образование, это вовсе не критерий, мне кажется. Особенно в мафиозных обществах. Для цивилизации важно, чтобы человек был хороший. Один хороший доктор может спасти сто человек и даже больше.

Мыслить точно

Что такое, по-вашему, мыслить точно? (Я постоянно цитирую Мамардашвили — «Дьявол играет нами, когда мы мыслим неточно»).

— Мераб Константинович, с которым мне довелось быть знакомым и даже довольно интенсивно общаться в середине восьмидесятых, был и философом, и социальным мыслителем. «Мыслить точно» в философском смысле для него — это внутрицеховая доблесь, основанная, например, на точном переводе какой-нибудь категории Аристотеля или Канта. В таком случае под точностью понимается нечто буквальное в языковом отношении. Нельзя приписывать Канту какую-то мысль, построенную на твоем незнании и непонимании философского языка, которым пользовался Кант. Другое дело, когда речь идет о твоем обществе, о твоем языке, в котором ты живешь. Здесь от социального мыслителя требуется другая точность — поиск слова, предложения, даже формулы своего времени, той эпохи, для которой у нас еще нет путеводителя. И тут, например, Мамардашвили был куда точнее большинства других людей, когда говорил, что «советское общество не хотело и не умело практиковать сложность». Эта формула была гораздо точнее расхожего «будь проще и люди к тебе потянутся». Нет ничего удивительного в том, что он стал объектом нападок с разных сторон — примитивных шовинистов и националистов: одни не могли «простить» ему «инородчество», другие — «космополитизм».

Образовываться (извините за неловкое слово) нужно постоянно, не так ли? Иначе мозг засыпает?

— Да, так говорят. Но мозги все равно работают медленнее, и их надо занимать другими видами деятельности. Засыпает? Ну да, мы же не можем этому противодействовать. Перед сном дети слушают сказки. А старики перед сном охотно рассказывают сказки. У каждого возраста есть свое отдохновение.

Что делать и кто виноват

Что делать, если не понимаешь сложный текст? Упорно идти вперед, насилия свой мозг, или бросить — ведь все равно не поймешь (я, скажем, не понимаю Деррида и Декарта — ну, кое-что у него).

— Насиловать мозг точно не надо. А вот встретиться с человеком, который хорошо понимал бы этот текст и мог бы помочь его растолковать совместным медленным чтением, необходимо. То, что мы называем текстами, на самом деле — сложные послания, которые человек оставил, прежде всего, своим современникам. Поэтому для начала необходимо остановиться на том, что тогда, в его время, значили те или иные слова или целые тексты. Вот алжирский еврей Деррида читает платоновского «Федра» и деконструирует текст Платона. Зачем он искажает слова? Что за новый мир встает за этими его нововведениями? Как философия на французском языке изменила многих людей во второй половине двадцатого века? Мне кажется, для понимания Деррида нужно начинать с социально-политического и общекультурного контекста, и от него идти к его сложным текстам. В последние годы и десятилетия по-русски много написано выдающихся работ об этом — Михаила Ямпольского и Натальи Автономовой, Сергея Зенкина и Анны Ямпольской.

Ну и вопрос, так сказать, животрепещущий — о снижении уровня образования в России. О платном образовании, которое не всем доступно и ставит препоны для талантливых, но бедных студентов.

— Наверняка сохранились и хорошие школы, и хорошие факультеты, где какое-то время могут продержаться хорошие учителя и хорошие студенты. И дело тут не в платности или бесплатности. Я знаю многих подвижников, которые преподают, не имея денег на дантиста и распугивая ЗОЖниц и ЗОЖ-

ников. Но в целом, уж простите меня, у молодых нет времени ждать, когда кончится эпоха термитов, и их лучше выталкивать из терmitника вперед и вверх. Но для тех, кому это обидно слышать, у меня есть утешение: бывают чудеса, и в самых неблагоприятных условиях могут произрасти удивительные растения. Но — в порядке чуда. А талантливым и бедным на самом деле открыт мир, где для них работают десятки, сотни благотворительных фондов. Но нужно проявить усердие: под лежачий камень вода не течет. Как пойдет дело в русскоязычной diáspore, пока сказать трудно, конечно.

Опубликовано в издании Story. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/gasan-guseynov-myсли-tochno/>